

WOLF

Александр Вольф

Это история героя нашего времени со знаком минус. Роман Зудин молодой преуспевающий бизнесмен. Он хорош собой и пользуется успехом у женщин. Он встречает девушку, достойную большой и красивой любви, и добивается от нее ответного чувства. Но быть счастливым ему мешает страсть, которая живет в нем. Он не пропускает ни одной юбки и от каждой встречи старается взять максимум плотского удовольствия, не замечая, как опускается все ниже и разрушает самого себя. Сможет ли он победить в себе порок, — становится главным вопросом жизни.

Роман Зудин приехал в Новогиреево, чтобы передать прорабу Гамову зарплату для монтажников. Они договорились встретиться у выхода из метро. Он не хотел пачкать туфли и колеса машины, поэтому не стал заезжать на стройку. Рейндж Ровер Вог уткнулся в забор сверкающей решеткой радиатора. Зудин заглушил двигатель, проверил во внутреннем кармане конверт с деньгами и вышел из машины.

Апрельское солнце брызнуло из окон трамвая, с грохотом прокатившегося на повороте. Люди выходили из подземки и растекались во все стороны. Он шел навстречу толпе, засунув руки в карманы куртки, останавливаясь или поворачиваясь, чтобы уступить дорогу. Он не любил толпу, она его раздражала.

Скучающий взгляд его голубых глаз скользил поверх пестрой людской массы. Женщины задерживали взгляд на его красивом, немного вытянутом лице, но оно казалось им слишком холодным. Высокий рост, черные волосы и брови, голубые глаза и правильные черты лица были прекрасной визитной карточкой.

Что-то привлекло его внимание, — сработал рефлекс, — волнующий изгиб синей джинсы, мелькнувшей в толпе, как синий проблесковый маячок. На долю секунды, и тут же пропал. Мелькнул каштановый хвостик. Зудин остановился и стал шарить глазами в толпе. Каштановый хвостик показался из-за голов — позвал за собой. Зудин взглянул на часы и пошел за девушкой. Он сделал несколько шагов и оглянулся. Гамова не было.

Забор стройки перегородил тротуар, оставив узкую полосу для прохода. Зудин решил, что если девушка сядет в автобус, то он не поедет за ней. Знакомиться в тесной толпе было неудобно, а кататься на автобусе — не было времени. Девушка миновала остановку и пошла по дощатому проходу, поставленному вдоль забора. Подойти мешали люди, которые шли перед ним. Проход был узким и он не мог их обойти.

Он еще не убедился, насколько она хороша, не разглядел ее, не увидел лицо, и мысль, что он как мальчишка бежит за девчонкой, которая этого не стоит, доставляла ему некоторое беспокойство. Когда забор остался позади, он приблизился. «Выше, чем метр семьдесят и ниже, чем метр семьдесят пять» — прикинул он. Его искушенный взгляд не находил ничего, к чему бы можно было придраться.

Они шли по Зеленому проспекту. Дома, стряхнувшие десятилетнюю пыль, грелись, подставляя солнцу сырые бока. Мокрая земля пестрела мусором. Кучи черного снега тонули в лужах. Но деревья уже трепетали, по ветвям уже бежал сок.

На девушке была короткая черная куртка, джинсы и кроссовки. Собранные в хвостик волосы открывали стройную шею. За маленькими ушами поблескивали дужки очков. Зудин почувствовал мандраж охоты. Его воображение сорвалось с привязи и уже стягивало с нее джинсы, мяло ее липкими пальцами.

Хотелось поскорее увидеть, какая она спереди и не разочароваться. Он расстегнул куртку и ускорил шаг. От энергичной ходьбы его лицо порозовело. Поравнявшись, он увидел выпуклую линию ее груди, и профиль лица, который показался ему совсем юным, обыкновенным и одновременно прекрасным. Главное, не было ничего, что могло ему не понравиться.

Его приятно волновало некоторое несоответствие небольшой, изящно посаженной

головы, правильных и потому не бросающихся в глаза пропорций верхней части ее тела и широкого, выходящего из узкой талии, как тяжелая капля, стана с приподнятыми и мясистыми ягодицами, обтянутыми синей джинсой. А далее, полные у основания, бедра постепенно сужались и переходили в длинные и стройные голени. Шаг ее мог показаться несколько широким, но это не портило ее. Все в ее фигуре, в движениях, в облике было просто, естественно, не на показ, и от этого казалось еще краше.

Он представил ее голой, как она наклоняется и выгибает спину; как раздвигаются ягодицы, наподобие прекрасной мясистой раковины и открывают свое самое сокровенное. Интересно, какой у нее оргазм, подумал он, а вдруг она еще не узнала, что это такое?

— Девушка, добрый день! — сказал он приветливым обволакивающим голосом. — Давайте познакомимся?

— Я не знакомлюсь на улице, — ответила она после короткой паузы, не взглянув на него.

Ее высокий голос был нежным и чистым как у девочки-подростка.

— Понимаю. Банально и уже поэтому скучно. Давайте зайдем в магазин. Я угощу вас пирожным, заодно познакомимся.

Она не ответила.

— Да какая разница, где знакомиться!

— Действительно, никакой. Просто, я не знакомлюсь.

— Весомый аргумент.

— Да. Не судьба.

— Вот именно! Как раз судьба помогла мне увидеть вас в толпе.

— Молодой человек, вы зря теряете время.

— Время? У меня его мало. Всегда. Но сейчас мне его не жалко.

Она мельком взглянула на него.

— Девушка, я не разочарую вас. Давайте познакомимся.

— Нет, — протянула она с ноткой вредности.

— Вы замужем? У вас есть молодой человек?

Она повела плечами, как будто ей стало зябко.

— При чем тут это?

— Притом.

— Я не знакомлюсь и все.

— Вы не верите, что хорошего человека можно встретить где угодно?

Она стала задумываться над ответами. В этом было что-то детское.

— Предлагаете поверить вам на слово?

— Наоборот. Проверить на деле. Я предлагаю вам общение, а чтобы общаться, надо познакомиться. Меня зовут Роман.

Она поджала губы.

— Молодой человек, — она повернулась к нему, блеснув стеклышками очков, — я не знакомлюсь, потому что сейчас мне это не нужно. Я очень занята, у меня нет времени.

— У меня тоже. Но для вас я бы выкроил. — Он улыбнулся. — Вы же тратите время на обед, на дорогу. Можно было бы вместе перекусить или я бы мог подвезти вас домой. Вы работаете? Учитесь?

— Учусь. Поймите, мне сейчас не нужны отношения. Красивых девушек много, попытайте счастье с другой, — сказала она по-доброму и совсем по-детски.

— Красивых много, только вы одна.

Легкий румянец покрыл ее щеки.

— Не могу, — пробормотала она с досадой. — Я спешу.

— Какое неотложное дело ждет вас, если не секрет?

— Собака.

— Ее некому накормить?

— Выгулять.

— С собакой гуляют утром и вечером.

— А мы и днем гуляем!

Они свернули и пошли вдоль двенадцатиэтажного дома. Он подумал, что орешек оказался крепче, чем он рассчитывал. Идти оставалось недолго, а знакомство еще не состоялось. Надо было что-то придумать, найти нужные слова.

— Ты, конечно, имеешь право сказать «нет». Раз не хочешь знакомиться, ничего не поделаешь. Но я хочу тебе кое-что сказать. Не буду говорить про любовь с первого взгляда, я не знаю, что это такое. Просто ты мне понравилась... Понимаешь, понравилась — и все. Поэтому я не хочу сказать сейчас «прощай» и больше никогда не увидеться. — Он перешел на «ты», в его густом мужском голосе появились нотки волнения.

Она взглянула на него, в ее черных глазах мелькнуло сомнение. Она была немного растеряна. У второго подъезда она замедлилась.

— Я пришла. Всего доброго... — сказала она тихо, одними губами, бросила на него недоуменный взгляд, и повернула к подъезду.

Она пошла быстро, как будто боялась, что он рванется за ней, набрала код и скрылась за дверью. А он стоял и смотрел, как медленно со скрипом закрывается дверь. Стройные черно-синие очертания растаяли в серой глубине подъезда. Он был смущен. Откуда, в общем-то, в обычной молоденькой девчонке с хорошей фигурой, столько красоты.

Перед подъездом все было заставлено машинами. Дальше до следующего дома был сквер с детской площадкой и лавочками. Он достал телефон и направился к лавочкам.

— Ало, Гамов, это я. Не жди меня, встретимся на стройке... Попозже... Не знаю, через полчаса, может, через час... задерживаюсь, дельце одно. Давай, пока.

На площадке два укутанные по-зимнему малыша копались в сыром песке, на скамейке щебетали их матери, одна курила, отворачиваясь в сторону, чтобы не дымить на детей. Порывы колючего ветра гонялись друг за другом, словно пара молодых псов.

Зудин подошел к выкрашенной зеленой краской скамейке и, сев на спинку, подпернул на коленях брюки. Она сказала, что должна выгулять собаку. Почему-то он был уверен, что это правда.

Дверь скрипнула. Он повернул голову, но это была не она. Пожилая женщина выкатила за собой сумку-тележку. Через пять минут два школьника с рюкзаками забежали в подъезд.

Прошло еще минут пять, когда из подъезда вышел грузный мужчина, и, Зудин хотел уже было отвернуться, как из-за спины мужчины показалась она. На ней были те же синие джинсы, но другая куртка, темно-красная. Она что-то держала на руках. Она подошла к газону и выпустила на землю маленькую лохматую собачку. Шустрый бивер с хохолком на голове бросился к дереву, натянув поводок.

— Не лезь в грязь! — она дернула поводок.

Как-то не вязался ее юный как у девочки-подростка голос с округлыми бедрами взрослой женщины, затянутыми в джинсу, и в этом несоответствии было что-то особенно

притягательное.

Зудин поднялся и пошел к ней навстречу. Она несколько секунд смотрела на него, словно не была уверена, что это ее навязчивый попутчик. Пес подбежал к дереву и поднял лапу.

— Какое чудо! — Зудин шагнул на газон и опустился на корточки. — Можно погладить?

— Лучше не надо. Он не любит незнакомцев.

Песик опустил лапу и звонко залаял.

— Прямо лев, — сказал Зудин, обращаясь к собаке. — А как зовут этого льва?

— Чарли.

— Грозный зверюга!

— Зря смеетесь. Характер у него и впрямь грозный.

Он взглянул на нее. Она застыла, только правая рука ее то опускалась, то поднималась от натягиваемого поводка. Изогнув стан, словно рожденная из пены Венера, стояла она и смотрела на него, сдвинув брови, чистыми черными глазами. Ее скромные очки в металлической оправе и роскошные бедра напомнили ему учительниц и библиотекарей из порнофильмов, только взор ее был чист как у ангела. Он тряхнул головой, и прядь черных волос упала на бровь — отработанный прием.

— Не надо делать вид, словно Чарли вам очень понравился, — сказала она и отвела глаза.

— Просто я люблю собак. В детстве у меня тоже была собака, немецкая овчарка.

Чарли сделал к нему несколько шагов и вдруг побежал в сторону, дернув поводок. Она едва успела переступить через лужу. Чарли рвался все дальше. Зудин пошел за ними.

— Здесь сыро, ты запачкаешь кроссовки.

— Мы уже на «ты»?

— В «ты» нет ничего неуважительного.

— А я считаю неприличным говорить «ты» человеку, с которым только что познакомился... — она осеклась.

— Наоборот. Неуместны церемонии, мы ведь не на балу. Кстати, меня зовут Роман.

— Ольга, — сказала она, выдержав паузу.

Чарли прогуливал их по скверу, бегая от дерева к дереву. Они шли то по дорожкам, то по газону, перешагивая лужи и кучи тающего снега. Голые ветви тянулись над их головами, стучали друг о друга, тоскуя по юной листве.

— Оль, в вашей семье выгуливать собаку твоя обязанность? — спросил он.

— Когда как, родители тоже гуляют.

— Почему бивер?

— Родители подарили.

— Понятно. Баловень семьи.

— Не баловень, а член семьи. А ваша немецкая овчарка еще живет с вами?

— Не «ваша», а «твоя», мы же договорились. Рекса давно нет. Мне его подарила мать, когда от нас ушел отец. Он стал моим другом. Настоящим. Когда я был подростком, матери со мной было непросто. Где я только не пропадал, шарился по подвалам. А Рекс помогал матери искать меня. И всегда находил.

— Почему вы... Почему ты не заведешь другую собаку? Рекса никто не заменит?

— Не в том дело. Просто у меня нет времени, — и добавил с улыбкой, — как у

некоторых. Домашнее животное — это ответственность, тем более собака.

— Просто ты не хочешь брать на себя эту ответственность.

— У меня и так ее хватает. Серьезная работа, коллектив сорок человек.

— А кем ты работаешь?

— У меня свой бизнес.

Она скользнула взглядом по его куртке, обуви.

— Не похоже? — он с улыбкой распахнул полы куртки.

— Почему же, только замша сейчас не в моде.

— Плевать на моду. А замша мне нравится, она мягкая и не блестит как обычная кожа.

Бриони, хорошая вещь за хорошие деньги.

— Можно нескромный вопрос?

— Можно.

— Какой у тебя бизнес?

В ее глазах сверкнули искорки любопытства. Он улыбнулся.

— Если наше знакомство продлится, ты узнаешь.

— Извини, — на ее щеках проступил румянец.

— Извиняться не стоит. Мой бизнес — не секрет. Просто не хочется говорить о работе в первый день знакомства. Есть более приятные вещи.

— Покатать девушку на спортивной машине и пригласить в гости?

Он засмеялся.

— Я бы не назвал свою машину спортивной.

— Мерседес представительского класса, — язвила она.

— Увидишь, придет время.

Она взглядывала на него, но украдкой, чтобы не выдать интерес.

— Какие это — более интересные вещи?

— Можно сходить в Центр фотографии, там часто бывают интересные выставки. Или на концерт. Каждый вечер в каком-нибудь клубе кто-нибудь выступает. На самом деле много интересной музыки, которой не услышишь ни по радио, ни по телевизору. Вообще, в Москве не уметь интересно провести время — да это просто невозможно!

— Все это хорошо, но у меня нет свободного времени.

— Работаешь и учишься?

— Учусь в двух институтах.

— Зачем тебе столько?

— Я люблю учиться. Мне это интересно.

— И кем ты будешь?

— Еще не знаю. Первый иняз, второй — менеджмент и маркетинг.

— Скучища!

— А мне так не кажется. — Она дернула за поводок. — Чарли, домой!

Он не заметил, как они сделали круг и вернулись к подъезду. Они остановились, повернувшись друг к другу. Она стояла, согнув ногу в колене, и следила глазами за Чарли, который что-то вынюхивал на земле. Ее профиль был прекрасен: красивый изгиб шеи, темные брови, словно крылья приготовившейся взлететь птицы, застыли над опущенными ресницами. Она подняла красивую немного смуглую руку и поправила упавший на лоб локон. Она почувствовала его взгляд и ее щека зарделась.

— Оль, дай мне свой телефон, — попросил он.

— Зачем? Все равно я не готова встречаться, — сказала она, не поворачивая головы.

— Когда-нибудь у тебя появится свободное время.

— Не знаю. Скоро сессия, у меня их будет две.

— А потом будет лето.

Она вздохнула. Движение молодой груди выдало ее. Хотелось не только учиться, хотелось и лета.

— Я не буду навязчивым.

Она подняла на него глаза, и он утонул в их матовой глубине, внутри у него ёкнуло. Она не сразу отвела глаза, еще раз вздохнула и тихо продиктовала номер. Она сделала это, как будто стыдясь, словно показала кусочек своего тела.

— Ну, я пошла, — сказала она.

— Спасибо за номер, — он убрал телефон, — знакомство оказалось очень приятным.

— Чарли, идем. — И, уже уходя, попрощалась, — до свидания.

— До встречи, Ольга, — улыбнулся он.

Вечером того же дня он поехал к матери. Впереди были выходные. Она уже переехала на летний сезон на дачу. У них был небольшой дом в коттеджном поселке Загорские Дали.

Застоявшийся в пробке Рейндж Ровер летел над сырым полотном шоссе, поблескивая вороной металлической шкурой.

Зудин смотрел на дорогу и думал об Ольге. У него было много женщин, самых разных, но похожей на нее не было. Он даже не мог решить, был ли у нее мужчина. Вот в такой бы разбудить страсть, влюбить в себя, томить желанием.

Он проехал Дмитров и свернул на бетонку. Тьма уже легла на холмы. Редкие машины пробивали ее длинными огнями, но тьма тут же затягивала бреши.

Запиликал телефон.

— Привет! — сказал в трубке знакомый голос.

— Привет, привет, Ирина Александровна!

— Когда ты, наконец, перестанешь называть меня по отчеству!

— Сама знаешь, когда.

— Что я знаю?

— Когда мы будем под одеялкой, — сказал он игриво.

Ирина Александровна засмеялась.

— Занят?

— Еду к маме.

— Понятно. Выходные будешь у мамы.

— Есть предложения?

— Мои уехали. Вернутся в воскресенье. — Ирина Александровна томно вздохнула.

— Как заманчиво...

— Да, я желаю заманить тебя, — она снова засмеялась. — Сможешь?

— Дай подумать. Так, так, так... Давай, я позвоню тебе завтра до обеда. Скорей всего, мы увидимся.

— Я буду ждать, — она снова вздохнула.

— Я тоже, — он отключил телефон.

Пошел мелкий дождь. Дворники, словно ладонью, смахивали со стекла сетку капель. Рейндж Ровер бесшумно и стремительно глотал подъем за подъемом. В салоне плескалась ритмичная музыка. Положив руку на руль, Зудин смотрел на дорогу. Ему было покойно и хорошо. Преодолев очередной подъем, машина понеслась вниз. Впереди тускло горели фонари придорожного кафе.

Когда кафе осталось позади, в свете фар мелькнул человек. Зудин успел лишь заметить его силуэт и отчаянный жест рукой, в которой он держал канистру. Он нажал на тормоз, прежде чем понял, зачем это делает. Он никогда не останавливался. Его раздражали люди, неспособные самостоятельно решить такие ничтожные проблемы как мелкий ремонт в дороге или вызов эвакуатора. А в этот раз он почему-то остановился.

Он сдал назад и опустил стекло. Из темноты проступили очертания съехавших на

обочину Жигулей. Тусклый свет фонаря обрисовал мокрое лицо и взъерошенные волосы.

— Помоги, земляк. Бензин кончился.

Голос у мужика дрожал, то ли от отчаяния, то ли от того, что он изрядно продрог. Зудин поморщился.

— Два часа здесь торчу. Выручи, брат, — звучало даже не просьбой, а мольбой.

— Шланг есть? — спросил Зудин.

— Нет.

— А как бензин слить? У меня тоже нет.

— Может, до заправки докинешь?

— Это почти до Посада ехать, — Зудин пожалел, что остановился. — Потом обратно.

Тебе вообще далеко ехать-то?

— Я местный, из Хомяково.

— А почему такси не вызовешь?

Мужик пожал плечами.

— Номеров не знаю, — помолчал виновато. — Да и денег нет.

Зудин выругался. Мужик устал стоять возле двери, согнувшись, и, чтобы немного опереться, нерешительно положил руку на стекло. Зудину страшно не хотелось катать этого незнакомого мужика до заправки, слушать заискивающую болтовню.

— Не знаю я, что с тобой делать, — сказал он.

Мужик засопел.

— Тебе ствол не нужен, а? — сказал он тихо.

— Чего?

— Ствол. Настоящий.

Первой мыслью было послать его и нажать на газ. Но Зудин не сделал этого.

— По дешевке.

Зудин заглушил двигатель и вылез из машины. Почему-то он был уверен, что ему ничего не угрожает. Выпал случай завладеть оружием — вещь опасной и незаконной, но которая возможно очень пригодится. Может она всю жизнь не понадобится, а может, понадобится один раз, но так, что без нее никуда.

Было тихо. Слабый шум дождя убаюкивал слух. Тьма покрыла все кисейной пеленой. Вдали тускло светили фонари кафе. Послышался гул приближающейся машины. Из-за бугра появились два столба света, полоснули по черноте, опустились к земле и выхватили из темноты съехавшие на обочину Жигули и мокрое, выскобленное заботой лицо мужика.

Когда машина проехала, Зудин приблизился к нему.

— Что за ствол?

— ПМ и обойма к нему.

— У тебя он откуда?

— Брат мент из Чечни привез. Брат помер, а мне такая штука без надобности. Погоди-ка.

Мужик открыл багажник Жигулей, порылся в нем и достал сверток.

— Вот, — развернул тряпку и сунул Зудину.

В темноте проступали лишь очертания. Зудин вернулся в машину и включил свет.

— Давай сюда.

Мужик ловко достал из пистолета обойму и оттянул затвор. Пистолет клацнул, вспоров их заговорщическую тишину. У Зудина морозец пробежал по спине. Небольшой кусок стали,

ладно умещавшийся в грубой руке мужика, таил в себе страшную власть.

— Держи.

Зудин взял пистолет в неумелую руку, повертел, почувствовав приятную тяжесть.

— А от чего брат умер? — спросил он, словно боялся, что между лежащим у него на ладони предметом и смертью брата может быть какая-то связь.

— Спился. Ты не думай, ствол чистый, с войны. Кто там учитывает... За пять штук возьмешь?

Зудин посмотрел на него.

— С обоймой. Восемь патронов... Ну, за четыре?

Никогда прежде Зудин с оружием дела не имел. Когда мужик предложил пистолет, единственным мотивом приобрести его было — на всякий случай. Но увидев его, а тем паче подержав в руке, он почувствовал, что пистолет ему нравится.

— Брат помер, а мне он на что? Вожу в машине, не знаю, как избавиться.

Зудин положил пистолет на соседнее сиденье, достал портмоне и отсчитал четыре тысячи. Мужик, явно обрадованный, положил обойму рядом с пистолетом.

— Восемь патронов, — повторил он, скомкав деньги в кулаке. — Спасибо брат!

Зудин завел двигатель и нажал на газ. Он понесся вперед, словно за ним гнались. Скрывшись за поворотом, он остановился, вышел из машины, взял тряпку, которой протирал стекла, завернул в нее пистолет и обойму и убрал в багажник.

Мать любила постельные тона, камин, нарисованные на стенах цветы, мебель под старину, кучу горшков с цветами, которые привозили на лето и увозили на зиму. Матери нравилось, а Зудину — нет, ему все казалось фальшивым, как цветы из папье-маше.

Они сидели за столом в просторной столовой, и пили чай. Яркий свет ламп, стилизованных под свечи, желтыми бликами мерцал в чайном сервизе. Кремовые с маленькими амурчиками шторы укрыли за окном апрельскую ночь.

Лариса Федоровна подлила себе из чайника и широко зевнула, запоздало прикрыв рот большой ухоженной рукой. Ей было пятьдесят пять, но лицо еще сохраняло отблеск былой красоты. Ярко-рыжие волосы были уложены, вырез малиновой кофты открывал покрытую сетью морщин, словно старую картину, грудь, на которой поблескивал маленький ромбик с изображением тельца. Она сделала глоток и посмотрела на свои ногти, тоже малиновые.

Он положил на стол конверт.

— Вот. Как ты просила.

Лариса Федоровна заглянула в конверт.

— Угу, — кивнула она и сделала глоток.

Он откусил кусок бутерброда с колбасой.

— Мам, я не понимаю, зачем тебе столько денег? У тебя пенсия и каждый месяц я даю тебе тридцать тысяч. Я не прошу отчета, просто я не понимаю, зачем тебе столько?

— Ромаша, — Лариса Федоровна напряженно заморгала. — Ты меня ставишь в неудобное положение! Ты же знаешь, какие сейчас цены. Маникюр, прическа, это же все не копейки стоит. Надя с Наташкой в мае приедут, я же не могу им на день рождения подарить какую-нибудь фигню за триста рублей.

Он смотрел в чашку и жевал.

— Подари тете Наде какое-нибудь из своих старых платьев, а Наташке я куплю цветы.

— Ты что! Старое платье — это хамство! — она развернула шоколадную конфету и

отправила ее в рот целиком, за щекой образовалась выпуклость. — Скажешь, тоже. Тебе на тетку две тысячи жалко?

— Ладно. Оставим этот разговор.

— Вот именно — оставим, — она размолочила конфету крепкими челюстями. — Давай лучше поговорим о тебе.

— Обо мне? У меня все в порядке.

Он откинулся на спинку стула и ухмыльнулся.

— Ромаш, ты знаешь, я стараюсь не вмешиваться в твою жизнь и никогда на тебя не давила.

— Спасибо, мама, — он скрестил на груди руки.

— И все-таки, я хочу сказать. Может, уже хватит прожигать жизнь? Голова у тебя на плечах, деньги есть, молодой, красивый, здоровый — пора б уж присмотреть кого-нибудь.

— Мама!

— Молодой, да не совсем молодой. Тридцать два — прекрасный возраст, чтобы завести семью. Девки у тебя есть, это понятно. Погулял и хватит. Чего на них деньги спускать. Это все равно, что в трубу. Вот влюбишься в какую-нибудь по уши, и будет из тебя высасывать...

Он улыбнулся и покрутил головой. На нем были джинсы и синий с серо-коричневым узором свитер, который она ему подарила. Она посмотрела на него продолжительным взглядом, окинув всю его большую ладно скроенную фигуру, словно оценивала.

— У нас с тобой всю жизнь была семья ты да я, — голос ее изменился. — Я бы внуков понянчила, пока не старая.

Он молчал, разглядывая шторы. Лариса Федоровна взяла чайник и подлила ему и себе.

— Остыл уже, — сказала она, сделав глоток.

— Я больше не хочу, — пробормотал он. — Спать пора.

Она поставила чашку и вновь стала рассматривать ногти, сначала положив руку перед собой, потом согнув пальцы и поднеся к глазам. Он взглянул на нее. Порыв сентиментальности сменился привычной чванливой важностью. Увядавшее породистое лицо вновь стало удовлетворенным и безмятежным.

— Мам, — сказал он.

Она продолжала заниматься ногтями, выгнув от усердия брови.

— Мам!

Она не подняла глаз, лишь кивком показала, что слушает его.

— У тебя кто-то есть?

Не сразу оторвавшись от своего занятия, медленно, словно вытаскивая ногу из глины, она перетасила на него взгляд.

— А ты считаешь, что я уже стара для этого? Только я не буду докладывать, как у меня обстоят дела в этом отношении.

Она смотрела на него какими-то чужими глазами, совсем не глазами его матери. Этот взгляд подтолкнул его сделать еще один вопрос.

— А если со мной что-нибудь случится, ты будешь очень переживать?

— Что? — Лариса Федоровна рассердилась. — Что может с тобой случиться? Прекрати эти дурацкие вопросы!

Лариса Федоровна курила на крыльце, накинув на плечи пальто с пушистым воротником. В ярко освещенном окне второго этажа можно было увидеть Зудина, который ходил по комнате. Свитера на нем не было, он был в одной футболке. Он водил глазами по

желтым в цветочках обоям, утомленный скукой, останавливался, крутил головой и снова ходил.

На следующий день в субботу он поехал к Ирине Александровне.

Они лежали на широкой постели в большой объятый тьмой комнате и остывали, устремив в потолок изнуренные наслаждением лица. Тусклые блики застыли на бутылке и двух бокалах на журнальном столике. Белые тела мягко выделялись на темных простынях. Они касались друг друга только плечами и ладонями. Он держал ее за руку, словно они брели в темноте.

В приоткрытое окно доносились звуки уходящего дня большого города. Он слушал эти звуки и ее дыхание. Оно было учащенным и счастливым. Темные пятна ее сосков поднимались и опускались вместе с дыханием. Ее располневшее тело в темноте казалось еще больше. Она раздвинула ляжки, вытерла себя полотенцем и оставила его между ног, словно у нее все горело.

Он лежал как расстрелянный, уставившись в темноту и не двигаясь. Свалившись на бочок, дремала его опавшая плоть. Прошло несколько минут.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила она.

— Ни о чем.

— Вообще? Так не бывает.

Он вздохнул.

— Не знаю. Не помню. Может, и думаю, только не обращаю на это внимание. В голове пустота, в теле легкость...

Она повернула к нему лицо.

— Мне кажется, ты думаешь о чем-то.

— Думаю. Только потом, попозже.

— О чем?

— О нас с тобой.

— Не ври.

— Серьезно. Вспоминаю, как все начиналось.

— Зачем?

— Не зачем. Просто мне нравятся эти воспоминания, они возбуждают. Учительница и ученик. Только подумать! Когда половина моих друзей занималась втихаря онанизмом, а другая половина постигала азы этой науки на сверстницах, которые ничего не чувствовали и не умели, я уже проходил с тобой университетский курс.

Она засмеялась, повернулась к нему и положила руку ему на грудь.

— Я тебе и впрямь тогда понравился или просто оказался самым доступным?

— Наверное, поначалу все-таки второе. Сейчас уже не помню, — она опять засмеялась. — Я многим из вас нравилась. Было забавно смотреть, как желторотые юнцы пытаются произвести впечатление.

— Еще бы! Все учителя женского пола были для нас старухами. И вдруг появляется новая учительница физкультуры, которой двадцать пять лет, мастер спорта по акробатике, и с отличной фигурой!

— А какие глупые были комплименты! Один, уже забыла его фамилию, сказал мне:

«Ирина Александровна, у вас такие стройные... — посмотрел на мои ноги, покраснел и сказал, — руки!» Ха-ха-ха!

Он тоже усмехнулся.

— Ты носила облегающие брюки, и мы старались сесть на скамейку сзади тебя и смотрели в твой треугольник между бедрами и попой.

— Ах вы! Я и не замечала...

— Ты многого не замечала...

— Целый год я провела как образцовый преподаватель. Как монашка.

— А потом?

— Потом? Я была разведена, молодая, мужика у меня не было. Организм требовал свое, а вас вокруг целая куча, и у каждого в глазах это юное и такое трогательное желание.

— И ты решила преподавать нам не только физкультуру.

— Кому-нибудь из вас. А почему нет? Шестнадцать — семнадцать лет уже достаточный возраст, чтобы постигать эту науку.

— Мне было шестнадцать.

— Да. Ты был худой, стройный, красивый мальчишка, брюнет с голубыми глазами... Как меня волновали твои полнокровные щеки. Я понимаю мужиков, которых тянет на молоденьких девочек. Помню, как вы играли в баскетбол, носились по залу, и вдруг ты останавливаешься передо мной, мокрый, запыхавшийся, впиваешься в меня глазами ниже пояса и густо краснеешь. Милый мальчик... Хотелось развратить тебя, испортить, научить уголять эту страсть.

— Научила и развратила.

— Ты обижаешься на меня?

— Нет, что ты...

Она погладила его по груди, накрутила на палец прядку волосин.

— Знаешь, а я чувствую себя виноватой перед тобой. Каждый мальчишка должен начинать это с такой же, как и он, неопытной девчонкой. Сначала все должно быть чистым, подкрепленным чувствами. Первая любовь... Опытная женщина должна быть потом, после разочарования, она должна приземлить, показать, что такое похоть, всему научить. Но потом. Начинать надо с чистоты, беспорочности.

— Да брось. Наоборот, ведь благодаря тебе у меня с бабами все хорошо. Меня любят... — он поцеловал ее.

— А помнишь, с чего все началось? Как ты остался в кабинете, когда я сказала, что буду переодеваться?

— Ты сказала, что тебе пора переодеваться, а я сказал, что хочу видеть, как ты это делаешь. Сколько духу мне понадобилось, чтобы сказать это! А ты раздевалась и смотрела на меня с издевательской улыбочкой.

— Когда мужчина робок, женщине всегда хочется немного поиздеваться.

— Я был совсем мальчишка.

— Неважно. Я видела в тебе неопытного смущенного, совсем юного, но мужчину.

— Было очень стыдно, но я смотрел.

Она положила голову ему на плечо. Он почувствовал, что она улыбается.

— И сразу влюбился.

— Я еще не знал, что это такое. Я был ошарашен. Взрослая женщина, красивая — стояла передо мной в одних трусах.

— Ты не знал, как сделать следующий шаг.

— Еще бы! Прошло уж не помню, сколько времени, пока это случилось.

— Я помогла.

— Ты предложила дружить. Сначала я не понял, что за этим скрывалось. Я подумал, что ты предлагаешь дружить «без глупостей», как взрослая сестра с маленьким братиком. Помнишь, как ты спросила, была ли у меня девушка. Я собрался уже соврать, но ты сказала, что не надо врать. Ты сказала, что это никак не умаляет меня, не делает меня менее взрослым, менее привлекательным.

— А ты покраснел. Ты постоянно краснел. Как это было мило! Ты помнишь, как ты спросил, вредно ли заниматься онанизмом? А я сказала, что это нормально, все это делают. Ты с ужасом посмотрел на меня и спросил: «И вы тоже?» — она засмеялась. — Помнишь, как ты пришел ко мне первый раз?

— Ты заболела, и я пошел тебя навестить. Я шел как к другу, ни о чем таком не думал.

— Твой визит был неожиданным. Идея использовать его появилась по ходу пьесы.

— Я принес целый килограмм конфет.

— Господи! Какой ты был трогательный! Через каждую минуту спрашивал, как я себя чувствую, нет ли у меня температуры.

— Ты спросила, умею ли я целоваться. Потом спросила, хочу ли я поцеловать тебя. Я сказал, что хочу, и ты тоже сказала, что поцеловала бы меня. Твое лицо изменилось... Я понял, что вот он — момент.

— Мое лицо изменилось?

— Потом я узнал, что так выглядит желание. Ты сказала, чтоб я выключил свет, и когда я встал, у меня дрожали ноги. Отчетливо помню, как ты стаскивала с меня джинсы. Как расстегнулась пуговица, поползла вниз молния... Я закрыл глаза. Помню, я думал, что я все-таки школьник и это дико — предстать перед учительницей абсолютно голым. Не знаю, как выразить. Что-то обычное, каждодневное, наполненное авторитетом, уважением, сталкивалось с запретным, тайным, постыдным, о чем мы узнавали только от старших ребят. Понятно, что эти две вещи присутствовали в жизни каждого, но они не пересекались, шли параллельно, и вдруг они сталкиваются, сшибаются как в лобовой атаке. И стыд и эрекция сплелись в нечто единое, сладостное, мучительное. Вынести это было не так-то легко. Я зажмурился. И почувствовал твои прикосновения. Сначала через трусы, потом ты стянула их...

— Ты кончил тогда, наверное, раз пять.

— Еще бы!

— Мы стали встречаться каждую неделю. Ты быстро учился.

— Чтобы ты поставила мне как учительница?

— Пять с тремя плюсами! — она засмеялась.

— Это и выглядело как уроки. Каждый раз мы как будто осваивали новую тему.

Она захохотала.

— Ты говорила мне, что я должен делать, как двигаться, как дотрагиваться, и твой наставительный тон заводил меня еще сильнее.

— Ты кончал и кончал, он вставал у тебя как по команде.

— Да, мне хватало одной минуты.

— Я показывала тебе, как делать, чтобы мне было хорошо. Помнишь, как ты испугался, когда первый раз довел меня до оргазма? Ха-ха-ха!

— Я думал, что это припадок. У тебя перехватило дыхание, ты выгнулась, вцепилась в простыню. Потом я просто с ума сходил, когда видел тебя такую, всю раскрытую передо мной, дрожащую, с лицом, сведенным судорогой наслаждения.

Они замолчали. Она прижалась к нему. Потом села. По ее прямой спине пролегла темная ложбинка. Горлышко бутылки брякнуло о край бокала. Она повернулась к нему и протянула бокал.

— Я хочу выпить за тебя. Спасибо тебе за все. Я тебе очень благодарна.

Она поставила ногу на пол, другую согнула. Ее женственный стан с темным треугольником между полными бедрами манил. Зудин почувствовал ее теплый взгляд.

— За тебя тоже, — они чокнулись.

— Знаешь, с тех пор, как у меня появился ты, кроме тебя и мужа у меня никого не было. Клянусь, — сказала она, когда они снова легли. — Я всегда была рада, что у меня есть ты. Когда ты женишься, ты, конечно, оставишь меня...

— Я еще не собираюсь...

Она закрыла ему рот рукой.

— Тебе уже пора. Я просто хотела сказать, что мне будет не хватать тебя. Но я не хочу другого любовника. Хочу, чтобы у меня так и остались ты и муж. Все, что было до тебя — не считается.

— Мне нравится, как ты относишься к мужу. Обычно любовницы смеются над мужьями или жалуются.

— Нет. Я люблю Сережку. Только иначе. Он настоящий муж, настоящий отец, и как у мужика у него все нормально. Просто мы уже приелись друг другу. Сделает свое дело, отвалится к стенке и спит.

— Ты кончаешь с ним?

— Уже забыла, когда это было последний раз.

— Почему не поговорить?

— Не хочу.

— Почему?

Она молчала.

— Он знает про нас.

— Про меня?

— Да.

— Давно?

— Давно.

— И что? Как он узнал?

— Он же не дурак. Наверное, по мне это видно. Как-то он приехал с детьми, после того как у меня был ты. Я спросила его о чем-то, такая веселая. Он не ответил, только посмотрел на меня как-то странно. Прошла минута, я уже напряглась. Он стоял вот здесь, возле кровати. Потом вдруг схватил с нее простыню с одеялом и как швырнет на пол. И ни слова.

— Ты не поменяла белье?

— Оно было тоже, что и при нем. Просто он понял. Мужчина же чувствует, когда женщине не хватает. А потом все как будто нормально. Ни с того ни с сего. Удовлетворенная. Так ведь не бывает.

— Вы объяснились? Почему ты раньше ничего не говорила?

— А зачем? — она вздохнула, прижалась к нему. — Объяснений не было. И за это я

благодарна ему. Все пошло, как шло раньше. Он сделал это ради детей. Мы, можно сказать счастливая семья, а то, что у меня кто-то есть, мы как бы не замечаем. Раз в месяц он находит повод забрать детей и куда-то поехать. И когда уезжает, не целует меня. И когда возвращается, не целует. Каждый раз, когда уходит из дома или возвращается, целует, а в этот раз не целует. И не смотрит на меня, и я не смотрю на него. Не хотим встречаться глазами.

— Я бы так не смог.

Она снова положила руку на его губы.

— Не надо. Не осуждай его, а то я обижусь. Он делает это ради семьи. Я люблю его только по-своему, — она помолчала. — Понимаю, что я сука, что виновата. Иногда меня мучает совесть, я плачу. Только чтоб он не видел. Хочу позвонить тебе и сказать, чтобы ты меня бросил. А потом успокаиваюсь и понимаю, что пока без тебя не могу. Наверное, еще не состарилась. Так пока лучше для всех.

Она всхлипнула. Он повернул ее лицо к себе и мягко поцеловал в губы.

— Но когда-нибудь ты ведь бросишь меня? — то ли спросила, то ли утвердительно сказала она.

— Не хочу об этом думать.

— У тебя должно быть столько девчонок, молодых, красивых. Ну, зачем я тебе?

— Ты моя первая женщина. Мне хорошо с тобой.

— Уже пятнадцать лет. Я старею.

— Все равно ты красивая.

— Не верю. Разве можно сравнить меня с молодой...

— Вряд ли.

— ...

— Ни одна молодая не умеет это как ты.

— Чего тут уметь? Раздвигай ноги и подмахивай.

— Но каждая делает это по-своему. Ты — лучше всех.

— Лучше всех? Можно поконкретней? — она перешла на шепот.

— Дотрагиваешься. Прикосновения — вот что сводит меня с ума, — ответил он тоже шепотом.

— Прикосновения где, там?

Он почувствовал ее мягкую руку, шевеление заботливых пальцев, они сильно, но не до боли сжали его. Кровь прихлынула вниз живота. Он повернулся и нашел губами ее рот. Она ласкала его сильными требовательными движениями.

В воскресенье в полдень он позвонил Ольге.

— Алло, — ее нежный голос прозвучал, как ему показалось, настороженно.

— Привет Оль, это Роман.

— Здравствуй... — в сети застряло не договоренное «те».

— Как дела, чем занимаешься? Дробишь гранит науки? — спросил он весело.

— В общем, да.

Ее слова звучали приветливо.

— Знаешь, голове тоже надо давать отдых. Если мозги перенапрячь, они будут плохо соображать и подведут на экзамене.

— Это правило всех лентяев и тех, кто плохо учился в школе.

— Я тоже придерживаюсь этого правила, хоть в школе учился хорошо.

— Можно превратиться в лентяя и после школы.

— Мой преуспевающий бизнес поспорил бы с тобой.

— А мой папа говорит, что залог успеха в труде и прилежании.

Он чуть не расхохотался в трубку.

— Твой папа говорит правильно. Я лишь сделал маленькое дополнение, что отдыхать тоже надо. В общем-то, я веду к тому, что можно было бы посидеть в кафе, выпить по глотку коктейля. Сегодня воскресенье и пару часиков, наверное, можно выкроить.

— Нет, — отрезала она. — Даже ни полчасика. У меня курсовая.

— Ладно, ладно. В другой раз. Буду надеяться, что когда-нибудь я все же заслужу эти полчасика.

— И я не пью коктейль.

— Есть и другие напитки.

— Я вообще не пью спиртное.

— Дело твое, но советую как-нибудь попробовать, — ему нравилось поддерживать игривый тон, она не участвовала в нем, но принимала с его стороны.

— Мне нравятся другие напитки.

— Прекрасно, на этом и сойдемся. Обещаю угостить тебя напитком, который тебе понравится.

— Ты угадываешь желания?

— Не всегда. Я хотел сказать, что просто постараюсь, чтобы тебе было хорошо, когда мы встретимся. Чтобы ты действительно отдохнула, получила удовольствие и набралась сил.

Он почувствовал, что ей понравилось, что он сказал.

— Хорошо, Ольга. Желаю тебе успеха в таком унылом занятии, как учеба.

— Спасибо.

— Я позвоню как-нибудь на днях.

Начало недели выдалось напряженным. В понедельник стало известно, что собственники склада, который арендовала «Greenwind» — фирма Зудина, в срочном порядке расторгли договор. Внушительная неустойка утешала, но не могла помочь в главном — найти новые площади. Помещение требовалось большое — не меньше тысячи квадратных метров. Вызывало досаду то, что старый склад располагался в черте города, и плата была умеренная. Найти помещение на таких условиях было очень трудно. Был всего месяц, чтобы заключить новый договор и перевезти оборудование.

Понедельник и вторник он работал допоздна. В среду поначалу тоже было не легче. Однако вторая половина дня прошла спокойнее и в начале седьмого он освободился. Он позвонил Ольге. Она не взяла трубку. Он поехал домой, принял душ, сварил кофе. Усевшись в старое кожаное кресло, которое он очень любил, он поставил на столик кружку с кофе и снова набрал ее номер. Она взяла трубку.

— Алло.

— Привет.

— Привет.

— Что-то у тебя голос утомленный, — сказал он.

— Ага.

— Выдался нелегкий денек?

— Просто сумасшедший, — вздохнула она. — Три зачета. Из одного института сразу в другой.

— Сейчас уже все? Домой?

— Издеваешься? Еще один зачет надо сдать!

— Когда же ты освободишься?

— Через час, может быть.

— Не институт, а концлагерь какой-то.

— Ага.

— Что ж, терпи. Все имеет свой конец в этом мире, и сегодняшний день не исключение.

— Да, но надо зачет получить... А потом еще домой ехать. Ненавижу это метро.

— А где твой институт находится?

— На ВДНХ.

— О! А я сейчас на Ярославке. Давай, подвезу?

— Не надо, — пролепетала она.

Он почувствовал, что ее усталость на его стороне.

— Я как раз через полчаса собирался домой ехать.

— Не люблю жертвы.

— Да какие жертвы, нам по пути.

Она сопела как ребенок.

— Тебя, наверное, дома ждут, — сказала она, наконец.

— Я уже взрослый мальчик, живу один.

— Ну, если тебе не трудно...

— Мне не трудно. Куда подъехать?

Он припарковался на улице Кибальчича недалеко от Финансового университета, плотно приткнув чью-то «шестерку» с погнутым бампером.

Было уже темно. Он ждал. Эти минуты были куда более томительными, чем те, когда он ждал других, которые давали ему сразу все, а сейчас он не ждал ничего. Вряд ли это можно было назвать свиданием. Просто встреча — возможность услышать голос, заглянуть в глаза, почувствовать запах.

Он издалека увидел ее стройную фигуру и вышел из машины. С ней были две девушки. Девушки пошли дальше, а она осталась на тротуаре. Он направился к ней. На ней было темное демисезонное пальто с поясом, а волосы, как и в первую встречу, были собраны на затылке в хвостик. Ее глаза смотрели на него сквозь очки очень серьезно, ему показалось, что с недоверием.

Ему хотелось, чтобы она взяла его под руку, и они пошли бы бродить по этой уютной улице, стали бы о чем-то болтать, улыбаться, и он чувствовал бы ее руку на своей руке.

— Тебе идут очки, — сказал он.

— Неправда.

— Нет, правда.

Она промолчала.

— Пойдем? — он повернулся в сторону машины.

Они пошли в некотором отдалении друг от друга. Она перевесила сумку на плечо с его стороны, словно чтобы отгородиться от него. Она смотрела перед собой, а он — на нее, на ее руку, спокойно лежавшую на сумке.

— Поздравляю с зачетом.

— Разве я сказала, что сдала?

— Это и так понятно.

— Как?.. Половина группы не сдала.

— Ты ведь отличница.

— Я разве говорила?

— Это и так видно.

— Звучит как насмешка.

— Наоборот, это комплимент.

Он подошел к шестерке и стал у двери водителя. Она стояла и ждала, когда он откроет ей дверь.

— Знаешь, Оль, это очень сексуально — иметь такую внешность и быть отличницей.

— Смеешься?

Они стояли, разделенные Жигулями и смотрели друг на друга, он — улыбаясь, она — не понимая.

— Оль, тебя ничего не удивляет? — спросил он.

— А что меня должно удивлять?

— Эта машина.

— А что с ней?

— Я как бы собираюсь везти тебя на ней...

— Так открой дверь... Ну?.. Что, вообще происходит?

Он смотрел на нее несколько секунд и вдруг расхохотался.

— Это не моя машина.

Он подошел к Рейндж Роверу, отключил сигнализацию и открыл пассажирскую дверь.

Ольга не двигалась. Он подошел и взял ее за локоть.

— Пойдем.

Она высвободила руку.

— Я не понимаю тебя.

— Ольга, это просто шутка. Я думал, когда ты увидишь, что я предлагаю тебе сесть в раздолбанные Жигули, ты удивишься.

— Меня удивляют такие шутки, а не раздолбанные Жигули.

— Тебе все равно, на какой машине я бы тебя повез?

— Абсолютно.

— Тебе это не важно?

— Мне важно, чтобы по дороге она не развалилась, а какая это будет машина, эта или эта, мне по барабану.

— Ладно, извини. Будем считать, что это была неудачная шутка.

Когда они сели в Рейндж Ровер, она спросила:

— Ты всегда так шутишь?

— Бывает.

— Все-таки, не могу понять, какой смысл был в твоей шутке?

— Повторяю, это была просто шутка.

Он вырулил из ряда припаркованных машин и дал газ.

— У вас в семье есть машина? — спросил он.

— Да.

— Какая?

— Меган. А что?

— Я понял, для тебя не имеет значения, на чем ездит парень, с которым ты познакомилась.

— Никакого. Я знакомлюсь с парнем, а не с машиной.

Она сидела в кресле довольно вальяжно, чуть раздвинув колени, и смотрела на него, все еще с недоумением.

— Я просто хотел похвастаться машиной, — сказал он, изобразив на лице что-то среднее между усмешкой и виноватой улыбкой.

— Похвастаться? Ты же уже взрослый!

Он засмеялся.

— Это ты — взрослая. А я просто веселый.

— Можно задать тебе нескромный вопрос? Сколько тебе лет?

— Тридцать два. А тебе?

— Девушку не спрашивают, сколько ей лет.

— А можно, я все-таки спрошу?

— Зачем?

— Я хочу знать, есть ли тебе восемнадцать.

— Мне уже девятнадцать!

Он засмеялся, она улыбнулась, взгляды их встретились.

— Про восемнадцать — ты серьезно? — спросила она.

— Конечно. Думаешь, тебе нельзя дать семнадцать? Мне казалось — между семнадцатью и двадцатью.

— Мне — двадцать лет?

— А что такого?

— Я выгляжу такой старой?

— Да, двадцать лет — уже рухлядь.

— А тридцать два?

— Труп! Ты говоришь с трупом!..

Они расхохотались.

Когда они вышли из машины, она попросила, чтобы он ее не провожал.

— Я должен подняться с тобой на этаж, — сказал он.

— Зачем?

— Девушку надо провожать до квартиры. Это элементарная вежливость.

— А если девушка не хочет, чтобы ее провожали до квартиры?

— Я настаиваю.

Она одновременно радовалась и сердилась. Он видел это. Видел, что в глубине души ей хочется побыть с ним еще какое-то время.

Он взялся за дверь.

— Что же ты? Набирай номер.

— Не понимаю, что толкает молодого человека идти в подъезд.

— А вдруг там маньяк? Не хочу, чтобы твой труп был на моей совести.

— Что ты говоришь! — она топнула ножкой. — Стоит парню оказаться в подъезде, как он сам превращается в маньяка!

— Я взрослый парень, свои гормоны держу в узде.

Она набрала код, и они вошли в подъезд. Она шла впереди, оставляя ему легкое облачко приятных духов.

В лифте она стала к боковой стенке, прижалась к ней, отвела глаза в сторону вниз. На ее лице, на этом майском лугу с кипой пушистых, не тронутых ветром одуванчиков, полыхнул румянец. Хотелось обхватить ее за талию, притянуть к себе, почувствовать губами это свежее смущенное лицо...

Когда они подошли к двери квартиры, она вставила ключ в замок и повернулась к нему.

— Спасибо, — сказала она тихо. — До свидания.

— До свидания.

Ее глаза на секунду вспорхнули к его глазам, и она скрылась за дверью.

Он сел в машину. На душе у него все пело. Не было ни прикосновений, ни поцелуев, но это не вызывало ни капли досады или сожаления. Это даже нравилось ему, потому что обещало быть потом, и в десять раз лучше. Ему нравилось это новое желание, оно было чистым, как утренний бриз, свободным от нетерпеливой чесотки между ног. Он знал, что выпьет ее медленно, по глотку. А может, и впрямь жениться на ней?

На Зеленом проспекте перед метро Новогиреево была пробка. Слева, словно корабль в доке тянулась черная громада строящегося торгового центра, в котором монтажники Зудина делали вентиляцию. На обочине, как белые угловатые тюлени на берегу, жались друг к другу маршрутки.

Он увидел женщину в темном приталенном пальто с широкими отворотами, она показалась ему знакомой. У ее ног лежали коробки и пакеты.

Он видел ее раньше. Она была немолода, но притягивала внимание. На вид ей было около пятидесяти, это была еще красивая, немного располневшая женщина. Каждый раз, когда он встречал ее, она была в длинной, темной, закрытой до запястий и щиколоток одежде. Закрытая и облегающая, она в то же время выпячивала ее породистую фактуру. При любом движении, женственном и непринужденном, оно как дрожжевое тесто ползло наружу в распоротый шов. В ее красивом, смягченном увяданием лице была загадка, точнее даже противоречие.

Каждый раз, когда он ее видел, подойти ему мешало выражение неотложной заботы, которое присутствовало в ее лице. Ему очень хотелось сблизиться с ней, такой земной и плодородной, собрать ее перезрелый урожай, оставленный кем-то, как полоса тяжелой пшеницы, несжатая в свое время.

Он прижался к бровке и включил аварийку.

— Добрый вечер! — сказал он, выйдя из машины. — Мы незнакомы, но я видел вас. Неоднократно...

Она направила на него прищуренный взгляд. Он стал перед ней, демонстрируя своим видом открытость и добрые намерения.

— Вы ждете машину?

— Своего водителя. Только он долго едет. И телефон не отвечает. — Ее голос был низким с хрипотцой. Она глянула на длинную череду автомобилей и снова посмотрела на него. — Не знаете, пробка далеко начинается?

— Начинается-то недалеко, да почти не двигается.

Он обернулся, посмотрел, как недовольные водители огибают его Рейндж Ровер, потом снова — на нее, их глаза встретились.

— Может, я помогу вам?

— Что сможете, отвезти?

— Да.

— Серьезно? — удивилась она.

— Вам куда ехать?

— На Щелковскую.

— А мне на Подбелку! — сходу придумал он.

— Думаю, не стоит. Мой водитель уже, наверное, близко.

— А может, далеко, он же не отвечает.

— Спасибо, но все-таки не стоит.

— Я доставлю вас не хуже вашего водителя, — сказал он и наклонился, чтобы взять коробку.

— Нет, нет, не нужно!.. Я вас не знаю...

Ее сопротивление было неискренним. Он поставил коробки и пакеты в багажник Рейндж Ровера.

— Все-таки как-то.... - она была немного растеряна.

— Ну что вы. Пустяки. Отправьте своему водителю смску, чтобы ехал домой... — и открыл перед ней дверь. — Прошу вас.

Она протиснулась в салон, обдав его ароматом дорогих духов. Он едва не взял ее за локоть. Ее недлинные с проседью волосы были схвачены на затылке широкой заколкой. Она опустила на сиденье, и, придерживая полы пальто, перенесла в салон ногу в изящном черном сапоге, потом другую. Этим движением она растянула подол трикотажного платья или юбки, надетой под пальто. Зудину это показалось очень соблазнительным. Он закрыл дверь и сел в машину.

Она стянула с руки перчатку, привычным движением поправила на шее платок, достала из сумки зеркальце и посмотрелась в него. У нее были умные темные глаза, большой рот с подвижными уголками, чувственные губы, слегка тронутые розовой помадой. Она убрала зеркальце, закрыла на сумке «молнию», сняла другую перчатку и положила руки на сумку. Потом, вспомнив, ощупью нашла ремень безопасности.

— Я помогу.

Он повернулся, чтобы взять ремень. Рука у нее была горячая. Ему показалось, что она не убрала, а отдернула ее. Ее лицо было совсем близко. Она прижалась к подголовнику и, казалось, перестала дышать. Глаза, окруженные сетью морщинок, заметались, словно пойманные в силки, ушли в сторону, спрятались под дрожащими веками. Ремень лег на ее грудь, как косая ложбина меж холмов. Замок щелкнул, Зудин откинулся в кресле. Вздох поднял ее грудь, словно она не дышала, пока он был рядом с ее лицом. Колени двинулись под пальто.

Он почувствовал, как по венам пошла бродить кровь. Он посмотрел в зеркало и мягко тронулся. Напряженность растворилась в музыке, огнях, белых лентах дороги. Как она кончает? — подумал он, глянув на нее. — Как другие в ее возрасте, замуривается и орет, как будто ее режут тупым ножом?

— Вы здесь работаете или живете? — спросил он.

— Работаю. Вон в том здании.

— А что там?..

— Салон красоты. Я там хозяйка. А вы?

— Возле метро строится торговый центр. У меня там подряд.

— У вас своя фирма?

— Да.

— Строительная?

— Климатическая.

— Это как?

— Вентиляционное оборудование.

— И вы — хозяин?

— Да, — улыбнулся он.

Они свернули на Свободный проспект в сторону шоссе Энтузиастов. Пошел дождь, мелкими каплями просеиваясь на стекло. Зудин включил дворники.

— Я вас видел раньше.

— Где?

— Здесь, в Новогиреево. Причем, не раз.

— Мне кажется, я тоже вас видела.

— Меня зовут Роман.

— Меня — Нина.

Ее подбородок утонул в темных складках шелкового платка. Ремень был несколько туговат, она просунула под него большой палец и оттянула под грудь.

Дорога стала свободнее.

— Можете сделать вентиляцию в квартире? — спросила она.

— Вообще-то бытовая вентиляция не наш уровень, мы работаем с большими площадями, но, конечно, я могу прислать мастера.

— Какой кондиционер самый лучший?

— Хороших достаточно много, впрочем, как и плохих.

— Сколько стоит хороший кондиционер?

— Не знаю. Повторяю, мы работаем с промышленным оборудованием.

— А какой фирмы?

— Знаете, вообще-то я слабо разбираюсь во всем этом, — усмехнулся он.

Она посмотрела на него.

— Вы же сказали, что у вас своя фирма.

— Я договариваюсь и считаю деньги. Мое дело — бизнес, а вентиляцией занимаются подчиненные. Я пришлю толкового человека, он все сделает.

Он повернулся, и глаза их встретились. Возраст делал ее взгляд мягче. Она не сразу отвела глаза. Она ослабила на шее узел платка, коротким движением расстегнула две верхние пуговицы и вздохнула.

— Я хочу кое-что вам сказать...

Тихо, словно она ждала этого начала, она то ли согласилась, то ли спросила, глядя в окно:

— Да.

— Знаете, бывает, видишь кого-нибудь часто, может даже каждый день. Потом сталкиваешься с ним нос к носу и — как будто в первый раз. А все предыдущие разы ты не замечал его, как урну возле подъезда... А другого человека стоит увидеть лишь однажды, и он остается в памяти.

Проехав шоссе Энтузиастов, они вновь оказались в пробке.

— Как-то я видел вас на площади перед Перовским универмагом. Вы куда-то быстро шли, и вдруг остановились и обернулись. Вы смотрели назад и вверх, может быть на часы, не знаю. Ваше лицо было напряженным. Напряжение было во всей вашей фигуре, скрученной как пружина. Вы мне так и запомнились: напряженное лицо, передавленная талия, схваченная складками тесного платья. Лето, жара, а вы во всем темном и застегнуты на

каждую пуговицу.

— Ну и чего в этом такого запоминающегося?

— Вы были очень красивы.

— Да будет вам.

— Какое резкое несогласие. Вы считаете себя некрасивой?

— Так я, конечно, не скажу, но, чтобы разглядеть красоту в какую-то секунду, в каком-то повороте... Что-то не верится.

— А как, вы думаете, мы находим красоту в женщинах? Листаем журналы с барышнями в купальниках? В наших глазах красота в женщине вспыхивает как лампочка. А после может потухнуть, а может не потухнуть.

— Интересное мнение.

— Потом я вас видел еще несколько раз. И всегда в эти мимолетные встречи вы производили на меня такое же волнующее впечатление: красивое, озадаченное чем-то, может даже печальное лицо и длинная закрытая одежда.

— Приятно слышать. Спасибо, — сказала она сдержанно. — Вы ждали удобный момент, чтобы мне это сказать?

— Момент сам подвернулся.

Он глянул на нее украдкой. Она смотрела в окно, как будто не очень интересуясь его болтовней.

— Вам идет, как вы одеваетесь, но почему так закрыто?

— Я вдова.

— О, простите. Мне это почему-то не пришло в голову.

— Ничего. Я привыкла.

— Давно?

— Два года.

Они замолчали. Она вздохнула, и ему показалось, что она не против продолжить разговор.

— Еще раз извините, надеюсь, мои слова не обидели вас, — сказал он.

— Конечно, нет. Но... признаюсь, это немного неожиданно для меня.

Он посмотрел на нее.

— Вы красивая женщина, — сказал он тихо.

Она потеплела, склонила голову и улыбнулась, глаза спрятались в сетке морщинок. Ее улыбка показалась ему вымученной.

— Вы очень красивая женщина, — сказал он еще тише.

— Ну что вы...

Он почувствовал, что «очень» было лишним. Она вздохнула, как будто подавила стон, зашевелилась, стала поправлять платок.

— Все же странно, как вы запомнили...

— Не вижу ничего странного.

— Не знаю, как-то... — ее пальцы перебирали ремень сумки.

— Просто, я вижу в вас красоту.

Он замолчал. Она посмотрела на него и, встретившись с его глазами, тут же отвела свои, опустила лицо в платок, спрятав в складках теплую улыбку. Ее глаза увлажнились.

— Давно я не слышала таких слов, — сказала она своим низким с хрипотцой голосом.

— Почему?

— Естественно, бывают комплименты на работе, от знакомых, но это из разряда дежурных фраз. Иногда подвыпившие мужики выражают свои чувства, но это все такая вульгарщина...

— Вы такая женщина и...

— Ну, какая — такая?.. — неожиданно резко сказала она.

— Я же сказал — красивая.

— Не льстите. Морщины и седые волосы — это, по-вашему, красота?

— Красота бывает разная. У вас она зрелая.

Она вздохнула.

— В вас, как бы это сказать... образец женственности. — Он окатил ее лицо горячим взглядом. — И ваша закрытая одежда это подчеркивает.

Под увядшей кожей появился румянец. Так внезапно польщенная, растаявшая, она вцепилась взглядом в его глаза, стараясь распознать, не лгут ли они. Она долго не отводила взгляд. Выбившаяся прядь волос упала на лицо. «У тебя уже наверное прыпырышки встали вокруг сосков» — подумал он. Она подняла руку и пригладила прядь к волосам, старательно перебирая беспокойными пальцами, как будто нажимала черно-белые клавиши.

— Потому что, как известно, — он улыбнулся, — одежда, если она облегающая, как болтливая подружка, выдает секреты, которые обязана охранять.

Однажды он увидел ее, когда она с кем-то разговаривала. Она была в черной блузке и черных брюках, которые были настолько тесными, что вдавились в нее узкой полоской между ног. И это не выглядело небрежным или вульгарным. Эта маленькая деталь, которую способны заметить лишь очень внимательные мужчины и женщины, делала эту пышную, немолодую, застывшую в расслабленной позе женщину, мучительно сексуальной.

Тогда он подумал, что похотливая сука натянула узкие брюки нарочно, чтобы сводить с ума мужиков. Теперь он знал, что это было естественно, ее женственности стало тесно, и она неосторожно просочилась наружу.

Они молчали. Ей было хорошо. Он знал, что его слова растопили лед, и она сейчас млеет, исходит неслышными теплыми каплями. Слова, прозвучавшие из уст молодого самца с приятным голосом, повторялись в ней, как эхо.

— Приятная музыка, можно сделать погромче? — попросила она немного охрипшим от молчания голосом.

Это была Good Evil Гранд Фанк. Он сделал громче, прибавил низов. Она расслабилась расплылась. На ее лице появилась улыбка, и она утопила ее в платке, но глаза ее выдали. Его лезть, лизнувшая ухо мокрым языком собаки, запела в ее сознании под аккомпанемент приятной мелодии.

Мелкие капли превратились в крупные, тяжело разбивающиеся о стекло и исчезающие под черной резиной дворников. Они исчезали и тут же появлялись вновь, рождаясь из воздуха, из ничего. С музыкой к ним вошел убаюкивающий ритм, надавил на веки. Чувственность вползла в салон под бархатные переборы басов, под напряженные аккорды, свернулась на заднем сиденье, затаилась и незаметно ужалила, чудесный мед влился в кровь. Она почувствовала, что в плену.

— Вам нравится эта песня? — спросил он.

— Да.

— Чем?

— Она тревожная и в этой тревоге есть что-то завораживающее.

— Что вы чувствуете?

Она чуть улыбнулась уголками губ.

— Как сказать... Просто мне хорошо.

— Можно сказать, что это о чувственной любви?

Она спрятала рот в складках платка.

— Это полупение-полупешпание... шипение — вот нужное слово. Шипение наподобие змеиного, но не отталкивающее, а притягивающее. То самое, каким соблазнили Еву... Да?

— Вас увело слишком далеко, — улыбнулась она, но глазами призналась, что он угадал.

Рейндж Ровер мягко рычал, скользя по мокрому, залитому желто-белым светом асфальту. Она сидела в пол-оборота к нему и улыбалась. В ее улыбке была растерянность. Их глаза встретились, и он тоже улыбнулся. Они свернули во дворы, она показывала, куда ехать.

Когда они остановились, она спросила:

— Если я правильно вас поняла, вы живете на Подбельского?

— Мой друг живет на Подбельского. Давно не виделись и вот договорились вместе посмотреть футбол.

— Футбол уже идет?

— Еще нет.

— А все-таки, где вы живете?

— На Ленинградке.

Когда она вышла из машины, она взяла на изгиб локтя сумку, выпрямилась, подобралась. Она чувствовала его взгляд. Повернувшись к нему в профиль, она положила руку на затылок и потрогала заколку, подняла подбородок и провела пальцами по волосам. Потом, повернувшись к нему, встретила его теплый взгляд и ее чувственные губы улыбнулись.

Они стояли рядом. Она, так неожиданно помолодевшая, затянутая как в шинель в свое серое пальто, чего-то ждущая, сама не знающая, чего. И он, в ослабленном галстуке, в расстегнутой куртке, улыбающийся теплыми искренними глазами, с прядью смоляных волос, упавшей на лоб.

Он подошел к багажнику и потянул ручку.

— Поможете мне? — она словно боялась, что он откажет.

— Вы думали, что я оставлю вас с коробками на улице?

Когда они ехали в лифте, они стояли лицом друг к другу. Она старательно держала осанку, выдерживая разделяющие их несколько сантиметров пространства, как рубеж обороны. Он смотрел на нее, а она стояла, опустив глаза. Потом подняла руку и поправила платок, дотронулась беспокойными пальцами до волос, до щеки. Он смотрел на ее залитое светом скуластое лицо и радовался, чувствуя в ней вызванное им волнение. И злился на свет, обнаживший ее седину и морщины, мелкие и подвижные.

Но седые волосы и морщины не портили ее лицо. Оно было прекрасным, словно кто-то вернул ему молодость. Ему хотелось увидеть, как меняется это умное, сдержанное лицо, как эти темные глаза наполняются наслаждением и прячут его под смуглыми веками, как дрожат губы и рот растягивается до неприличия, выпуская из глотки мучительный стон.

Она вставила ключ в массивную дверь и повернулась к нему.

— Могу предложить вам чай. Если вы не очень торопитесь, конечно. — Она посмотрела ему в глаза и тихо добавила. — Без глупостей, пожалуйста.

Открыв дверь, она прошла вперед и показала, куда поставить коробки.

— Не разувайтесь. Идите так.

Он поставил коробки и вернулся в прихожую.

Одну за другой она расстегнула пуговицы пальто, обыденно, опустив голову, но он увидел в этом начало разоблачения.

— Позвольте?

— Спасибо, — она повернулась спиной, освободила плечи, потянула руку, потом другую, взяла у него пальто и повесила на вешалку.

На ней было длинное коричневое платье, отделанное на груди и рукавах кружевом. Она оправила его, потянула с боков, на бедрах. Спереди ее талия выглядела узкой, но сбоку выделялся небольшой живот, округляющийся внизу, какой обычно бывает у рожавших женщин.

Она подняла руку и поправила волосы. Из-под локтя выглянула большая, обведенная контуром лифчика грудь. Она вытянула подбородок и посмотрела в зеркало. Потом села на кушетку, положила ногу на ногу и стянула сапог. Округлость бедра, колена и полной голени перетекла в изгиб стопы с изуродованным тесной обувью большим пальцем. Она делала все как привычный ритуал, молча, не стесняясь своего гостя.

Он смотрел на нее. Он стоял под бра и своей тенью обнимал ее полные плечи. Она ласкалась в теплом луче его взгляда, подставляя ему свой скуластый профиль.

Она быстро встала, едва не дотронувшись до него. Полная грудь колыхнулась под черным кружевом. Она пошла в комнату, пригласив его жестом руки.

— С кем вы живете? — спросил он.

— Одна. Дети выросли, у них свои семьи. — Она повернулась и ушла на кухню. Ее движение сопровождалось шорохом, Зудин подумал, что шуршит ее платье. Послышалось бряканье посуды.

Квартира выглядела необычно. В просторной комнате на стенах было множество светильников, все они были тусклые, освещение было матовым, мягким. Мебель была темно-коричневой, почти черной, на массивных ножках. Темные тона перемежались со светло-кофейными и бледно-желтыми. На стенах висело несколько картин и фотографий в широких резных рамах. Посреди комнаты стояла большая кровать с пестрым покрывалом, напротив кровати у противоположной стены — диван, столик. В углу большой телевизор, дорогая аппаратура. Она появилась, сопровождаемая шорохом.

— Почему вы стоите? — она поставила на столик два чайных прибора.

— У вас необычно.

Она показала на фотографию на стене.

— Муж был архитектор, предпочитал все оригинальное.

На цветном фото высокий седой мужчина обнимал ее сзади за плечи. Они смотрели в камеру и улыбались. Она отвернулась от фотографии и сложила руки, как будто растирала что-то в ладонях.

— Садитесь, что же вы?

И снова ушла. Он понял, что шуршит не платье, а колготки. Он проводил взглядом ее уютное, как будто переливающееся из емкости в емкость, тело. Ему показалось, что он видит сквозь платье, как трутся ее окорока, обтянутые колготками, сжимаются все сильнее. Она вернулась с чайником и блюдом с конфетами и печеньем.

— Наливайте.

И села в кресло напротив него. Села неглубоко, как бы подвинувшись к нему. Ее полные

руки порхали над столом.

— Может, вы хотите есть?

— Нет, нет, я сыт. А вот чай выпью с удовольствием. Можно, я сниму пиджак?

Она кивнула, взяла у него пиджак и повесила на вешалку. Он еще больше ослабил галстук и расстегнул рукава рубашки. Подняв глаза, он встретил ее взгляд и вопросительно двинул бровями.

— Нет, ничего, — она смущенно улыбнулась. — Вы такой большой здоровый... парень. У меня сын такой. Наверное, немного моложе вас. — Она засмеялась, закрыв глаза рукой.

— Что такое?

— Сравнить вас с сыном как-то неправильно...

Она смутилась, опустила лицо, словно что-то вспомнив, потом поднялась, подошла к музыкальному центру и включила музыку. Она взяла пульт и долго переключала, пока нашла то, что хотела. После этого она вернулась к столу и опустилась в кресло, набухшая от волнения.

— Мне нравится это композиция Ярдбердз — Glimpses. Она чем-то напоминает ту, что играла в машине, — сказала она.

— И подходит этому моменту, — сказал Зудин.

— Чем же?

— Как вы тогда сказали? Она тревожная и завораживающая.

Их глаза встретились. Казалось, эта напряженная мелодия говорит за них. Она не выдержала и отвернулась. Он брал печенье и запивал чаем, а она сидела, обхватив себя за локти и спрятав ноги под кресло, как будто в гостях. Ее лицо было повернуто в сторону, словно стыдилось вывалившейся на локти груди.

— Почему вы не пьете чай? — спросил он.

Она взяла чашку, поднесла к губам и обожглась, поставила на блюдечко, расплескав золотистую жидкость, прижала ладонь к губам и зажмурилась.

— Что с вами?

Она покрутила головой, чтобы он подождал. Он дожевывал печенье и смотрел на нее.

— Простите меня, Роман, — пробормотала она. — Я думаю, вам лучше уйти.

Он поставил чашку.

— Что случилось?

Она отняла ладонь от губ и положила руки на подлокотники.

— Все это так неожиданно. Мы знакомы всего два часа, а мне кажется, что я знаю вас уже давно. И как будто мужа нет целую вечность.

— Так бывает.

— Я не хочу, чтобы так было, — она вцепилась в подлокотники как в единственную опору. — Вы приятный молодой человек... хороший. Вы наговорили мне массу приятных вещей... Но зачем?

— Вы мне нравитесь.

— Вы сейчас уйдете.

— Как хотите, но того, что я сказал, это не меняет.

— Что значит: как хотите? Что между нами может быть?

Он сделал вид, что не понимает.

— Что может быть между мужчиной и женщиной? Отношения.

Она вздрогнула.

— Это невозможно!

— Почему?

— Я все еще люблю...

— Понимаю. Это часть вашей жизни и, судя по тому, с какой искренностью вы говорите, лучшая часть. И это останется с вами навсегда.

Ей понравились его слова.

— Но так сложилось, что теперь его нет, а вы есть, и вы в этом не виноваты.

— Меня бы не простили дети, — она опустила лицо.

— Не простили бы, если б хотели, чтобы вы страдали. А если они любят свою мать, они будут рады, когда увидят ее счастливой.

— Такого счастья я не хочу.

— Кого вы обманываете, меня или себя?

— Я не хочу быть счастлива таким счастьем.

— Подумайте, если он любил вас по-настоящему, бескорыстно, разве теперь там, где нет пут, отягощающих нас в этой жизни, где нет эгоизма, ревности, зависти, всего, что не дает нам здесь быть свободными и счастливыми, разве может он там хотеть, чтобы вы страдали? Он лишь может хотеть, чтобы вы были счастливы...

— Уходите, — она двинулась вперед, словно вложила в это слово остаток воли.

— Я вижу, что вам больно, и вижу, что где-то глубоко в вас живет стремление к счастью, к простому человеческому счастью, но вы изо всех сил подавляете его. От этого все эти ваши длинные платья и застегнутые до горла пуговицы. Вы боретесь с собой. Но не хотите признать, что вы не виноваты. Вы не виноваты ни перед ним, ни перед детьми, ни перед собой. Дайте себе свободу и разрешите себе быть счастливой. Вы этого заслуживаете.

— Я вам в матери гожусь!

— Опять двадцать пять! При чем тут возраст? Я нравлюсь вам? — он напряженно следил за ней. — Хотя бы немного?

Она сдалась на одну секунду, чтобы снова взять себя в руки.

— Да.

— И вы мне нравитесь.

— Я старуха.

— Нет!

— Вам молодая нужна.

— Вы лучше молодых.

— Бросьте.

— Вы просто вдолбили это себе в голову.

— Нет, я просто вижу себя в зеркале.

— В зеркале? Пойдемте, я вам тоже кое-что покажу, — он поднялся над столиком, протянул ей руку, — в зеркале.

Она подняла на него глаза.

— Пойдемте, — повторил он. — Дайте руку.

Она знала, что не должна уступать, что должна быть твердой, но ее рука потянулась к нему. Она почувствовала его большую теплую ладонь и поднялась.

— Идемте, идемте, — он тянул ее в коридор.

Он подвел ее к зеркалу и стал за спиной. Она смутилась. Она увидела себя, растерянную, перетянутую складками платья, словно веревками по всему телу, ждущему

освобождения, и его красивое, доброе, улыбающееся лицо.

— Что вы видите?

Ее темное платье с вывалившейся в кружево грудью показалось ей вызывающим. Стало стыдно за свое выпирающее во все стороны мясо.

— Я чувствую себя словно голая.

— Вот и хорошо.

Он осторожно, словно она была такой хрупкой, что он боялся ее сломать, взял ее за плечи.

— Если вам стыдно, значит, вы женщина. На самом деле в этом нет ничего постыдного, потому что мы такими созданы.

Он коснулся ее сзади. Она немного склонила голову набок, словно подставляя шею для поцелуя. Он провел по ее кружевам и положил руки на талию. Она повернулась к нему лицом, и он увидел, что она тянется к нему губами. Неожиданно она вздрогнула и отшатнулась.

— Вы должны уйти...

Он замер.

— Сейчас же! — простонала она.

Она задыхалась. Он повернулся к вешалке, чтобы взять куртку.

— Пиджак! — воскликнула она и быстро пошла в комнату.

Она взяла его пиджак дрожащими руками, которые готовы были предать ее в эту минуту, повернулась и столкнулась с ним. Он взял из ее рук пиджак и бросил на пол. Ее глаза молили, только он не стал разбирать, о чем; то ли, чтоб он ушел, то ли чтобы не уходил. Он взял ее за плечи и повалил на кровать.

— Нет! — выдохнула она.

Она пыталась вырваться.

— Не смей, — она высвободила руку и вцепилась ему в щеку.

Он терпел, хотя она сжимала изо всей силы.

— Укушу! — она рванулась, пытаясь дотянуться до него зубами, и раскрыла рот, как от боли.

Он положил руку на обе ее руки, сжал их. Она застонала, замотала головой. Ее большое тело напряглось, он почувствовал, как сжались ее бедра. Он прильнул к ней, распластался по ее телу. Ее волосы растрепались, закрыли лицо. Она попыталась сдуть их.

— Я хочу тебя, — прошептал он.

— Не здесь! — ее глаза наполнились слезами.

— Не здесь, не на этой кровати — плевать на все...

Она еще сопротивлялась, тело ее сжималось, как в судорогах, но лицо уже не дергалось, слезы катились по скулам. Он ждал, когда желание победит ее. Сомкнул челюсти на горле жертвы и смотрел ей в лицо. Она устала. Он высвободил руку и положил ей на грудь. Она сглотнула, тело ее обмякло, отяжелело, она разомкнула губы и задыхалась совсем по-другому. Глаза скрылись за поволокой, и уши под веки.

В четверг вечером он отправился в тренажерный зал. Раньше он занимался три раза в неделю. Потом работа и бабы сделали это затруднительным, и он стал ходить раз в неделю. Родители дали ему прекрасное тело — рост, пропорции, мужественные черты. Занятия плаванием укрепили его. Фитнесс был нужен, чтобы поддерживать форму. Мужественная грудь и плоский живот были чем-то наподобие второго лица, которое он открывал женщинам, когда расстегивал рубашку. Их глаза говорили, что он хорош, очень хорош.

Он выполнил свой комплекс упражнений, походил перед зеркалом, напрягая вздувшиеся мышцы. Осталось последнее упражнение на пресс. В зале было мало народу, Зудин не обращал ни на кого внимание. Худенькая девушка скрипела станком, старательно делая сведение-разведение коленей. Она была из тех, на ком он не задерживал взгляд.

Из дальнего угла зала послышался смех и голоса. Персональный тренер Ярослав разбавлял тренировку приятной беседой. Сквозь длинный ряд тренажеров Зудин увидел светлые волосы, свернутые на затылке жгутом. Он отметил, что девушка, должно быть, высокого роста и у нее привлекательное лицо.

Неспешно, делая вид, что отдыхает между подходами, он направился в их сторону. За железными стойками тренажеров мелькала голова блондинки и черная спортивная одежда. Когда он подошел ближе, он услышал низкий бархатный голос, от которого у него мурашки побежали по коже. Он даже не разобрал слов, так он ему понравился. Ярослав что-то сказал и они засмеялись. Смех у нее тоже был красивым.

Проходя мимо, он повернул голову. Проклятый Ярослав загородил ее. Были видны только локти и ноги ниже коленей. Короткие черные лосины открывали стройные голени. Она лежала на скамье. Зудин прошел до стены и повернул обратно. Она поднялась со скамьи и что-то говорила Ярославу, который снова закрыл ее. Это начинало раздражать.

Зудин прошелся по проходу и повернул обратно. Упражнение на пресс, которое осталось сделать, вылетело из головы. Ярослав и девушка перешли к другому станку. Когда Зудин поравнялся с ними, она делала выпады. Ярослав поддерживал ее за плечи и поясницу, чтобы она прямо держала спину. Зудин увидел ее красивый профиль, выпяченную грудь и напряженное мясистое бедро.

Прогуливаясь, с каждым разом он находил ее все более интересной, но ему не удавалось разглядеть ее всю. Возвращаясь к ним очередной раз, он потерял ее из вида. Ярослав сидел на скамье, уткнувшись в телефон. Зудин прошелся до стены и обратно. Он посмотрел на углубившегося в телефон Ярослава и пошел дальше, и тут из кардиозоны появилась она. Несмотря на то, что он ждал ее появления, оно оказалось неожиданным. Рослая и ослепительная, она ударила по глазам, как зажженный прожектор.

Ярослав направился к ней, он был ее персональным тренером. Она легла на римский стул и стала делать гиперэкстензию. Зудин еще не видел такого сочетания женственной силы и женственных форм, безупречных даже в его искушенных, всегда выискивающих изъяны, глазах. Ягодицы растягивались и сокращались, вздымая над полом ровную спину. Он не справился с впечатлением, забыл, что выглядит как озабоченный подросток.

Он подошел к кроссоверу и стал делать разведения рук в стороны. Она разговаривала с Ярославом. Ее грудь учащенно поднималась и опускалась. Мысли Зудина, как свалившийся на крыло самолет, ушли в одну плоскость — как она трахается. Воображение предлагало вариант за вариантом, меняя планы и позы. Он непременно должен был с ней познакомиться.

Ярослав оставил ее и направился в служебное помещение. Зудин пошел в ее сторону, остановился у стойки с гантелями, и сделал вид, что выбирает гантели. Она взглянула на него. У нее были большие светлые глаза и прекрасное славянское лицо. Зудин взял гантели, сел на скамью и стал делать бицепс.

Появился Ярослав. Зудин поднялся и пошел ему навстречу.

— Кто такая? — спросил он тихо.

— Занимается у меня.

— Что-то раньше я ее не видел.

— Она недавно ходит.

— По каким дням?

Ярослав напрягся.

— Какая разница?

Зудин не ожидал от него такой неподатливости.

— Тебе трудно сказать, когда она ходит?

— Зачем тебе?

— Просто интересно.

— Она не уполномочивала меня рассказывать всем, по каким дням она ходит.

Зудин разозлился.

— Ты влюбился что ли?

Ярослав покраснел, что-то пробормотал и отошел. Зудину хотелось дать ему по физиономии. Он направился в раздевалку, принял душ и оделся. На выходе он спросил о ней у девушки, выдававшей абонементы. Девушка улыбнулась.

— По-моему, она ходит вторник, четверг, суббота.

В пятницу он позвонил Ольге. Ее голос был и приветливым и усталым.

— Давай увидимся.

— Сегодня не могу, — сказала она. — Я устала и страшно хочу есть. Пообедать не получилось.

— Бывают же такие совпадения. Я тоже чертовски проголодался, — сказал он весело, — и знаю на ВДНХ отличный ресторан.

— Не стоит, — пробормотала она. — Не хочу тебя разорять.

— Разорять? — он рассмеялся. — Что за глупости! Ольга, я приглашаю тебя разделить со мной ужин.

Он удивился, как выразительно произнес ее имя, вдохнул в него чувство.

Он встретил ее возле входа в университет. На ней была короткая белая куртка, белый свитер и голубые джинсы. Волосы собраны в неизменный хвостик на затылке. Она легко пробежала по ступеням и, когда увидела его, замедлила шаг и как будто удивилась. И улыбнулась. Он предложил ей руку, и она положила на нее свою.

Ему хотелось, чтобы Рейндж Ровер стоял сейчас далеко-далеко, чтобы они шли долго-долго, и он бы смотрел на нее, любовался ее лицом, рукой, прекрасными ровными пальцами,

бледными на черном рукаве его куртки. Ее близость источала аромат незнакомого и потому радостного желания.

Они направились к машине. Он видел видеть купол ее груди, открытой в расстегнутой куртке, и красивые бедра. Его обоняние плавало в аромате ее духов.

— Роман, только не надо меня везти в самый крутой ресторан, в котором все сверкает и толпа народу, — она выговорила его имя немного растянуто, получилось как бы с выражением.

— Я знаю, куда тебя вести, — сказал он.

К ресторану вела аллея. Свет фонарей падал на дорожку и сырые от вечерней свежести деревья. Высокий мужчина в черном смокинге и белых перчатках открыл перед ними дверь. Приглушенный свет, тихая музыка. В гардеробе молодой человек в черной жилетке поднялся и положил на стойку два номерка.

Зудин помог ей снять куртку. Ее волосы коснулись его лица. Тонкий белый свитер мягко облекал ее тело, и как бы дразнил, показывая его полоску над джинсами. Она повернулась и едва не дотронулась до него бедрами. Мелькнула аккуратная ямка пупка.

Он сдал в гардероб верхнюю одежду, а она отошла к окну. Когда он повернулся, она стояла к нему боком. Ее рука была опущена вдоль тела, и он четко видел ее линии. Они были совершенны. Небольшая голова на стройной шее, будто вылепленная скульптором, изящная как у царственной особы, и женственный стан, очерченный крутыми линиями облегающей одежды. Ее тихое совершенство властной рукой держало его взгляд.

Она почти не двигалась, поправила очки и снова опустила руку. Открытая шея делала ее похожей на балерину, только не воздушную, ушедшую в образ, а земную, плотскую. Она сияла бело-голубым светом. Он искал в ней хоть что-то, что не позволило бы ей быть совершенной, и не находил, и пил ее девичью красоту, как родниковую воду, не в силах оторваться.

За ее спиной стояло большое зеркало. Она повернулась и посмотрела в него. Он подошел, стал сзади и пригладил свои блестящие черные волосы. В зеркале их лица были совсем рядом, как на семейной фотографии. Его — твердое, немного вытянутое, тонконосое, с прямыми губами и упавшей на бровь смоляной прядью. И ее — овальное, девчачье, в скромных очках, уставившееся на него внимательно и смущенно. Его широкое плечо в сером джемпере высилось за ней как гранитный утес. А она, стройная, крутобедрая и длинноногая — тянущееся к утесу деревцо.

Метрдотель повел их на второй этаж. Лестница была узкой, и Зудин пропустил ее вперед. Он смотрел, как синий шов ныряет ей между ног, как двигаются ее бедра, полные у основания и стройные у коленей — вверх-вниз, вверх-вниз. Он прошел бы за ней до последней ступени Останкинской башни. Наступит момент, и он увидит, как ее бедра будут двигаться внутрь — в стороны, как можно шире в стороны.

Зал был отделан в восточном стиле, везде были ковры, приглушенное освещение, вместо стульев диваны с подушками, каждый столик отделялся ширмами. Когда она села, он спросил, наклонившись к ней:

— Что ты любишь?

— Вообще я предпочитаю рыбу или птицу. А можно меню?

— Положись на меня. Здесь прекрасно готовят форель. Рекомендую.

Пока он разговаривал с метрдотелем, она наблюдала за ним. Он ей нравился, высокий, уверенный, нравился его ровный баритон и как он отдавал указания, отмеряя их словно

порциями.

Отпустив метрдотеля, он сел напротив, утопив себя в мягком диване. Она отодвинула от себя подушки.

— Тебе неудобно?

— Теперь нормально.

Их глаза встретились. Ее сияющее юностью лицо было направлено на него. Она уже не стеснялась его и не отводила взгляд.

— Хочешь, угадаю, о чем ты думаешь?

— Попробуй.

— О еде.

Она засмеялась. Он улыбнулся.

— А ты можешь угадать, о чем думаю я? — спросил он.

— Даже не буду пытаться. Я не обладаю сверхъестественными способностями, — сказала она.

— Это еще проще.

— Все равно.

— Попробуй.

— Ничего не приходит в голову.

— Это из-за того, что ты хочешь есть, — улыбнулся он.

Она засмеялась. Они смотрели друг на друга, улыбались и молчали.

— Ну? — не выдержала она.

Его лицо стало серьезным.

— Хочу потрогать твои волосы, провести по ним рукой, почувствовать, какие они мягкие. А потом запустить в них пальцы и запутаться в них. Хочу увидеть твое лицо, когда на него упадут распущенные пряди...

Она залилась краской. Он понял, что хватил лишнего.

— Я боюсь тебя.

— Не бойся, — он взял ее руку, но она отняла ее. — Ты мне нравишься, и я хочу говорить о тебе...

Ее правая рука лежала на столе, словно ждала его руки, несмотря на то, что минуту назад не приняла ее. У нее была красивая женственная рука, немного бледная, ни полная, ни худая, без выраженных вен, с аккуратными, покрытыми бесцветным лаком ногтями. Он положил руку рядом с ее рукой. Его рука была крупной, холеной, с длинными пальцами. Обе руки как будто смотрели друг на друга, не решаясь дотронуться.

Появился официант, поставил на стол воду и закуски.

— Оль, не бойся меня, — сказал Зудин. — Во мне нет ничего, чего следовало бы бояться. Наоборот, ты в безопасности, когда я рядом. Я сделаю все, чтобы тебе было хорошо. Обещаю.

Он быстро съел салат, запил водой и отодвинул тарелку. Она орудовала ножом и вилкой, то и дело, вытирая губы салфеткой.

— Ты обещал рассказать, чем занимаешься, — сказала она.

— Вентиляшкой, устанавливаем кондиционеры и все такое.

Ее лицо выдало, что это не произвело на нее впечатления.

— Разочарована?

— Просто, это очень далеко от меня. Почему ты не женат?

— Еще не встретил свою половинку.
— Все вы так говорите. Признайся, что это не входит в твои планы.
— Это не так. Если встречу девчонку, с которой пойму, что она — та самая, женюсь.
— Правда?
— Истинная, — сказал он, уставив на нее немигающий взгляд. — А ты?
— Сначала надо закончить институт.
— Любовь подождет?

— Да, любовь подождет.
— Оль, а ты любила? У тебя вообще была первая любовь?
— Не было.
— И не хочется?
— Так как было у моих подруг, вообще никакой любви не надо.
— Понятно. Но парень-то тебе нужен?
— Нет.
— Вообще? Такого не бывает!
— Девушке не обязательно быть озабоченной, в отличие от парней.
— Тебе не нужен секс?
— Нет! — ее лицо зарделось.
— Странно... Ты вся такая, с такими... — он показал руками.
— Прекрати!..
— ...и тебе не нужен секс?
— Это бестактно!

— А мне кажется, что нормально, — он лукаво приподнял бровь. — Может, тебе нравятся девушки?

— Нет! — чуть не закричала она.

Он захохотал. Она не знала, обидеться или засмеяться, но, все таки засмеялась.

Принесли горячее. Они были голодны, поэтому, пока ели, почти не разговаривали. Он смотрел, как она орудует ножом и вилкой, зажав их красивыми сильными пальцами, как берет на вилку и отправляет в рот куски рыбы, жует, шевеля блестящими от жира губами. Все в ней было юное, сильное.

Когда он вез ее домой, он всю дорогу рассказывал веселые истории, она смеялась, сначала сдержанно, словно стеснялась, потом смелее, и не заметила, как они подъехали к дому.

В этот раз она не возражала, чтобы он проводил ее до квартиры. Но, когда они оказались перед дверью, она быстро попрощалась и исчезла. Она еще боялась этих последних самых томительных минут.

Одиночество навевало тоску. Когда он сел в машину, он позвонил Нине.

— Рома?

— Да.

Она помолчала. Он пытался понять, в каком она настроении.

— Что делаешь?

— Лежу, — в трубке послышалось, как она дышит.

— Ты в чем?

— Прекрати.

— Есть планы?

— Уже поздно.

— Я хочу к тебе.

Она вздохнула.

— Приезжай.

Она была рада, что он позвонил, но тоски в ее голосе было больше чем радости.

Когда утром он уходил, он знал, что больше не придет, и, несмотря на то, что старался, не смог ее обмануть. Он прочел это в ее глазах. Она ничего не сказала, и он был благодарен ей за это. Они улыбались, она положила руки ему на грудь и очень нежно поцеловала его. Она держалась изо всех сил, но голос ее дрожал.

По субботам в тренажерном зале было много народу. Лето было не за горами. Девушкам надо было убрать лишнее, юношам — придать сколько-то мужественности своим хилым телам. Раздражали юнцы, которые группами по два-три человека захватывали какой-нибудь тренажер и по очереди неумело насиловали его. Зудин не спеша с лентой делал свои упражнения.

Наконец, появилась она. Он узнал ее, когда увидел за тренажерами копну пшеничных волос. Он направился в ее сторону, сел на скамью в некотором отдалении и стал следить за ней в зеркале. Тренажеры были хорошим укрытием. Этот вид охоты начинался с выслеживания.

В субботу у персонального тренера был выходной, поэтому ей приходилось справляться в одиночку. Она была в розовом топе, голубых велосипедных шортах и белых кроссовках, волосы были заплетены в недлинную толстую косу. Нужен был удобный момент, чтобы подойти. Ее лицо было сосредоточенно. Он не мог от нее оторваться, от ее лица, которое то появлялось, то исчезало за стойками и перекладинами. Ловил взором все, что было доступно, плечо, коленки, каждый изгиб.

Когда она наклонялась, коса висела у нее перед грудью, а когда выпрямлялась, откидывала ее назад. Ему вспомнились пушкинские и некрасовские красавицы. Когда их проходили в школе, именно такими он их представлял. Только в сарафане, а не в топе.

Воображение нарисовало молодую славянку в поле, колосащемся такой же золотистой, как ее волосы пшеницей, в крестьянской рубаше, сосредоточенную на работе, не знающую о своей красоте. Вот она выпрямляется и смотрит из-под ладони вдаль, пряча от солнца синие глаза. А вокруг ветер водит хоровод с тяжелой пшеницей. Вдали — кромка леса и одинокие березы с плакучими ветвями. Все такое русское-русское, и она такая русская-русская... Он усмехнулся.

Она пыталась выдвинуть римский стул на нужную длину. Ее раздвинувшиеся в наклоне ягодицы натянули шорты как рекламный плакат. Выглянули стринги, как будто подмигнули. У Зудина глаза заболели от ее вызывающей красоты. У нее не получалось вставить фиксирующий болт в нужное отверстие. Вот он — момент для атаки. Он подошел.

— Может, у меня получится?

Она подняла голову. Ее прекрасное лицо покраснелось от напряжения.

— Что получится? — ее низкий голос обаял его, она была немного раздражена.

— Попасть в эту дырку.

Они рассмеялись одновременно, и обоим стало легко. Он вставил болт, выпрямился и несколько секунд они стояли друг перед другом. Смех еще таял на их губах. Он стоял, взяв за края висевшее на шее полотенце набухшими после тренировки руками, и глядел ей в глаза. Смех застал ее, когда она еще не перевела дух после напряжения. Ее грудь учащенно дышала, высокий лоб блестел от пота. Молодое, раззадоренное физической работой тело тянуло на себя его взгляд.

— Спасибо, — ее тягучий голос стек ему в уши, как мед.

В ее глазах и улыбке было признание, что он ей по вкусу.

— Вижу, без инструктора не все получается, — сказал он.

— Да, Ярослав помогал мне со всеми этими приспособлениями, — сказала она и перевела дыхание.

— Пока его нет, если понадобится, — улыбка вот-вот была готова появиться на его лице, — можете обращаться.

Она заулыбалась, показав ровные белые зубы. Она и Ольга были одного роста, и фигуры у них были похожи, даже размер груди был приблизительно тот же — как раз, чтобы накрыть его большой ладонью. Только эта казалась здоровее, атлетичнее. Обе были безупречны, только эта — ярче, как выглянувшее солнце; а красота Ольги была спокойнее, на нее дольше надо было смотреть, чтоб ослепнуть.

Он отошел и продолжил заниматься, совершенно потеряв к этому интерес. То и дело, поглядывая в ее сторону и изобретая новый повод, чтобы подойти. Прошло несколько минут. Он делал разведение гантелей в наклоне. Перед его глазами возникли стройные ноги в белых кроссовках.

— Мне надо делать жим на наклонной скамье. Поможете?

Он поднял скамью на нужный угол, опустил гриф. Она села и довольно широко, не стесняясь, поставила ноги, взяла гриф и сделала несколько повторений. Ее руки не по-женски твердо держали гриф. У нее были крепкие ногти, покрытые красным лаком.

— Зачем тебе это упражнение? — спросил он, когда она опустила гриф.

— Для груди. Чтобы грудь была выше, — она немного растерялась, показала рукой, как приподнимется грудь.

— Ты делаешь его так, что грудь будет ниже.

— Ниже?!

— Не до пола, конечно, — он усмехнулся.

— Мне его показал Ярослав.

— Упражнение хорошее, просто ты неправильно делаешь.

Она сложила губы и подняла брови.

— Не туда опускаешь гриф. У тебя работают плечи — передние дельты. А чтобы работала грудь, надо опускать сюда, — он коснулся ее межключичной впадины.

В этом было что-то решающее. Их тела коснулись, опрокинув заградительные рубежи, выставленные природой и ей самой. Он взял ее врасплох, проигнорировав ее прямой взгляд.

Внешне ничего не изменилось, просто он понял, что путь открыт. Если б он сейчас начал ее лапать, она бы не знала, что делать, просто не смогла бы сопротивляться.

— Попробуй еще раз.

Она опустила гриф к ключицам, выжала вверх. Ее локти качнулись.

— Так труднее.

— Зато правильнее.

Она отпустила гриф и села.

— Ты каким спортом занималась?

— В общем-то, никаким, если не считать физкультуру в школе и институте.

— А выглядишь как мастер спорта.

— Какого?

— Гимнастики, легкой атлетики и синхронного плавания.

Она улыбнулась.

— Папа с мамой постарались, — она выпрямилась, уронив руки между широко поставленных ног.

— Тебя как зовут?

— Настя.

— Меня — Роман. Настя, зачем тебе это? У тебя, если мои придирчивые глаза меня не обманывают, все отлично, — он окинул взглядом ее фигуру.

— Хочу убрать лишнее.

— В каком месте у тебя лишнее?

— Не важно, — она ломалась и делала это с удовольствием.

— Да что такое! Сейчас каждая видит у себя лишнее, даже если у нее только кожа и кости.

— У меня... несколько килограмм.

— Ради этого ты дышишь испорченным воздухом и платишь за это?

— Я хочу похудеть.

— Я научу тебя, как это сделать. Надеваешь спортивный костюм, кроссовки, плейер, выходишь на улицу и бегаешь.

— Не люблю бегать.

— Бег можно заменить на секс.

Она смутилась, надо было рассердиться, а она рассмеялась. Ей нравилось, как он держится. А он думал: как она кончает? Чувствовал, что она умеет кончать.

Он припарковал Рейндж Ровер так, чтобы был виден вход в спортивный комплекс. Наконец, она вышла. На ней была светлая спортивная куртка, рюкзачок и джинсы такой пестрой расцветки, словно были сшиты из цветов — цветочный бриз, — очень повеселенному. Она надела солнцезащитные очки и достала наушники.

— Настя! — окликнул он.

Она повернулась. Он тоже был в солнцезащитных очках, как терминатор.

— Наши ножки не устали?

— Устали.

— Тебе куда?

— Водный стадион.

Он кивнул на пассажирское сиденье.

— А ревнивая жена? — улыбнулась она.

— Моя жена еще только мечтает о принце на белом коне.

Она пошла к нему, покачивая бедрами.

— Предлагаешь подвезти? Просто так, бескорыстно?

— Почему же бескорыстно, корысть есть.

— Какая же?

— Вдруг че-нибудь обломится, — он ухмыльнулся.

— Не обломится, — она остановилась, но продолжала покачивать бедрами.

Через черные стекла было удобно любоваться их очертаниями.

— Не сегодня, так в следующий раз.

— Ни сегодня, ни в следующий раз ничего не обломится, — как же ей нравилась его наглая физиономия.

— Ну, когда-нибудь.

— Долго придется ждать.

— Но начать-то с чего-то надо.

— Может, у меня парень есть.

— Парень — не муж. Каждый устраивает свою личную жизнь, он по-своему, я по-своему. Потом дашь знать, у кого лучше получилось.

Она обошла машину и села, поместив себя в салон плавным движением — нога, попа, плечи. И осмотрелась, оценила. Салон наполнился сладким дурманом. Зудин спросил кивком: круто? Она улыбнулась. Черные очки разговаривали с черными очками. Он завел двигатель и тронулся.

Он подвез ее к подъезду, протиснувшись между тесно припаркованными машинами. Перед тем, как попрощаться, он попросил ее оставить номер телефона. Она продиктовала номер, сказала: «Спасибо» и вышла, взглянув на него напоследок, теперь уже не пряча глаза за черным стеклом очков.

Утомленный после тренировки, он рано лег и быстро уснул. Его разбудил звонок. Он удивился, увидев ее номер.

— Роман, извини, что так поздно, просто мне не к кому больше обратиться. Мне нужна помощь.

Он напрягся. Даже обиделся. Неужели, он выглядит таким простаком, которого можно развести в первый же день знакомства. Но в ее голосе была неподдельная дрожь. Или она говорила правду, или была прекрасной актрисой.

— Что случилось?

— У меня под дверью стоит мой бывший парень и не хочет уходить. Уже часов шесть. Я просто не знаю, что делать. Я снимаю квартиру и не хочу, чтобы меня выселили. Соседи уже выходили.

— Что ему надо?

— Чтобы я вернулась к нему.

— Может, он не бывший?

— Мы уже год не встречаемся. Я познакомилась с ним на отдыхе в Испании. Ну, курортный роман, все такое. А когда вернулись, он стал мне не нужен. Я ему так и сказала. Мы даже больше не виделись. Он звонил несколько раз, говорил, что хочет возобновить отношения, все такое. А сегодня заявился. С цветами. Боже, зачем я дала ему адрес!

Зудин зевнул.

— Извини, не хотела тебя напрягать. Просто, мне больше некому позвонить.

— Все нормально. Чего он хочет?

— Говорю же: чтобы я вернулась.

— А ты?

— Да не нужен он мне сто лет в обед!

— Уверена?

— Да!

— Что мне сделать, убить его?

— С ума сошел!

— А чего ты хочешь?

— Не знаю! Сделай что-нибудь, чтобы он ушел. Поговори с ним.

— Мм... - он снова зевнул.

— Извини, что побеспокоила, — она бросила трубку.

Он посмотрел на часы. Было полпервого ночи. Он набрал ее номер.

— Алло.

— Не злись. Дай мне проснуться. Что он сейчас делает?

— Ничего, просто стоит или сидит на ступеньке.

— И хочет, чтобы ты поехала с ним в загс?

— Чтобы я впустила его. Если я это сделаю, он так и будет ездить. Возомнит, что я дала ему шанс.

— Что он из себя представляет?

— Ничего. Мой ровесник, студент. Ты поможешь?

— Да. Сейчас приеду.

Если б на ее месте была любая другая, он и разговаривать бы не стал, послал бы ее куда подальше и бросил трубку. Но отказаться от такой девушки как Настя, он не мог. Риск, что его ловят на живца, безусловно, был, но он верил ей, прокручивал в памяти их разговор, ее интонацию, и верил.

В туалете в шкафу, где проходил стояк, был тайник, в котором он хранил пистолет. Он принес его в комнату, сел в кресло и осмотрел его. Пистолет был сухим, излучающим спокойное матовое свечение. Он подержал его на ладони. Казалось, что пистолет такой тяжелый не потому, что из металла, а потому может вершить человеческую судьбу.

Он не стал оставлять машину возле подъезда, оставил на дороге. Он обошел дом и подошел к подъезду с другой стороны, из глубины двора. Подкрался, спрятался в домике на детской площадке и стал наблюдать, не сидит ли кто в припаркованных машинах или на скамейке.

Он вошел в подъезд, сжав пистолет в кармане куртки, и стал подниматься по лестнице. На втором этаже он остановился и засунул пистолет за пояс, потрогал его через куртку и переложил за пояс назад, прислушался. Было тихо.

Он поднимался, стараясь ступать как можно тише, и на пролете перед четвертым этажом увидел парня в черной кожаной куртке. Он стоял, понунив голову, боком к нему. Его фигура выдавала долгое ожидание и усталость. Огромный букет красных роз лежал на полу. Когда Зудин увидел парня, он перестал бояться, тот был один и совершенно не грозного вида, а скорее подавленного. У него было смуглое нерусское лицо.

Услышав шаги, парень даже не взглянул на Зудина, он взял букет и отошел к стене, чтобы освободить проход. Зудин остановился. Парень взглянул на него. Зудин понял, что пистолет можно было не брать. На него смотрело юное чернобровое, уставшее лицо, которое еще не было лицом мужчины, готового к решительным действиям. Да и габариты его уступали внушительной фигуре Зудина. Парень уставился на него, шурясь в тусклом свете подъездной лампочки.

— Надеешься, что откроет? — спросил Зудин, стараясь выглядеть внушительно, но не враждебно.

— Вы кто? — спросил парень.

— Ее друг.

— Она попросила вас приехать?

— Она попросила поговорить с тобой.

Парень поправил букет, который было неудобно держать. Он говорил без акцента и, судя по всему, вырос в России.

— Я не уйду, — сказал он.

— Будешь ждать, когда она выйдет?

— Да.

— Зачем? Она все сказала по телефону.

— Она встречается с кем-нибудь?

— Не в этом дело.

Парень вдруг шагнул к двери, позвонил несколько раз, и стоял, уставившись в глухое молчание. И вдруг воскликнул:

— Я выломаю эту проклятую дверь!

— Если б ты видел себя со стороны! Ты смешон, — спокойно сказал Зудин.

— Смешон?! — он повернулся к Зудину, сжав кулаки.

— Давай, — Зудин выпрямился и вынул руки из карманов.

— Ты же для этого приехал! — воскликнул парень, впрочем, не решаясь приступить к делу.

— Я приехал поговорить. Просто успокойся и посмотри на себя. Ты не вышибешь эту дверь, и со мной тебе не справиться. Ты ничего не сделаешь.

Лицо парня исказилось, в глазах блеснули слезы. Он отвернулся, стал переключать букет из руки в руку.

— Вам не понять, — пробормотал он.

— Почему же, я тоже через это проходил. Это как болезнь. Нужно время, чтобы выздороветь.

— Если б вы знали, как у нас было, вы бы так не говорили.

— Всем кажется, что так как у них, не было ни у кого. Это чувство. Порой оно обманывает. Думай не о том, как было, а о том, как сейчас. А сейчас ваши дорожки разошлись. Прими это. Если ты мужчина.

Зудин видел, что режет по нему как ножом.

— Такой, как она нет. Она единственная...

— Вот будет тебе лет тридцать, ты вспомнишь эти слова и рассмеешься.

Парень посмотрел на него с радостью и удивлением, словно он предсказал ему счастливое будущее.

— У вас есть сигарета?

— Не курю и тебе не советую.

— Я тоже не курю, — он вздохнул. — Просто сейчас хотел покурить.

— Пойдем, воздухом подышим?

Парень посмотрел на дверь, переложил букет в другую руку.

— Пойдем.

Зудин пошел первым и слышал, как тяжело даются ему шаги. Они вышли на улицу и стали под козырьком. Парень сказал:

— Не знаю, что делать. Какая-то растерянность, пустота. И боль.

— Жил же ты как-то без нее целый год. Живи дальше, не забивай башку ненужными мыслями. Отвлекись на что-нибудь, познакомься с девчонкой.

Парень прерывисто вздохнул, задрал голову в небо.

— А это куда? — он повертел букет, в его руках было что-то нервозное; казалось, он швырнет букет изо всей силы подальше, или наоборот, прижмет к себе, зароется блаженной улыбкой в красных бутонах, прощаясь с их нежностью.

— Выброси в контейнер. А хочешь, подари первой встречной. Плевать, им осталось недолго.

Парень посмотрел на него, переложил букет в левую руку и протянул ему правую.

— Рустам.

— Роман, — Зудин пожал ее.

— Спасибо, Роман.

Он пошел вдоль дома, прошел мимо площадки с мусорными контейнерами и вдруг вернулся и швырнул цветы в бак.

Зудин постоял еще несколько минут. Тень Рустама, который пошел без букета легче и быстрее, исчезла за деревьями. Зудин вернулся к машине, спрятал пистолет и пошел обратно.

Она открыла дверь и отступила, чтобы дать ему раздеться. Он шагнул в прихожую и на секунду застыл, увидев ее. Она прислонилась спиной к дверному косяку, уронив руки вдоль тела. Ее густые волосы были кое-как схвачены на затылке. Она была одета по-домашнему, в короткой футболке, серой с мелкими блеклыми цветочками, и в темных домашних лосинах с нарисованными ромашками. В пупке блеснул пирсинг, словно подмигнул. Она была босиком. Ее загорелые ступни с красными ногтями были широкими, как у крестьянки. Все ее тело, несмотря на усталость, было сильным, наполненным соками.

Она зевнула, прикрыв рот рукой, и тут увидела его напряженный взгляд. Ее лицо без косметики светилось чистой здоровой красотой. Свободная от лифчика грудь выдала беспокойство, проступили два бугорка, словно силились рассмотреть его через ткань.

— Дверь-то закрой, — сказала она, улыбнувшись глазами.

Он закрыл дверь и разделся.

— Он ушел? — спросила она.

— Думаю, насовсем.

— Спасибо. Ты очень помог мне, — она поцеловала его в щеку. — Знаешь, я очень признательна тебе, но не хочу, чтобы это выглядело так, будто я должна тебя оставить.

Он развел руками.

— Ты ничего не должна. Разве я для этого приехал?

Она смутилась.

— Извини. Не надо было об этом говорить.

Она почувствовала себя виноватой. Его взгляд жег ей лицо, она повернулась в сторону, но не вся, только лицом, а всю себя оставила ему, чувствовала одновременно и смущение, и удовольствие под его пылающим взглядом, даже провела руками по бедрам. Он не двигался. Немое давление стало невыносимым, она не выдержала и встретилась с ним глазами.

— Ну что, что ты так смотришь?

Она оттолкнулась от дверного косяка и пошла в комнату. Ее тело, которое она так старательно тренировала, предало ее, позвало его. Ее передавленные косым швом трусов ягоды показали ему набухшими до неестественности. Она обернулась.

— Что ты делаешь?

Он еще ничего не сделал, просто догнал ее. Она инстинктивно прижалась к стене и подняла руки, чтобы его оттолкнуть, выпустила красные когти. Ему бросились в глаза ее округлившиеся груди, прижавшиеся друг к другу как пугливые сестры.

— Нет!

Он двинулся на нее. Она толкнула его в грудь и сделала шаг в сторону, чтобы пройти на кухню, но он перегородил ей дорогу рукой и коснулся ее талии. Она отдернулась и прижалась к стене, распласталась по ней. Но не как пугливая лань, а как почуявшая жеребца

кобыла.

Он стал ближе, почти касаясь ее грудью, приблизился к ее лицу. Ее пылающее лицо было в нескольких сантиметрах. В ее лице, распахнутых глазах, открытых губах не было ужаса, только страх перед еще неизвестным, за которым — что: боль, разочарование, наслаждение? Как у студентки, которой сейчас объявят, сдала она или не сдала последний экзамен.

Она задышала, отвернулась. Выставленная, как шлагбаум, рука была рядом с ее плечом. Молодая плоть раскинулась перед ним как весенняя нива с холмами и оврагами. Кобылица забила в стойле.

— Что ты делаешь? — прошептал он.

— Я? Делаю?!

Она вскинула брови. Он рыскал глазами по ее лицу, беспардонно тянул в себя запах ее кожи. Положил руку ей на талию, и она вздрогнула. Тогда он убрал руку и коснулся ее щеки тыльной стороной ладони, невесомо, как предчувствие.

— Ты соблазняешь меня, — прошептал он.

— Я?!

— Накрываешь меня, как волна, — он вытянул губы — она даже испугалась — провел по ним большим пальцем.

Она прижалась затылком к стене. Ее грудь задышалась и тянулась к нему. Его губы шептали рядом с ее губами. Она не могла оторвать взгляд от его губ, как от качающегося маятника.

— Я плыву в этой волне и не могу выплыть... — его вкрадчивый голос обволакивал, словно тяжелое одеяло, распластывал, заставлял поддаться, лечь, раскинуть руки и закрыть глаза. — Зачем ты так... я не могу сопротивляться...

— Да что я делаю!.. — воскликнула она чуть не плача, но это было последней каплей отчаяния, на смену ему шло желание.

Его рука двигалась возле ее лица, мучила прикосновениями. Сопротивляться не было сил, потому что безумно хотелось этих прикосновений, нежных как сон, едва появляющихся и исчезающих. Как же хотелось, чтобы они длились, длились, длились...

— Ты давишь на меня... — пробормотала она.

— Едва касаюсь...

Их губы коснулись. Она дрогнула. Порыв страсти затуманил ему рассудок. Он тянул ее к себе, как оторванный кусок своего тела.

— Прекрати!

Он схватил ее лицо и прижался к ней, стал засасывать, как насос, она впиалась в него ногтями, в лицо, в шею. Он протискивал язык ей в рот. Она укусила его. Это подзадорило его, и он укусил ее за губу.

Ей стало больно. Она стала брыкаться, как непокорная наложница в серале. Он преодолел сопротивление ее рук, прижал к себе и толкнулся губами ей в лицо. Она отвернулась и замотала головой.

— Сумасшедший! — крикнула она. — Я полицию позову!

Он снова схватил ее за лицо, накрыл собой плечи, одной рукой держал руки, другой голову. Обвил как удав и начал заглатывать, засунув в нее язык чуть не до глотки. Ее сопротивление ослабевало, словно он пустил в нее яд. Наконец, ее дыхание выровнялось.

И снова заволновалось, только иначе, без страха. Когда она вновь открыла глаза, в них

было спокойное сияние. Ни слез, ни упрёка. И потухло под опустившимися веками. Он почувствовал, что она целует его. Он разжал объятия и, продолжая целоваться, положил руки ей на грудь, потрогал соски и стал шарить по ней большими руками, сжимая ее мускулистое тело.

— Мы ведь совсем не знакомы... — пробормотала она и зажмурилась.

Глава VII (продолжение)

На долю секунды он отпустил ее, подхватил за талию и поднял. Она испугалась и обвила руками его шею. Их глаза встретились, его язык оказался у нее во рту и ее губы влажной раковиной облекли его как моллюск.

Он пролабирал коридором, внес ее в комнату и опустил на постель, положил и надвинулся, лишив возможности встать или повернуться. Но она уже не пыталась, она только умоляла глазами, хотела пощады, уже не понимая от чего. Просто чувствовала, что брошена со скалы в море и летит, летит... Она сдвинула ноги и отвернулась лицом. Грудь пришлось оставить ему, трепещущую, задышающуюся.

Он положил ее бережно, как ребенка, и отстранился, увидел ее всю, одетую, но уже сдавшуюся. Сжатые бедра выдавили лобок, отдали ему как дань эту выпуклость. Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Просто коснулся губами, поделился нежностью, которой истекал весь от затылка до пят. Посмотрел на ее лицо, повернутое к нему в профиль, и снова поцеловал. Ее ресницы дрогнули.

Он оставлял на ней свои осторожные поцелуи, словно ронял теплые растекающиеся капли. Незаметно, как змеи, заползли в ее волосы длинные пальцы и стали трогать ее. Эти прикосновения и поцелуи проникали внутрь и дотрагивались до еще неоткрытых ей самой струн, ломали, гнули, заставляли вздрагивать и издавать возгласы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Поцелуи каплями упали на шею, на ключицы, запутались в мягкой ткани домашней одежды. Она стала извиваться, чтобы высвободиться из одежды, как змея, выползающая из отмершей кожи. Его руки скользнули под ткань, потянули вверх и оголили груди-купола с озябшими розовыми сосками. Она застонала, вытянулась и отдала ему губы и грудь.

Он целовал ее груди, как будто каждый сосок был ее языком. Она принимала его ласки безоговорочно, выпивала их до последней капли, не открывая глаз. Она вздохнула, воздела руки, которые он поймал и завел с ними игру, вплетая в ее красивые смуглые пальцы свои бледные и длинные. Она тянула к нему руки, как к нежному солнцу, и он гладил их от пальцев до плеч.

Он поднялся на локте и стал раздеваться, расстегнул джинсы, стянул с трусами, с носками, и сбросил на пол, снял футболку и отшвырнул в сторону.

Она хотела снять лосины, но не успела. Он уже обхватил ее за бедра, стал сжимать, проходя сантиметр за сантиметром. Он брал ее через ткань, как будто боялся обжечь ее своими пылающими ладонями. Настойчиво продвигался к заповедным местам, преодолевая ее конвульсивное сопротивление. Приподнял за попу и обхватил ее, взвесил на руках, помял ягодичы и попробовал раздвинуть, как апельсиновые доли, вдавив пальцы между половинами.

Она уже доверилась ему, обхватила за шею. Он погладил ее широкие ляжки, впустил между ними пальцы, потом ладони и раздвинул их, поддавшиеся с последним, быстро иссякшим сопротивлением. Она жадно дышала, уставившись на него из-под полузакрытых век, требуя не останавливаться. Вместе с холмами грудей дышала долина, плодородная, влажная от росы.

Он стянул с нее лосины. Полные бедра распахнулись как крылья бабочки. Он

дотронулся до полоски белья, погладил, словно у котенка за ушком, и почувствовал ответное движение, мягкий толчок навстречу. Он придвинулся, положил руки ей на бедра и погладил их, с удовольствием чувствуя ее прохладную кожу.

Она смотрела на его руки с каким-то мучительным сосредоточением, словно боялась, что он сделает ей больно. Ее тело отзывалось на каждое его прикосновение. Он снова погладил ее через трусы, она нетерпеливо двинула бедрами. Он продел в трусы пальцы и снял их. Она раздвинула ноги еще шире. Ему понравилось, как у нее выбрит лобок, над клитором была оставлена широкая полоска мягких светло-русых волос, только не вертикальная, а поперечная.

Он еще не видел такого совершенного тела. Он взял ее за бедра и притянул к себе, уперся в нее набухшей плотью. Она взяла его, плотно обхватив всей ладонью, и потянула в себя. Он удивился, какими сильными были ее пальцы. Она смотрела туда, где была ее рука, тревожно сдвинув брови, утонувшая в единственном, что имело сейчас смысл — подняться на вершину и броситься вниз. Он дал ее руке повести себя, пальцы разжались и их оголенные нервы соединились.

Он погрузился в нее, плотно, деталь в деталь в густом солидоле, придушил поцелуем и начал движение, медленное, сплавляющее их в одно существо, что живет только в наслаждении, стоит лишь замкнуть оголенные провода и потереться телами.

Он не сводил глаз с ее прекрасного лица, оно все было в движении. Веки опущены, брови изогнуты, губы открыты. Ей казалось, будто она пьет чудесный эликсир, и он течет ей в глотку, наполняет ее, распространяется с кровью по всему телу и лижет нервы, и бережит их.

Ей было хорошо-хорошо, она блаженно улыбалась, на ее лице под кожей подергивались мускулы от подбородка до лба. А он, сам доведенный до исступления, начинал поторапливаться, словно, пустившийся с горы, уже не мог ни остановиться, ни просто бежать, а мог только разгоняться быстрее и быстрее, чтобы взлететь или рухнуть.

Они взмокли, словно, взявшись за руки, долго бежали. Обдавали друг друга жаром через открытые рты. Она дернулась, задрожала, схватила его за ягодицы и прижала к себе, ее бедра задергались, выламываясь из таза. Она выгнулась и закричала. Каким прекрасным было ее лицо, зажмуренные глаза, изогнутые брови и круглый рот.

Его замутненное сознание охватила какая-то глупая радость, и последним усилием воли он успел вытолкнуть себя из нее. Он скорчился на ней и застонал, покрывая ее слизью, словно рожденный из нее. Прекрасные и сильные, как Адам и Ева, они отдали друг другу свои соки. Обессилев, его большое тело заскользило с нее, но она удержала его, обхватив за шею. Она вздохнула, и столько счастья было в ее вздохе.

— Тебе не тяжело? — прошептал он.

— Нет.

Прошло несколько минут, прежде чем она отпустила его, и он сполз на простыню. Она нашла его руку и сжала ее. Он ткнулся лицом в ее плечо и так лежал, не открывая глаз, вдыхая ее запахи, сочащиеся через кожу. Ему казалось, что нет в природе запахов приятней запаха этой молодой здоровой женщины. Глупые мысли полезли ему в голову, он вдруг с очевидностью понял, что ему нужна только она, потому что ни с какой другой ему не было так хорошо, так волшебно. Ему захотелось, чтобы она родила от него ребенка.

Он повернулся к ней, положил ее голову себе на плечо, обнял ее, посмотрел на ее отрешенное лицо, чмокнул в щеку и зарылся лицом в ее волосах. Все было безоблачно, лишь

одна мысль появилась и сразу исчезла, как змея в траве. Как-то дешево обошлась ему эта богиня, почти задаром.

Потом она пошла в душ. Он услышал, как щелкнул выключатель, и зашумела вода. Он чувствовал, что отдохнул и не хочет спать. Он отлепил от себя присохший край простыни, и пошел в ванную.

Она вздрогнула, когда он отдернул шторку, застыла с намыленной мочалкой в руке. Он оглядел ее блестящее крутобедрое тело и переступил край ванны. Он взял у нее мочалку, положил руку на талию, и стал водить мочалкой по ее спине, по плечам. Она взяла свои густые волосы, также, всей пятерней — по-другому не умела, — подставила их под воду и посмотрела на него чистыми, словно омытыми глазами. На ее ресницах дрожали капли.

Он почувствовал, как возвращается желание, скатывается как ком в низ живота. Он прижал ее к себе и поцеловал.

Они сидели на постели, ели пиццу и пили вино. На ней была короткая розовая сорочка и белые носки, а на нем — футболка; это все, что было на них из одежды. Ее волосы были забраны на затылке в хвост. Они сидели друг перед другом, между ними лежала коробка с пиццей, а бутылка и бокалы стояли на полу возле кровати.

— Ты маньяк? — спросила она с улыбкой, не переставая жевать. — Откуда в тебе столько энергии?

Он пожал плечами и сделал движение рукой, в которой был кусок пиццы, имея в виду, что это не только его заслуга. Во время еды он предпочитал не разговаривать.

— Ты просто свел меня с ума! Нет, ты точно маньяк! — она выпрямила ногу и провела пальцами по его волосатому колену, и ждала с улыбкой, когда он поднимет глаза. Но он жевал, уставившись на свой кусок пиццы. — Ты со всеми девушками так поступаешь, да? Со всеми? А ну признавайся!

— Это ты виновата, — сказал он, наконец, прожевав, и наклонился за бокалом.

— Я?! Ах ты, негодяй!

Она схватила подушку и ударила его. Вино выплеснулось на постель. Она встала и, раскачиваясь на постели как на батуте, колотила его подушкой. Он вскочил на ноги.

— Что ты творишь?

Он отбежал. Она спрыгнула с постели и побежала за ним по комнате с подушкой и где догоняла, колотила его. Наконец, он упал, она схватила его за футболку, стала трепать, он обнял ее, притянул к себе.

— Я такой, потому что ты такая, — прошептал он.

— Какая — такая?

— Кого угодно сведешь с ума.

Он чувствовал, как низ ее тела хочет его, тянется к нему, находит и забирает себе. Он возбудился и стал толкаться в нее.

Было воскресенье и не надо было никуда спешить. Им вообще никуда было не надо. Они пили кофе в постели, валялись, он ласкал ее, облизывал, а она подставляла ему свои лакомые места. Потом она кончала, дергаясь как в припадке, с криком, запрокинув голову, стянув на себя простыню, и смиряясь только под тяжестью его тела. А потом остывала в его объятиях.

Они шли в ванную, с трудом переставляя ноги, возвращались в постель и снова лежали в полудреме, едва касаясь друг друга, потом все тесней, она клала на него руку и ласкала его, благодарная за его ласки. Он ложился так, чтобы видеть, как она это делает, как двигает своей красивой рукой, губами, видеть ее лицо, прекрасное как в рекламе. Она чмокала,

смотрела ему в глаза и улыбалась. Он кончал, и они опять брели в ванную на ватных ногах.

Она стояла возле музыкального центра и выбирала музыку. Она была без трусов, в белой маечке. Солнце залило ее светом, просочилось через нее, как сквозь зрелое, еще не снятое с ветки яблоко. Зудин смотрел на нее и улыбался. Над пухлой и гладкой как у ребенка попой были две симпатичные ямочки. Она задумалась и смотрела в окно, пританцовывая под музыку. Что-то привлекло ее внимание в окне, и она перестала танцевать.

— Потанцуй еще. Прошу тебя, — сказал он.

Она обернулась. Соски под майкой потянулись к нему, правую ногу она согнула в колене, выставив округлое бедро.

— Разве я танцевала?

— Да, и очень красиво.

Она посмотрела на него, словно еще не решилась, танцевать или нет, потом сделала громче и начала двигаться. Это была клубная музыка, в общем, примитивная. Поначалу она едва двигалась, только следуя ритму, еще не избавившись от нерешительности. Потом увлеклась и движения стали уверенными.

— Соблазни меня. Давай, детка... — он откинул с себя одеяло.

Она взяла край майки и потянула вниз, прикрыла низ живота, полоска волос показывалась и исчезала. Она повернулась к нему спиной. В ее ягодицах было что-то завораживающее, нельзя было смотреть на них и ничего не испытывать. Она задвигалась еще энергичней, повернулась к нему, запустила пальцы в волосы, встряхнула головой и стала приближаться.

Она остановилась перед ним, продолжая танцевать. На внутренней части бедер в самом верху кожа была смуглая и бархатистая как нижняя сторона мать-и-мачехи. Хотелось взять ее за это место. Она повернулась к нему спиной, наклонилась, выгнула спину и предстала во всей красе, взяла себя за ягодицы и раздвинула их, и смотрела, улыбаясь, через плечо.

Он не видел ничего более откровенного.

А потом она сидела за столом и красила ногти, а он лежал на кровати и смотрел на нее. Свет, просочившийся между штор, падал на ее волосы, правую сторону лица и руку. От этого она казалась и матово-телесной, и золотой. Она сосредоточилась на своем занятии, как маленькая девочка. Она снова была в лосинах с ромашками и сидела, положив ногу на ногу, как бы закрывшись своими широкими мускулистыми бедрами. Ее пухлые пальчики едва шевелились.

— Мне нравится рисунок на твоих брюках, — сказал он.

— А что на них? — спросила она, не отрываясь от своего занятия.

— Ромашки.

— А.

— Тебе идут ромашки. Ты сама как ромашка. О, придумал, я буду звать тебя Ромашка.

Она подняла глаза.

— Ты против?

— Ромашка?

— Да. Роман и Ромашка. По-моему неплохо.

— Ну да. В этом что-то есть, — она улыбнулась, вернувшись к своему занятию.

— Ромашка, сколько тебе лет?

— Девятнадцать, — она вскинула на него глаза. — А тебе?

— Тридцать два.

— Я думала, тебе двадцать восемь. А ты думал, мне сколько?

— Так и думал — девятнадцать.

— Я выгляжу на свой возраст?

— Извини Ромашка, но на малолетку ты не тянешь.

Она засмеялась, широко раскрыв рот. Пальцы на ее ноге игриво зашевелились. Она закрыла лак, отставила в сторону, растопырила пальцы и любовалась своей работой.

— У тебя прекрасные зубы, Ромашка, — сказал он.

— Девятнадцать лет — и ни одной дырочки. А все потому, что я чищу зубы три раза в день.

Ее лицо было совсем как у ребенка, хвастливое, довольное за свои зубы и ногти.

— Когда мужчина видит женщину с красивыми здоровыми зубами, он подсознательно хочет от нее детей. Так говорят психологи.

— Мне еще рано детей! — испугалась она.

— Это на уровне инстинкта. Не переживай, Ромашка.

— Надеюсь, ты достаточно опытен, — ее лицо вдруг стало холодным.

Он хотел съязвить, но понял, что это может подпортить их секс, напряженность с ее стороны могла стать помехой.

— Я это уже доказал.

Она не ответила, ее взор вернулся к ногтям.

— Откуда ты?

— Из Ногинска. Только не надо думать, что я провинциальная девочка. У нас приличный город и я ходила в английскую школу.

— Ромашка — умная блондинка?

— Да, не персонаж из анекдотов.

— У тебя есть план на жизнь?

— Конечно, — она откинулась к спинке стула и аккуратно положила руки на колени. —

Институт, карьера, потом замужество.

— А личная жизнь?

— Личная жизнь нужна, но она не должна мешать главному.

— А любовь? Если ты влюбишься?

— Я умею контролировать свои эмоции и развитие отношений.

— Но получается не всегда, не правда ли?

— Ты имеешь в виду Рустама? Просто он был первый. Испания, курортный роман, он красиво ухаживал — мавр у ног прекрасной славянки. Чего ты улыбаешься?

— Ты интересно рассказываешь. Продолжай.

— А здесь он стал мне не интересен. Я поняла, что заслуживаю большего.

— В Испании ты была без родителей?

— Да. Мне исполнилось восемнадцать, и родители отпустили меня одну. Я хранила себя до восемнадцати. Где ты сейчас такое увидишь?

— Я не гинеколог и такого, конечно, не увижу, — сказал он.

Она засмеялась.

— Ну, ты же красивый парень и у тебя много девушек. — Он почувствовал, что она заявляет на него права. — Думаешь, у меня было много парней? Ошибаешься. Ты всего четвертый.

— А кто был второй? — спросил он.

— Грузинский бандит, очень крутой. Он грабил банки, ездил на белом Бентли. — Она покраснела, видимо, не совсем понимала, зачем это рассказывает.

— Они любят все белое, как вороны — блестящее.

Она обиделась. Взглянула на него, как спросила: «Ну, зачем ты так?».

— А третий?

— Не буду тебе рассказывать! Ты меня осуждаешь!

— Ты что! То, что было до — не считается!

— Честно?

— Честно, Ромашка!

— Третий был иранец. Только не думай, что какой-то там, он был врач, учился в Европе, знал пять языков. Намного старше меня. Он был потомок каких-то их князей. Боже, как он ухаживал! На руках носил. Почему ты так смотришь? Ты осуждаешь меня? Но они все были очень достойными мужчинами, не какие-то там.

— Да с чего ты взяла?

Она смотрела на него, пожалев, что так разоткровенничалась.

— Все нормально, Ромашка. Честно. Почему ты с ними рассталась?

— Ну, Зураба посадили. А Бехман... не хочу о нем говорить. Ладно. Только потом не упрекай меня этим и пусть это останется между нами.

— Конечно.

— Сначала все было хорошо. Мне казалось, что я вышла бы за него, если б он предложил. Только в их задрипанный Иран я бы не поехала. Говорил, что возьмет меня в Англию. А потом пропал. Два месяца не звонил. Я не знала, что думать. И вдруг позвонил, как ни в чем не бывало и говорит: «Давай встретимся». Я говорю: «Где ты был?» А он: «Ты не одна в Москве такая красивая». Козел.

«Какая дура» — подумал Зудин.

— Четыре месяца у меня никого не было. Чего ты молчишь? Все-таки осуждаешь?

— Ну что ты, у каждого есть прошлое. Ты сказала, что контролируешь развитие отношений. На счет меня у тебя тоже есть план?

— Нет, — она потеплела. — Нет у меня никакого плана. Мне с тобой хорошо, очень хорошо. Ты лучше всех. Но, если ты скажешь, что завтра тебе надо уехать далеко-далеко, я не скажу, что готова поехать с тобой, — она поднялась, подошла и опустилась перед ним на пол. Она посмотрела ему в глаза и провела рукой по его волосам. — Просто, когда ты уйдешь, я буду ждать тебя. Очень-очень!

Он встал с постели осторожно, чтобы не разбудить ее. Она спала, укутавшись в одеяло, как маленькая девочка, оставив только личико. Он смотрел на ее прекрасное лицо, но почему-то ему было горько. Он пододвинул к кровати стул и поставил на него стакан с соком. Потом тихо оделся и тихо вышел, прикрыв за собой дверь так, чтобы не щелкнул замок.

Он приехал домой и выпил коньяку. Ольга и Настя вступили в непримиримый бой в его сознании. Сладкое безумие, в котором он провел с Настей воскресенье, не дало ему ни разу вспомнить об Ольге. Но теперь его мысли снова вернулись к ней.

Он позвонил Насте в понедельник вечером. Когда она взяла телефон, он почувствовал в ее голосе тревогу.

— Выспалась? Ну, как дела, Ромашка? — голос у него был теплый, приветливый.

— Почему ты ушел, не простившись?

- Мне было пора, но я не хотел тебя будить.
- У нас все... нормально?
- Конечно, Ромашка!

Ясный апрельский вечер опустился на Москву. Синева текла с неба, ложилась в переулках, обвившись хвостом, и прямоугольные огни окон ничего не могли с ней поделаться. Зудин и Ольга ехали в Рейндж Ровере по вечерней Москве.

Ольга была в светлом плаще и строгом деловом костюме, который делал ее старше, но очень шел ей. Зудин попросил ее найти в своем гардеробе что-нибудь посолиднее, чем джинсы. Она надела туфли на каблуке, строгий темно-серый костюм и собрала волосы в тугий клубок на затылке. В машине ей стало жарко, она расстегнула плащ. Ремень безопасности, стянувший ее грудь, был как ремень автомата, так грозно она выглядела. В ушах блестели небольшие, но очень заметные золотые сережки.

— Ты так и не сказал, куда мы едем, — сказала она.

Он двинул бровью.

— Есть предложение провести этот вечер так, чтобы он запомнился.

Она посмотрела на него. Ее круглые колени, стреноженные узкой юбкой, плавно покачивались. Казалось, только юбка не дает им разъехаться в стороны. На подлокотнике лежала ее красивая немного бледная рука, без колец и браслетов, чистая, не ведавшая прикосновений к мужчине, с покрытыми прозрачным лаком ногтями с белой полоской по краю. Как сильно отличалась от нее рука Ромашки, тоже красивая, но уже все знающая и требовательная. Теперь ее смуглость казалась чем-то, что требовалось отмыть.

Они приехали в Москва-Сити.

— Мы пойдем в ресторан? — спросила Ольга.

— В самый романтичный ресторан в Москве, — улыбнулся он.

Вокруг, к удивлению, было очень мало людей. За прямоугольными спинами бетонно-стеклянных колоссов, пряталась стройка. Со всех сторон на них смотрели черные сверкающие окна. Он предложил ей руку. По асфальту застучали их каблуки, и стук их, резкий и четкий, рикошетил от черного стекла. Ольге не понравились эти гигантские подпирающие небо здания.

Он помог ей раздеться и отдал в гардероб плащ. Ольга была напряжена, костюм сковывал ее. Темно-серая ткань в узкую полоску облекла ее тело как доспех, грудь стянул жилет, бедра — юбка. Только шея чувствовала свободу в шелковой молочно-белой сорочке. Пуговицы на костюме смотрелись как выкованные, и от этого он казался еще более стильным, пришедшим из того времени, когда носили одежду, которая обязывает.

Он взял ее руку. Она положила другую на черный ремень сумочки, которая висела у нее на плече.

— Пойдем, — сказал он.

Лифт плавно рванул вверх. Она сжала его руку, он встретился с ней глазами и почувствовал, как падает в их черную бездну.

Их проводили в бледно-голубой зал с огромным во всю стену окном, где стоял всего один стол и два кресла. Потолок был очень высоким. Они сели за стол. Он попросил потушить свет и зажечь свечи. Безмолвный человек в белой сорочке с черной бабочкой

нажал выключатель, свет потух и все вокруг сделалось синим, с золотыми и серебряными бликами на посуде, на стеклах и оправе ее очков. Новая Москва, пылая огнями, смотрела в безбрежное как небесный купол окно. Красивая рука в белой манжете чиркнула спичкой и поводила в темноте, оставляя на свечах по светящемуся лепестку. Ольга следила за этим действием, пламя отражалось в ее глазах.

— Что будешь есть? — спросил Зудин.

— Не знаю. Я не очень голодна. Что-нибудь не жирное, и побольше овощей.

Он подозвал официанта и сделал заказ. Когда они остались вдвоем, Зудин молчал, смотрел на нее, переводил взгляд на стол, на окно. Он был в черной рубашке и черных брюках. В этой одежде в окутавшем их полумраке он выглядел как портрет себя самого, выполненный в старинной манере: бледное пятно красивого задумчивого лица, выступившее из сине-коричневой тьмы, пробитой кое-где золотистыми бликами.

Он положил руку на стол и на круглом корпусе его Картье заиграли огоньки. Непокорная прядь упала на бровь. Ольга изо всей силы старалась не показать, что впечатлена его мужской красотой. На столе появились закуски, та же рука в манжете наполнила ее бокал, потом, обойдя стол, его. Она взяла бокал, посмотрела на свечу через темно-красную жидкость.

— За этот вечер, — сказала она.

Он кивнул и, вытянув над столом руку, чокнулся с ней. Они сделали по глотку и поставили бокалы. Его молчание начинало ее бесить. Она что-нибудь бы уже сказала, если б не это тянущееся удовольствие от сидения за столом со свечами в затопившем все мраке, рядом с этим задумчивым красивым мужчиной. Она посмотрела в окно, на надвигающееся на них небо, и ей показалось, что она летит. Ощущение удовольствия было таким полным, что она откинулась назад и улыбнулась.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он, при этом сам улыбнулся.

— Хорошее вино, — сказала она, пожав плечами.

— Другого здесь не держат, — он жестом предложил ей приступить к еде; подвинул к себе тарелку и стал есть.

Она целую минуту смотрела, как он ест. Он нанизывал на вилку кусочки мяса, овощи, отправлял в рот и жевал, не спеша, методично двигая челюстью.

— Ты такой загадочный, — сказала она.

Он глянул на нее и кивнул, то ли согласившись, то ли дав понять, что слушает.

— Ты не последний в этой жизни человек, умный, интересный, умеешь ухаживать. А сейчас просто сидишь и ешь как обыкновенный мужик.

— К чему церемонии? Если хочешь есть, то надо есть, а не ковыряться ножом и вилкой в траве и слизняках. Присоединяйся, а то скоро горячее принесут.

Она взяла вилку. Они ели и смотрели друг на друга, и внимательно молчали. Он доел салат, вытер губы и бросил скомканную салфетку в тарелку.

— Как тебе здесь? — спросил он.

— Нравится.

— Я хотел, чтобы тебе понравилось. Мы будем одни, никто не посягнет на наше уединение, на наш кусочек вечернего неба.

Его баритон зазвучал ниже, мягким перебором перешел на басовые струны.

— А официант?

— Он не войдет, пока его не позовут, — он ударил пальцем по кнопке звонка на краю

стола.

бесшумно открылась, и в черном проеме появился треугольник белой сорочки.

— Включите, пожалуйста, музыку, только не громко, — сказал Зудин.

Человек подошел к музыкальному центру, включил музыку и вышел.

— Что это за картины? Кто художник? — спросила она.

— Не знаю, по-моему, репродукции русских авангардистов.

— Трудно понять, что на них нарисовано.

— Их необязательно понимать, они просто деталь интерьера. Так же и музыка, она фон, создает настроение.

— Вообще, я не слушаю такую музыку, но сейчас она мне нравится. Кто это играет?

— Не знаю. Неважно. Главное, чтобы тебе нравилось. Хочешь, включим другую?

— Не нужно.

— Какую ты слушаешь? — он хотел встать.

— Не надо, пусть останется эта.

— Хорошо. Ну, а все-таки, какую музыку ты любишь?

— Для меня музыка не очень важна. Хотя, конечно, есть предпочтения. Я люблю АББУ, баллады, просто песни с красивыми мелодиями.

Она сидела, напряженно откинувшись к спинке кресла, и положив ногу на ногу. Он полюбовался линией ее бедра. Ее сильные бедра были тесно сжаты, словно стеснялись своей открытости.

Он взял бокал и протянул над столом, чтобы чокнуться, тяжелое вино качнулось в стекле. Она поставила ногу на пол и потянулась к своему бокалу. Ее бедра немного раздвинулись, и Зудин почувствовал теплую волну желания. Втиснуться бы между креслом и этой мясистой красотой, почувствовать ее тяжесть.

— За тебя, — сказал он.

— Спасибо.

Они выпили, он — до дна, она — глоток, и он снова уставился на нее. Она сдвинула колени, словно прочитала его мысли, и склонила голову набок.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он.

Он встал и протянул ей руку. Она дала ему свою, и поднялась, следуя за его сильной рукой. Он подвел ее к окну. Оно было таким огромным, словно его вовсе не было, а они стояли на краю бездны. Тяжелые как асфальт облака тянулись по угасающему небосклону, уходили за темный горизонт, туда, где тоска и одиночество властвовали над землей. А внизу лежал мерцающий город, как легшая у ног большая собака со слезящимися глазами; изнуренный, продырявленный мириадами огней, словно неприятельскими штыками.

— Красиво?

— Да, — кивнула она.

Она улыбалась. Она еще не видела таким свой город. Она привыкла видеть его с тротуаров, смотреть на дома снизу вверх. А тут он всплыл перед ней словно кит, живой и огромный, казалось, сейчас он вздохнет, тяжело, как больной. Зудин смотрел на ее лицо, устремленное в окно, на обнаженную шею, как у Нефертити.

— Все эти огни, которые ты сейчас видишь, отражаются в твоих глазах.

— Все? Не может быть!

— У тебя такие глаза, в них еще больше поместится.

Она посмотрела на него, переключилась с увиденного, и отдала ему все внимание. Он

почувствовал, что ей хочется, чтобы он коснулся ее, но она стесняется приблизиться к нему телом. Он бы сгрел ее в охапку, задушил поцелуем и лапал бы всю своими ручищами. Но с ней надо было не так. Он встал сзади, взял ее за плечи и прижался губами к свернутым в клубок волосам. Какой чудный аромат исходил от ее волос, ее природный запах пробивался сквозь искусственные запахи косметики, и как же он ему нравился. Он закрыл глаза.

Они стояли так с минуту. Потом отпустили друг друга. Он подошел к столику и наполнил бокалы.

— Я хочу поднять этот бокал за твои глаза, — он протянул ей бокал.

Он был на расстоянии вытянутой руки. Она видела его так явно, как только что город в окне, видела, как сверкнуло в его бокале пламя свечи, темно-красная жидкость опрокинулась и исчезла в его открытых губах. Из-под подбородка выглянул крепкий кадык. Она почувствовала в себе желание, которого еще не знала, ей хотелось сделать что-то такое, что раньше ей показалось бы постыдным, даже унижительным. Хотелось быть покорной и дотянуться губами до этого кадыка, целовать его выбритое лицо, большие влажные губы. Она встретила его взгляд и медленно, не отводя глаз, выпила вино.

Он взял ее руку, и ей показалось, что он как врач сразу почувствовал, как колотится ее сердце. Он подвел ее к столику, и они сели. Он тут же наполнил бокалы.

Появился официант, бесшумной тенью возник возле стола. Рука в белой манжете поставила на стол блюда. Пустая бутылка исчезла и появилась полная.

— Вот, наконец-то я могу позволить себе тупо набить живот, — сказала она, когда официант ушел.

— Иногда можно. Я рад, что тебе нравится здесь, что тебе хорошо. Когда вкусно поешь, будет еще лучше. Давай воздадим должное этим блюдам, только сначала выпьем. К мясу всегда идет красное вино. — Они сделали по глотку и поставили бокалы. — Мм... ты чувствуешь, какой аромат?

Она вытянула шею и понюхала.

— Признайся, что ужасно голодна, — он уже взял вилку и нож и придвинул к себе блюдо.

— Не скажу, что ужасно, но буду есть с удовольствием, — сказала она.

Они ели, почти не разговаривая. Отодвинув пустую тарелку, он сказал:

— Оль, я хочу знать о тебе больше. Расскажи о себе.

Она держала на вилке кусок мяса.

— Что рассказать?

— Что считаешь нужным. Какие у тебя интересы, чего хочешь от жизни.

Она задумалась, перевела взгляд в окно.

— У меня много интересов, хочу больше узнать об искусстве, читать знаменитых писателей, ходить в театр, разбираться в нем, смотреть хорошие фильмы, научиться танцевать. Хочу больше знать о собаках, чтобы заниматься с Чарли, возить его на выставки. Но сейчас главное — учеба, — она перевела взгляд на Зудина. — Ты можешь подумать, что я книжный червь, но мне на самом деле нравится учиться.

— Как может это нравиться? — усмехнулся он, скривив губы.

— А мне нравится, — повторила она настойчиво. — Ты сказал это с таким лицом, словно сам был двоечником.

— Двоечником я не был, вообще учеба давалась мне легко, но я не видел в ней особого смысла. Так, научиться читать, писать, считать. Если голова работает, больше ничего не

нужно.

— Как ты можешь так говорить! Ты же закончил институт!

— Мать настояла. Институт дал мне массу ненужных знаний, в моем бизнесе они мне никак не помогли.

— Ты хочешь сказать, что можно не знать, кто открыл Америку, если ты преуспел в жизни?

— Я сказал, что если у тебя голова соображает, тебе необязательно зубрить для этого учебники. Я знаю, кто открыл Америку, как знаю, кто такие Рюрик, Гомер, Коперник, Карл Маркс и еще кучу им подобных. Эти знания можно получить отовсюду.

— Ты считаешь себя достаточно эрудированным человеком?

— Да. Можешь протестировать меня.

Он положил ногу на ногу. Ей захотелось сбить с него спесь.

— Кто такой Карбюзье? — произнесла она, четко выговаривая слова, как учительница ученику.

— Какой-то там архитектор. Это все, что я о нем знаю.

Она удивилась и обрадовалась.

— Можно теперь мне задать вопрос? — спросил он, не меняя позы.

— Да.

— Какая столица в Австралии?

— Сид... нет, Мельбурн! — она смотрела в его улыбающиеся глаза. — Нет, нет, там столица такая же, как в Бразилии и Канаде, какой-то небольшой город... Канберра! Да, Канберра!

Ей стало неловко. Она чувствовала себя зарвавшейся девчонкой, а он был всезнающим профессором. Обидней всего было проиграть после того, как он свысока отнесся к академическим знаниям. Пусть она ответила, но неуверенно и на вопрос, который был гораздо легче, чем ее. Зато каким умным казался теперь он.

— Ничего страшного, — сказал он мягко. — Ты справилась. Мы любим посмеяться над тупостью американцев, хотя половина из нас не может правильно расположить полосы на флаге своей страны. Так что, у тебя блестящие знания.

Она чувствовала, что он успокаивает ее, но он не посмеялся над ней, как сделал бы ограниченный человек. Он имел шокирующие ее взгляды, но при этом выглядел очень образованным, имеющим хорошие манеры человеком, оставаясь при этом легким в общении и без капли высокомерия.

— Давай продолжим, — он переменил позу. — Ты сказала о своих интересах так, словно перенесла их на будущее, оставив на сегодняшний день только учебу. Почему?

— Потому что учеба занимает все мое время.

— Надо отдыхать. Если будешь перегружаться, в конце концов, учеба перестанет доставлять тебе удовольствие. Можно посвящать чему-нибудь немного времени. В качестве отдыха.

— Чему?

— Тому, что тебе нравится. Если сейчас ты посвящаешь себя учебе, логично было бы сделать отдых активным. По-моему, ты сказала, что хотела бы научиться танцевать. Прекрасное занятие в перерывах между учебой.

— Нет, это серьезное занятие, требующее времени и максимальной отдачи.

— Но тебе же не надо выступать на сцене. Ты же хочешь научиться танцевать для себя?

Для этого достаточно заниматься пару часов в неделю.

— За пару часов ничему не научишься.

— Нет, научишься. Давай, я тебе покажу.

— Что покажешь?

— Что это не так уж сложно. Танец сродни половому акту. Важно не столько уметь, сколько почувствовать и все получится.

— Сейчас?

— Да.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — он поднялся.

— Может быть, потом? — она сдвинула колени и поджала ноги.

Он уже не слушал ее, видимо, считая вопрос решенным. Он подошел к музыкальному центру и стал включать и выключать его, подбирая подходящую мелодию. Она следила за ним, разозленная и растерянная от того, что ее «нет» отскакивало от него, как горох от стенки. Мелодии ей жутко не нравились. Непонятные, старомодные звуки, похожие на гармошку.

— Подойди ко мне.

Он сказал это, не обернувшись. Она подумала, что неправильно его поняла.

— Оля, подойди ко мне, пожалуйста, — повторил он.

Было безумно трудно сопротивляться его голосу. Вернее — себе, потому что хотелось подчиниться.

— Я не намерена сейчас танцевать, — сказала она, сделав над собой усилие.

— Что?

— Я не буду сейчас танцевать, — повторила она.

Он повернулся, взял ее глазами, словно рукой.

— Пожалуйста.

Она не отвечала и не двигалась. Он подождал несколько секунд и направился к ней, не отпуская ее глазами. Он стал перед ней и, устремив на нее голубой взгляд, негромко сказал:

— Прощу тебя, — и предложил руку.

Он словно высасывал из нее своими голубыми глазами способность к сопротивлению. Она медленно, словно загипнотизированная, положила в его руку свою и поднялась. Он провел ее вокруг стола на свободное место и стал перед ней. Он показался ей очень большим, нависшим сверху, как утес. Брюки плотно без складок облегли его бедра, черная рубашка была готова порваться на широкой груди. Он расстегнул ворот еще на одну пуговицу и на два оборота закатал рукава.

Он смотрел на нее, чуть прищутив голубые глаза, которые горели каким-то жутким блеском. Она заволновалась, ее обычная уверенность оставила ее. Она не могла выдержать его взгляд.

Он оглядел ее, словно голую, шагнул к ней и, подняв руку, провел по ее затылку. Она почувствовала его прикосновение волосами как кожей, поняла, что хочет закрыть глаза и откинуться затылком в его ладонь.

— Твоя шея прекрасна, — сказал он ровным спокойным голосом.

Она выпрямилась, как балерина. Ее красивая голова застыла в требовательном ожидании. Он поднял руку с раскрытой ладонью.

— Дай руку. Другой рукой обними меня. Выше. Потянись ко мне грудью, — ее висок

почти касался его щеки. — Перенеси вес на переднюю часть стопы.

Она захотела довериться ему, и через доверие — подчиниться. Она узнала мелодию.

— Это же танго! Я не умею...

— Молчи. Только делай, как я говорю. Соберись и будь внимательной. Так. Не стой сразу на обеих ногах... Следи за мной. Я обозначаю движение, ты делаешь шаг.

Стало интересно. Он двинулся вперед левым плечом, она шагнула назад правой ногой.

— Стой... — он оглядел ее, как будто только теперь увидел, как она одета. — Танго женщина должна танцевать в чем-то наподобие комбинации. В этом костюме ты как в латах.

Он приблизился к ней всем корпусом, взял ее. Она выпрямилась. Он качнул ее, сделал шаг, другой. Она последовала за ним. Лицо ее пылало. Ей было жарко, на лбу выступила испарина.

— Подбородок!

Она подняла голову. Он шагнул в сторону, она угадала. Они смотрели друг другу в глаза.

— Спину! Прогнись, дотронься до меня...! Нет. Дистанция! Чуть-чуть — грудью... Дотянуться не получится, но ты должна попытаться... Так... Теперь поворот. Шаг и поворот. Так...

Движение вперед, вперед, назад, шаг в сторону и вперед, вперед, в другую сторону, отклониться друг от друга и снова сблизиться.

— А теперь — корпус со мной, а бедра разворачиваются... так... в другую сторону... Молодец.

Она наступила ему на ногу.

— Ой!

— Забудь... Отпусти бедра. Корпус остается со мной, а бедра свободны, дай им продолжить мое движение... Так... Не угадывай, чувствуй меня и следуй за мной... Повинуйся. Просто повинуйся.

Внезапно он двинулся на нее всем корпусом. Она повалилась назад, но его рука удержала ее.

— Прогнись!

Она поняла, что должна запрокинуть голову. Плавным движением он вернул ее в стойку. Снова пошли покачивания. Она почувствовала его. Движением вниз он заставил ее присесть.

— Прямую ногу в сторону!

Юбка не позволяла расставить ноги. Он взял ее за нижний край и приподнял, она вытянула в сторону напряженную ногу. Он поднял ее. Привлек к себе. Оттолкнул. Привлек. Оттолкнул. Заставил качать бедрами. Дернул на себя.

— Бедро на меня!

— Как это?

— Ты никогда на мужчину не запрыгивала?

Она сконфуженно покрутила головой, совсем как маленькая девочка, но поняла, что нужно делать. Она сама задрала юбку и закинула на него правую ногу. Он положил ладонь ей на бедро, провел вверх и сжал ягодицу. Отпустил. Потянул вниз, заставив присесть. Ее голова оказалась рядом с пряжкой его брючного ремня. Повернул лицом к себе. И снова поднял. И дотронулся губами до ее горячих губ. Ее словно окатило волной.

И она утонула. Но он поднял ее, опрокинул навзничь и взял под коленом. Его лицо двигалось вдоль ее тела от живота до груди. И вновь рывком поднял вверх. Подхватил на

руки и завертел вихрем. Когда он поставил ее на пол, она пылала от волнения, от своей смелости, и от того, что все получилось.

Когда он привез ее домой, и они остановились возле двери, она сама прильнула к нему. Он опешил. Она поцеловала его в губы, положив руки ему на грудь и прижавшись к нему. Поцеловала не в засос, но чувственно, вкусными, мечтающими о смелых поцелуях губами. Посмотрела в глаза и, не успев обнять ее, как оттолкнулась от него и скрылась за дверью.

Зудин пригласил Настю пойти с ним на день рождения к его однокласснику Игорю Гроссману. Была пятница. Она надела короткое облегающее платье насыщенного малинового цвета, скорее даже красного с оттенком малинового.

— Ну как? — она поправила волосы и покрутилась перед ним, показывая себя со всех сторон. — Мой любимый цвет.

— По-моему великолепно.

Она была ослепительна. Красные бретельки мягко облекали ее молодые плечи поверх бретелек лифчика. Она смотрела на него, словно с обложки журнала, словно картина в пшеничной раме, пышные локоны золотистой стружкой закрывали ее румяное лицо. Она накинула пеструю вязаную кофту и надела белые кеды.

Когда они приехали и вошли в лифт, она сказала:

— Я почему-то волнуюсь. Скажи мне, что все будет хорошо.

— Ромашка, все будет хорошо. Это обычный день рождения.

Дверь открыла девушка — невысокая шатенка с красивым славянским лицом. На ней было короткое черное платье.

— Здравствуйте! Проходите.

Зудин отметил, что она посмотрела на Настю как-то странно. Обычно, женщинам приходится делать усилие, чтобы скрыть раздражение, когда они видят женщину, которой явно проигрывают. А эта девушка, только встретилась с Настей глазами, сразу прошлась взглядом по ее фигуре. На ее лице было восхищение. На Зудина она взглянула мельком.

Появился молодой невысокий мужчина в пиджаке, водолазке и джинсах.

— Вот виновник торжества! — сказал Зудин. — Познакомься Ромашка, это Игорь.

— Как? Ромашка?

— Да.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— Это имя?

— Да. Я окрестил ее.

— В таком случае, прекрасно. А это Яна.

— Яна превосходно справляется с обязанностями хозяйки.

— Ты с Ромашкой — так и называть? — пройдешь, поздороваешься с гостями, а потом мы с тобой выпьем. Надеюсь, ты не за рулем?

— На твой день рождения я всегда прихожу пешком, — улыбнулся Зудин.

У Игоря была совершенно заурядная внешность, он был неказист и с брюшком. Он старался держаться серьезно, сдержанно, но было заметно, что это напускное. Глаза у него были добрые и немного грустные.

Он жил в роскошной трехкомнатной квартире в сталинском доме на Ленинградском проспекте. Зудин взял Настю за руку и повел по комнатам. Он улыбался, мужчинам крепко пожимал руки, тех, кого знал, похлопывал по плечу, делая вид, что рад встрече. Женщин

встречал восхищенным взглядом и говорил какой-нибудь комплимент. Все также отвечали любезностью, а на Настю смотрели, не скрывая восторга.

Народу было человек двадцать. Обойдя всех, они стали возле окна, и Зудин вкратце рассказал про тех, кого знал.

— Этот Игорь Гроссман — мой одноклассник. Писатель. Не читал, что он пишет, но слышал, что дерьмо. Любит разыгрывать непризнанного гения. Хочет, чтобы все считали его интеллектуальной элитой. Хотя на самом деле хороший парень. Мы видимся только на его день рождения — раз в году. На свой я его не зову уж лет десять, а он мне каждый год регулярно шлет приглашение.

— Почему ты его не приглашаешь?

— Потому что просто не интересуюсь им. Он хороший, добрый, ко мне со всей душой, но мне он скучен. И скучна компания снобов, которую он собирает. — Зудин повернулся к ней и, взяв ее за руку, продолжал, вдыхая аромат ее пшеничных волос. — Толстый лысый господин с высокой брюнеткой — Олег и Инга, — он не последний человек в Газпроме. Игорь говорит, что она колдунья. Он таскает ее везде, чтобы она приносила удачу.

— Мне показалось, они не женаты.

— Ты права. Маленький весельчак со вздернутым носом — управляющий подпольного казино. Тот, у которого волосы хвостом — Михаил, с серьезной дамой — тоже наш одноклассник, держит компьютерный магазин. Хороший парень.

— Они женаты.

— Да. Ты только на это обращаешь внимание?

— Для девушки это интересно.

— Виталик, вертлявый такой, с гладким как у бабы лицом, не знаю, кто он по жизни, но похож на педика. Темноволосый мужик с бородкой испанкой, с худенькой брюнеткой, Артур — издатель Игоря.

— Они тоже женаты.

— Может быть. Все. Остальных я не знаю. Вообще, терпеть не могу такие мероприятия. Надо улыбаться, выслушивать идиотские комплименты, принимать участие в бессмысленных разговорах и притворяться, что рад видеть их мерзкие рожи.

— Тогда зачем мы приехали?

— Думал, тебя это развлечет.

— Яну ты тоже видишь первый раз?

— Да. Игорь не женат, каждый день рождения отмечает с новой подружкой.

Пригласили за стол. Гостей обслуживали два нанятых официанта в форменных рубашках. Начались тосты, поздравления, подарки. Зудин и Настя сидели между Михаилом и незнакомым мужиком со сломанным носом. К счастью, он оказался не очень разговорчивым, все его внимание было направлено на спиртное.

Игорь и Яна сидели за Михаилом и его женой. Яна установила над Настей опеку предлагала ей блюда, напоминала Зудину, чтобы он наполнял ее бокал, просто улыбалась ей. Ее забота была приятной.

Под каждый тост Игорю вручали подарок. Он поднимался, притворялся смущенным, хотя на самом деле плавился от удовольствия, благодарил и делал кивок туловищем, словно хотел поклониться. Олег и Инга подарили ему ручку Эрих Краузе с золотым пером. Олег пожелал, чтобы он написал этой ручкой что-то великое.

— Русского Гари Потера! — сказала Инга.

Зудин еле сдержался.

— Единственное, что гениально, — прошептал он, повернувшись к Насте.

Она округлила свои прекрасные глаза, стараясь понять, что он имел в виду. Зудин почувствовал, что немного переоценил ее уровень, и вспомнил Ольгу.

Пришел черед им произносить тост и вручать подарок. Подвыпивший Гроссман поощрял к выступлению дружеской благосклонностью во взгляде. Зудину хотелось по старой школьной привычке отвесить ему леца, но вместо этого он поднялся и, держа в руках завернутый в блестящую обертку подарок, сказал:

— Помнишь, Игорек, как ты с визгом улепетывал от меня на переменах, спасаясь от пинков?

Гроссман растерялся от такого начала, но продолжал улыбаться.

— Если б я мог тогда знать, каким человеком ты станешь лет так всего через пятнадцать, как много ты добьешься, — продолжал Зудин, обводя взглядом притихших гостей, — клянусь, я бы старался заслужить твою дружбу другим способом. И сейчас я хочу излить на тебя целое ведро благодарности за то, что, несмотря на свой звездный статус, ты не помнишь зла, и каждый год приглашаешь меня на день рождения. Поверь, я это очень ценю. Желаю тебе здоровья, счастья и новых творческих успехов, — он чокнулся с ним и потянулся рюмкой к другим гостям.

У всех отлегло, все загалдели, девушки захлопали в ладоши. Зудин выпил, вылез из-за стола и подошел к Гроссману.

— Надеюсь, мой скромный подарок поможет тебе вернуться в то время, когда радостей у нас было куда больше, чем горестей.

Озадаченный Гроссман поднялся и двумя руками взял сверток, напоминавший по форме коробку конфет. Он повертел ее, помял пальцами, стараясь на ощупь определить, что там такое.

— Разверни, — сказал Зудин.

Гроссман неуклюже пытался поддеть обертку в местах изгибов. Зудин помог ему и надорвал край. Гроссман взглянул на него, словно чтобы получить одобрение, и развернул оберточную бумагу. Он вытащил из нее большущий том в тесненном переплете. Он раскрыл его и увидел, что это альбом с их детскими фотографиями, увеличенными и обработанными. Он перевернул несколько листов.

— Спасибо Рома, — пробормотал он и захлопал глазами.

Он был удивлен и растроган. Они обнялись, Зудин сгреб его, похлопал по спине. Все были под впечатлением.

— Ты молодец! — сказала Настя, когда он вернулся на свое место. Она была в восторге. — Остальные подарки просто на отвяжись.

Михаил и Гроссман листали альбом. Яна сидела рядом, положив руку на плечо Гроссману, смотрела то в альбом, то на Настю.

Народ пошел курить.

— Ты куришь? — спросила Яна Настю.

— Вообще нет, но сейчас я хотела бы выкурить сигаретку.

— Не люблю, когда от девушки прет табаком, — сказал Зудин.

— Пожалуйста! Один разок.

— Рома, дай девчонке похулиганить! — сказала Яна.

Зудин скривил физиономию, показав, что ему это не нравится.

— Ромашка, он разрешает. Пошли!

Настя смотрела то на него, то на Яну.

В комнате появился Олег. Он подошел сзади к Насте и мягко взял ее за плечи.

— Очаровательная Ромашка, вы позволите ненадолго похитить вашего мужчину?

Она обернулась, взметнув бровь.

— У нас к нему дельце.

— Ну, если ненадолго, — когда его руки отпустили ее, она повела плечами.

На кухне его ждал Артур — издатель Гроссмана. Он поцеловал свою худенькую темноволосую жену в лоб и, взяв за плечи, развернул ее.

— Возвращайся за стол, дорогая, нам надо поговорить.

Она ушла, оставив целое облако тяжелых сладковатых духов.

— Роман, Олег поведал мне по большому секрету, что ты занимаешься вентиляцией? — спросил Артур, доставая новую сигарету.

— Да. Почему по секрету?

— Это к слову. Дело вот в чем. У нас кроме издательского дела есть еще несколько перспективных направлений для бизнеса. В том числе недвижимость. Мы купили производственный корпус на заводе, от которого остались только площади и название, хотим сделать ремонт и — под офисы, склады и тому подобное. Делать ремонт, соответственно — новую вентиляцию. А фирма, с которой мы заключили договор...

— Какая?

— Климат-Термо. Знаешь такую?

— Естественно.

— Уже четыре допсоглашения подписали. Каждый раз выясняется, что необходимы дополнительные работы. То перекрытия надо разбирать, то часть оборудования на улицу вывести, и т. д.

— Климат-Термо — неудивительно.

— Твоя фирма может провести техническую экспертизу?..

Оставшись одна, Настя не чувствовала себя лишенной внимания. Она ощущала на себе взгляд Яны. Ее интерес интриговал и настораживал. Яна поднялась, и, шурша колготками, подошла к ней. Настя почувствовала совсем рядом ее лицо.

— Мужчины свиньи, — сказала Яна. — Лучше быть грубым, чем оставить девушку в одиночестве, — от нее веяло духами и ароматом винных паров.

Настю и отталкивала и притягивала эта гремучая смесь запахов, даже нравилась. Она убрала назад закрывавшие от нее Яну волосы, и увидела ее пухлые губы. Гроссман и Михаил, занятые альбомом, не расслышали ее слов.

Глаза девушек встретились. Настю тронул ее взгляд, он был очень нежным.

— Не хочешь курить, пойдем, покажу наш аквариум. Тебе нравятся рыбки? — спросила Яна.

— Пойдем, — Настя согласилась на предложение, хотя рыбки ее не очень интересовали.

Они перешли в маленькую комнату, которая была спальней. Яна шла впереди, Настя нашла ее фигуру довольно хорошенькой. У нее была очень сексуальная походка, ее бедра как бы перекатывались друг по другу при каждом шаге, выталкивая вверх ягодицы. Шорох колготок заманчиво раздражал.

Широкая кровать была не убрана. В углу на тумбочке стоял небольшой аквариум с мутной водой, лампочка не горела, и рыбок было не видно.

— Где рыбки? — Настя наклонилась, стараясь найти их в темной воде.

— Сожрали друг друга... Тебе не противно?

— Что?

— Такое отношение?

— А что такого? Он же не на час ушел.

— Я не выношу, когда мне не уделяют внимания. Меня это бесит. — Яна открыла окно, уселась на широкий подоконник и закурила.

— Да что такого? Посмотрят альбом. Если бы мне сделали такой подарок, я бы целый час его рассматривала.

— Расчувствовались до слез, как два старых пердуна, — Яна сердито затаилась.

Она смотрела на Настю, прерываясь на глубокие затайки. Настю пугал этот взгляд.

— Почему ты все время на меня смотришь? — спросила она.

Взгляд Яны стал еще мягче. Она склонила голову набок и улыбнулась.

— Потому что ты потрясающе красивая. Ты сама воплощенная красота. Иметь такую внешность и удивляться, почему на тебя смотрят — по-моему, это странно. Можно дать тебе рекомендацию? Просто совет.

— Какой?

— Зачем ты так ярко красишься? Ты и так бьешь по глазам. Разве ты не видишь, как на тебя реагируют мужчины? — она положила сигарету на край окна. — Подойди сюда. Такая боевая раскраска скорее вредит, чем помогает. Яркая косметика мешает видеть твою настоящую красоту.

Настя не решалась подойти, она чувствовала, что тем самым сделает уступку, словно Яна была не девушка, а мужчина.

— Подойди, — мягко сказала Яна, но в ее взгляде присутствовало требование.

Настя подошла. Яна слезла с подоконника и поднялась на носках. Они коснулись друг друга бедрами. Яна взяла ее лицо в ладони и стала поворачивать его, словно подставляла к свету. Ее теплые руки были поразительно нежны. Губы открылись и были совсем рядом. Насте казалось, что она может поднять руку и потрогать их, или поцеловать.

— Это же натуральный цвет волос?

— Да.

— Брови черные?

— Да...

— Потрясающе. Ты не барби, зачем тебе такая яркая тушь? И румяна тебе не нужны. Ты и так кровь с молоком. Замазывать такое штукатуркой — это преступление. А ну-ка стань вот так, — она взяла ее выше талии и несильным нажатием заставила переменить позу. В настойчивости ее рук было что-то умоляющее. — Подними подбородок. В жизни не видела такой красивой девчонки. — Она взяла с подоконника недокуренную сигарету.

— Спасибо, — пробормотала Настя. Она отметила, что прикосновения Яны были приятны.

— Не за что.

— Ты тоже хорошенькая. — Насте хотелось поблагодарить ее.

— Я хороша, но ты — просто блеск. Я люблюсь тобой. Кто оценит красоту женщины, как не другая женщина? Мужчина на это не способен. Он просто хочет. Чем девушка

красивее, тем он сильнее хочет. Но оценить красоту по достоинству он не в состоянии.

— Я так не думаю.

— Поверь мне. — Она по-мужски щелчком выбросила сигарету и закрыла окно. — Против твоего Романа я ничего не имею. Он крутой, это сразу видно. Ты давно его знаешь?

— Не очень, — Настя поджала губы.

— Милочка, не беспокойся, выйдешь ты за него! Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Когда тебе будет двадцать восемь, многое из того, что сейчас тебя пугает, ты просто не будешь замечать.

— Я еще не настолько хорошо его узнала, чтобы думать о замужестве.

— Но достаточно, чтобы не исключать его.

Лицо Насти порозовело. Яна засмеялась.

— Да не дуйся ты! Все мы бабы такие! — она схватила Настю за руку и усадила на кровать. — Сиди здесь, я сейчас! — она зашуршала колготками и через минуту вернулась с бутылкой вина и двумя бокалами. — Давай выпьем. — Она села рядом с Настей, налила бокалы и поставила бутылку на пол. — За нас!

Они сделали по глотку.

— Роман классный, но замуж не спеши. С такой внешностью ты олигарха найдешь. — Она взяла Настю за руку, мягко сжала ее. Насте показалось, что ее рука чуть заметно дрожит. — Ромашка — тебе очень идет. Это действительно он придумал?

— Да.

— Прикольно. Признайся, тебя немножко напрягает, что я смотрю на тебя?

— Не то, чтобы напрягает, просто твой взгляд мне кажется немного странным.

— Странным? — Яна улыбнулась. — Может, страстным?

— Может. Так смотрят мужчины.

— Тебя это пугает?

— Немного.

— Не бойся, я тебя не изнасилую, — она допила вино, отпустила ее руку и поставила бокал на пол.

Настя засмеялась.

— Но ты не на всех так смотришь.

— Я смотрю на тебя как женщина, которая восхищается твоей красотой... И как мужчина, который тебя хочет, — Яна оперлась на руку, словно хотела лечь, склонила на плечо голову.

Настю охватило какое-то новое волнение, незнакомое, теперь ей самой хотелось, чтобы Яна не сводила с нее глаз. Но в нем было и что-то пугающее.

— Я би, — сказала Яна, продолжая смотреть ей в глаза.

Настя напряглась.

— А как же Игорь? — спросила она.

— В отношениях с женщинами я свободна.

Насте показалось, что она подвинулась к ней.

— Я не би. Извини.

— Ты уверена?

— У меня есть парень и мне хорошо с ним.

— Девушки у тебя не было.

— Откуда ты знаешь?

— Женское сердце не обманешь. Ты не знаешь, насколько хорошо может быть.

Настя боялась, хотя не знала, чего именно.

— Можно же попробовать. Может, ты скажешь: «Я была права. Мне это не нужно». Но этот опыт поднимет тебя на новую высоту. Это не испортит тебя, не изменит, но раскроет и поможет понять, кто ты на самом деле. Может, это не прибавит тебе счастья, но и уж точно не убавит. Ты останешься при своем. Но, что самое важное, это сделает тебя свободной.

— Может, в этом и есть смысл, — Настя сказала это наугад, запутавшись в смешавшихся страхах и мыслях, зная, что должна сопротивляться незнакомому желанию.

Она почувствовала, как краска заливает ее лицо и опустила голову, спрятав смущение за упавшими на лицо локонами. Сквозь волосы она посмотрела на Яну, и увидела, как она молит ее глазами. Томная, почти осязаемая чувственность вылезла из ее тела, как грыжа.

Яна замолчала, уловив, что настал момент, когда любые слова неуместны, перешла на язык тела. Ее тело больше не желало сидеть, сложившись в угловатой позе с зажатými лжками, хотело сбросить стыд и вытянуться. Яна предлагала себя. Настя ужасно боялась, но вместо того, чтобы встать и уйти, тоже откинулась назад, оперевшись на локти, выставила грудь и покачивала бедрами, положив ногу на ногу. Она не знала, зачем это делает, просто поддалась какому-то новому наитию.

Яна вытянулась, как красивое животное, выпятила низ живота. Ее тело не пасовало перед прелестью Насти, предлагало себя, как бы говоря: «Смотри, я тоже хороша». Она положила руку на руку Насти, наполнила ее теплым электричеством, которое мелкими коликами защипало ее внизу. Настя отняла руку, испугавшись этого нежного тока, который ломал ее волю сильнее, чем напор Романа.

Яна двинулась к ней, потянулась губами к ее лицу, Настя хотела встать, но тут в гостиной кто-то громко захохотал, и это развеяло их волшебное полузабытье. Они целую минуту смотрели друг на друга, не в силах унять волнение.

— Интересно, как там наши мужчины? — сказала, наконец, Настя, и стала поправлять платье, как будто они сейчас измяли его.

— Небось, чешут языки. Им и без нас неплохо, — сказала Яна и неожиданно предложила, — Давай сбежим отсюда? Вдвоем!

— С ума сошла?

Яна снова двинулась к ней, не в силах сдержать себя, но на этот раз Настя поднялась и быстро вышла.

Когда Роман вернулся в гостиную, он увидел зажигательный танец в исполнении Яны. Девушка вошла в раж. Казалось, ей хочется оторваться. Она бесилась, как школьница, хохотала, искала глазами Настю, которая не знала, куда от нее деться. Яна устремлялась к ней, обнимала за талию и разок даже шлепнула по заднице. Настя переходила из угла в угол, гости были в недоумении.

Зудин увидел, как Яна танцевала вокруг Насти, а Настя стояла, сложив на груди руки, словно закрываясь от нее. Кто-то тронул его за плечо. Это был Михаил.

— Если ты собираешься стоять и любоваться на ее пляску, эта сука уведет твою девочку.

— О чем ты говоришь?

— Она чертова лесбиянка, не видишь, что ли?

Когда музыка прервалась, он взял Настю за локоть и отвел в сторону.

— Вы уже подруги?

— В смысле? — Настю развеселил его строгий тон.

— Такой зажигательный танец.

— Танцевала не я.

Яна взяла бокал с вином и встала у них за спиной.

— Ты ревнуешь? — улыбнулась Настя.

— Не то, чтобы ревную, но если б на ее месте был парень, он бы уже получил.

— Но она не парень.

Их глаза встретились.

— Поехали отсюда, — сказал он и почувствовал, как ее горячая рука сжала его холодные пальцы.

— Куда? — спросила она, хотя ее глаза говорили, что неважно.

— В Шондонг.

— Это что?

— Увидишь.

Вход в клуб сиял желтой подсветкой. На улицу, как из пещеры, доносились густые ритмичные звуки, от которых дрожали стеклянные двери. Прыгающие огни отражались в стеклах дорогих автомобилей.

— Я здесь не была, — сказала Настя.

Когда они проходили рамку, их встретили охранники парень и девушка. Они были в форме, напоминавшей форму американских полицейских. Уже в фойе музыка долбила так, что надо было кричать, чтобы тебя услышали.

— Добрый вечер!

Девушка подошла к Зудину, парень — к Насте. Здесь было так принято. Девушка присела, провела рукой по его бедрам до самого верха, поднялась, прошлась по поясу. Она стала очень близко, почти касаясь козырьком форменной бейсболки его подбородка.

Зудин видел, как парень присел перед Настей.

— Не надо, — сказала она и подняла край платья.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Круто, — сказала Настя, когда они прошли рамку. Ей нравилось такое начало.

Он повел ее плохо освещенным коридором, потом по лестнице. Они оказались в огромном зале, оформленном под пещеру. С высокого потолка свисали импровизированные сталактиты, на стенах были изображены первобытные люди, совокупающиеся в оргиях. Все сверкало огнями. В подвешенных под потолком клетках танцевали девушки, извиваясь блестящими русалочьими телами. Долбежка была такой, что нельзя было расслышать даже собственные мысли, можно было только ощущать.

Он влек ее в самую гущу, где гремела музыка, как первобытный там-там, и вспышки стробоскопов вырывали из тьмы изгибающиеся силуэты танцующих. Ультрафиолет мягким сиянием подсвечивал все белое: рубашки, блузки, улыбки. Зудин был в узких черных брюках и приталенной бордовой рубашке, расстегнутой на три пуговицы. Они прекрасно смотрелись вдвоем и притягивали к себе внимание. Парни отрывались от своих девушек и смотрели на Настю. Их глаза были похожи на влажные языки. Ей нравилось, что на нее так смотрят.

— Куда ты меня ведешь? — крикнула она.

— В бар!

Бармен почтительно кивнул Зудину. За стойкой яркие вспышки не резали по глазам. Они повернулись друг к другу и стали лизаться глазами.

— Что будешь пить? — спросил он.

— А ты?

— Не знаю, может виски!

— Я хочу Пина Коладу!

— Пина Коладу и апельсиновый сок!

Бармен взял бутылку рома, стал жонглировать ей, подбрасывал из-за плеча и ловил.

— Bravo! — она хлопнула в ладоши.

— За такой трюк — без сдачи! — Зудин положил деньги.

Бармен наполнил высокий бокал из нескольких бутылок, добавил взбитые сливки, лед, кусочек ананаса и вишню. Настя подвинула к себе бокал, потянула из трубочки.

— Я думал, ты предпочитаешь махито, — сказал Зудин.

— Надоело. Хочу чего-нибудь другого!

Они смотрели друг на друга и улыбались светящимися улыбками.

— Тебе идет эта рубашка! — прошептала она, дотронувшись губами до его уха.

— А тебе — это платье!

— Оно классное!

— Не дает покоя один вопрос!

— Ты о чем?

— Тот парень на входе, охранник, — он видел, какие у тебя сегодня трусы, а я еще нет.

— Ты меня и без трусов видел.

— Но вот так, чтобы такая красавица ни с того ни с сего показала...

— Он каждый день видит сотню женских трусов.

— Думаю, тебя он долго не забудет. Я видел его лицо.

— Ну, что мне сделать, хочешь, я задеру перед тобой платье прямо здесь? — ее глаза заблестели, он почувствовал, что она готова это сделать.

Она провела по бедрам и взяла край платья. Ее плечи двигались в такт музыке.

Сзади нее протиснулся молодой парень, она подалась вперед, чтобы пропустить его. Он вытянул шею, чтобы увидеть ее лицо и грудь. Зудин метнул в него свирепый взгляд и парень исчез.

— Хочешь потанцевать? — спросила она.

— Попозже.

— Я хочу сейчас!

Он пожал плечами.

— Тебе не нравится здесь?

— Почему же, этот клуб сейчас популярен!

— Здесь классно!

Он не сводил с нее глаз.

— Ты не сердись на меня из-за Яны?

— На что я должен сердиться?

— Из-за нее мы уехали от твоих друзей.

— Мне и самому уже хотелось свалить.

— Ты не против, если я допью и пойду потанцую?

— Конечно, нет!

Она залпом осушила бокал и поднялась, вся наполненная движением, как электричеством. Поцеловала его и пошла. Она хотела танцевать, как хотела бы секса, почти бежала, двигая бедрами, чтобы унять зуд. Он тут же пожалел, что отпустил ее одну. Кавказец с горбатым носом проводил ее выразительным взглядом. Она ушла в самую гущу, утонула в охваченной судорогами человеческой массе. Разноцветные вспышки фиксировали словно кадры обрывки движений. Зудин видел копну ее золотистых волос и как она рукой убирает волосы от лица.

Она танцевала. Волнистые локоны закрыли ее лицо. Платье сползло с бедер на талию и она, поводя бедрами, тянула его вниз. Судорожные руки и запрокинутые головы напоминали Стикс, в котором тонут грешники; над ними появлялись ее сверкающие волосы,

плечи, перехваченные бретельками платья, и затянутая в красное грудь. Она появлялась и исчезала в охваченной экстазом реке.

Зудин ощущал, как атмосфера безумия, царящая в клубе, опьяняет сильнее вина. Возле Насти появился парень, который пытался рассмотреть ее, когда она сидела за стойкой. Он вынырнул у нее из-за спины и, подпрыгивая вместе с ней, тянулся лицом к ее уху. Она повернулась, тряхнув волосами, и что-то сказала. Он пропал.

Музыка не прерывалась. Собственно, это вряд ли можно было назвать музыкой. Просто ритм, убивающий мысли, тяжелые беспрерывные удары по телу, оглушающий шум с отголосками умирающей мелодии. Иллюзия полноты жизни, ее яркости и красоты, на самом деле — агония. Музыку умертвит тишина, силы иссякнут и танец закончится. Эти тела не переплывут Стикс.

Танцующие девушки пили в танце наслаждение как тягучую влагу, парни мучались от желания, обвивали руками-змеями их талии, касались их влажной кожи, и головы девушек склонялись к плечу, — все пропиталось ядом, утонуло в нем как в смоле. Зудин следил за пшеничными волосами и красным платьем, и тожепил яд. Ее нельзя было оставлять одну.

Кто-то тронул его за плечо. Это была Яна.

— А ты откуда взялась?

— Примете в свою компанию?

Она стояла перед ним и пританцовывала. Она была совсем другой, он даже не сразу понял, что это она. Ее волосы были уложены на затылке. Она казалась намного выше, потому что была на каблуках. На ней было то же черное платье, но выглядела она совершенно иначе. Она стала решительной, как будто должна была сделать что-то важное, глаза горели, крутые бедра напряглись как пружины.

— Где Игорь? — спросил Зудин.

— Дома.

— Почему ты без него?

— Пусть лучше рассматривает твой альбом.

Появилась Настя.

— Ты? Как ты нашла нас? — лицо выдало, что она не рада ее появлению.

— Слышала, как Роман пригласил тебя в Шондонг.

— Ты была здесь?

— Конечно! Сейчас это самый модный клуб в Москве.

Она взяла Настю за талию и хотела притянуть к себе, но Настя осталась на месте, оказалась слишком тяжелой для нее. Настя смотрела на Зудина и улыбалась роскошной виноватой улыбкой. Волосы закрывали ее глаза, он видел только губы и ослепительный ряд зубов. Ее лицо было обращено к Зудину, а рука Яны мягко лежала на ее животе. Она не могла унять дыхание, Яна шагнула к ней и девушки коснулись друг друга грудью. Это касание было очень нежным, таким же, как прикосновение руки, лежащей на животе.

Она ждала, что он не отдаст ее этой маленькой фурии, протянет руку и заберет себе. Но он просто смотрел, улыбался и получал удовольствие, возбуждаясь на их неловкий эротизм. Ему нравилось ласковое упорство Яны, с которым она ухаживала за его Настей.

Горбоносый кавказец возник из толпы, остановился за девушками, облизал их маслянистыми глазами. Зудин взял Настю за руку и притянул к себе. Яна тоже придвинулась.

— Хочу махито! — прошептала Настя горячими губами.

— А ты? — спросил он Яну.

Она кивнула с улыбкой.

— Бармен, два махито и одну водку с лимоном!

Он сильнее прижал к себе Настю и почувствовал, что она дрожит. Она взяла бокал и сделала глоток. Зеленые пузырьки зашипели вокруг кусочков льда.

— Ромашка, ты звезда этого вечера! — сказал он.

— Я люблю танцевать!

— Что тебе сказал тот парень?

— Не обращай внимания, он совсем мальчишка!

— А все-таки?

— Что я лучше всех!

— А ты ему?

— Чтобы он отвалил! — она засмеялась.

Зудин чокнулся с девушками и залпом выпил. Настя допила махито и поставила бокал.

— Почему Игорь не поехал?

— Чего ему здесь делать? Накачиваться спиртным? С него и так хватит, — упоминание об Игоре нагоняло на Яну тоску.

— Потанцевал бы.

— Не смеши! Потряс бы пивным брюшком, ты хотел сказать?

— О, какая музыка, — Настя закатила глаза, — пошли танцевать!

Настя тянула его за руку, но он был пассивен как мешок.

— Пойдем! Он предпочитает киснуть за стойкой! — Яна перехватила ее руку и повела на танцпол.

Настя обернулась, позвала его глазами, надеясь, что он пойдет, но он остался на месте. Они ушли, пританцовывая, как застоявшиеся в стойле кобылы, возбужденные от свободы и задрав хвосты.

— Бармен! Еще водки и лимон!

Он опрокинул рюмку и раздавил зубами раздражающую рот кислоту. Когда он обернулся, он увидел, что возле девушек трется тот же сопливый мальчишка. Водка бросилась в голову, захотелось двигаться. Он пошел в толпу, не спуская глаз с девушек. Энергия танца капала с потолка на дергающиеся тела, подсвечивала их яркими вспышками.

Он шел, протискиваясь между горячими телами, втягивая их солоноватый запах. Прижимаясь, они оставляли на нем свою разгоряченную влагу. Девушки чувствовали его тестостерон, провожали его глазами. Он проходил через них, высокий, в расстегнутой на груди темно-красной рубашке, с твердым лицом, как терминатор. Они хотели его, он чувствовал, как под кожей у них зудит от желания, но его влекло к той, что была лучше всех.

Парень дергался рядом с ней, как будто их включили в одну розетку, что-то говорил, тычась носом ей в волосы. Она не обращала на него внимания. Зудин дернул его за руку.

— Отвали!

Парень огрызнулся взглядом и растворился в толпе, оставив поле за доминантным самцом. Яна подошла к Насте сзади, обхватила за талию и притянула к себе. Настя дернулась, пытаясь вырваться, и обернулась.

— Это ты?

Яна захохотала. Настя сняла с себя ее руку и отступила. Яна двинулась к ней с виноватой улыбкой, как будто питалась ее кровью. Настя посмотрела вокруг себя.

Первобытная пляска ввела всех в экстаз. Горячие и влажные тела жались к ней со всех сторон, терлись, толкали, заражая энергией танца.

Хотелось двигаться. Она повернулась и нырнула в толпу. Яна на минуту потеряла ее, тянула шею, чтобы разглядеть ее в беснующейся массе. Ее глаза горели как у голодной, она крутила головой, вглядываясь в сверкающие обрывки реальности, как упустившая добычу хищница.

Настя сбежала, нырнула в танцующую массу. Наконец, она почувствовала свободу, отдалась танцу, как незнакомцу, имени которого не успела спросить. Безумный ритм, казалось, колотил в ней самой. Заставлял двигаться все яростней. Ощущение слепой радости охватило ее. Она чувствовала только ритм и свое тело, как подпрыгивает грудь, как вздрагивают ляжки.

Ей никто не был нужен, Хотелось просто танцевать. И она танцевала, пока не почувствовала на себе нежные руки. Она подняла глаза и сквозь упавшие на лицо волосы увидела Яну. Ей показалось, что Яна готова заплакать, таким умоляющим было ее лицо, говорившее как бы: Только не прогоняй меня!

И такими же умоляющими были ее теплые ладони, которые бережно, как вазу, держали ее за талию. Насте ужасно не хотелось отказывать этим ладоням, но она еще боялась их, и хотела игры. И она снова вырвалась и побежала. Яна устремилась за ней. Настя оглядывалась, пока не поняла, что Яна не оставит ее. Она решила, что нужно вернуться к Зудину, и стала искать его в толпе.

Убегая от Яны, она буквально налетела на него. Он стоял как утес в реке бесноватых. Она столкнулась с ним и обрадовалась, что нашла его, прижалась к нему спиной, вжалась в него, как в раковину. Она потянула его за бедра прижимаясь к нему ягодицами, спиной, чувствуя затылком его лицо. Он обнял ее. Она взяла его руки и прижала к себе. Гладила себя ими, жала ими свою грудь.

Появилась Яна и стала смотреть на нее как зачарованная, подошла и положила руки на руки Зудина и прижалась к ней. Настя оказалась меж двумя разгоряченными телами, это распалило ее. Мужская и женская энергия пронизывали ее с двух сторон, закручиваясь в ней вихрем. Она закрыла глаза, помчалась в далекие миры. Зудин видел, как Яна тянулась к ее лицу, мучаясь от нежности.

Они слились втроем в едином движении, которое шло снизу, от бедер, оттуда, где рождалась энергия. Насте стало жарко, она обмякла, стала ниже и их груди оказались на одном уровне. Яна прижалась еще сильнее, придавила ее грудь своей грудью, погладила с боков. Губы Насти открылись. Яне показалось, что у нее вырвался возглас и сразу утонул в бушующем звуке. Тела стали влажными.

Вдруг все исчезло — музыка, сверкание огней. Все оказались в душной темноте. Только в баре, как через неплотную ткань, светилась подсветка. Было жарко, слышалось только собственное дыхание. Зудин, Настя и Яна отслоились друг от друга.

Вновь, словно взрыв, ударила музыка и вспыхнул свет. Пауза оказалась недолгой. Зудин обнял Настю и потрогал ее внизу. Ее лобок, словно вынутый из печи пирожок, шепнул ему: «Съешь меня!». На его руку легла другая рука, маленькая и горячая, и стала направлять ее, толкать дальше, между настиных ног. Он как будто окунул руку в топленый мед двух женских тел. Этот мед проникал в него через кожу и скапливался внизу живота, и густел.

Они не видели вокруг ничего кроме вспышек, не слышали ничего кроме бьющей по телу музыки. Они как будто летели куда-то в сумасшедшем гудящем потоке. Им было все равно.

Они терлись друг о друга, мчались на тройках своих ощущений.

Настя как будто опомнилась, освободилась от Яны и повернулась к нему, убрала с лица волосы, и он увидел в ее глазах мольбу. Он притянул ее к себе и хотел поцеловать, но она закрыла ему рот ладонью. Они смотрели друг на друга несколько секунд, потом она убрала руку и поцеловала его.

Он снова гладил ее, водил своими ручищами по горячим бокам, сдавливал ее большие ягодицы. Его ладоней не хватало, чтобы измерить ее всю и усмирить. Она обвила его за шею, заставила двигаться вместе с ней, платье задралось, ее голые бедра лезли на его бедро.

Яна терлась об него сзади, словно бездомная собака. Она тоже хотела получить свою долю. Она просунула руку, как щупальце, между их телами, взяла его между ног. Он хотел, чтобы это была не ее рука, а настина, которую он уже успел полюбить, но как же тепло и нежно его пленили, и он это принял. Рядом девушка стояла на коленях перед парнем, который еле держался на ногах, и дергала головой, но на них никто не обращал внимания.

Музыка сменилась, зазвучал новый ритм. На сцене появилось несколько накаченных парней, прикрытых тряпками наподобие набедренных повязок. Клетки опустились, девушки вышли и взбежали на сцену. Теперь их танец изображал оргию. Извивающиеся тела блестели как угри. Танцпол взорвался одобрительными криками. Прожектора освещали только сцену. Танец свелся к паре движений: парни двигали бедрами взад-вперед, а девушки сводили-разводили ноги.

Музыка стала тише, лучи прожекторов прошли по танцполу и ударили Зудину в лицо.

— Друзья, давайте пригласим на сцену самую красивую пару! — раздался голос диджея.

Все закричали. Девушки на сцене отступили в темноту, остались только парни. Двое спустились на танцпол и подошли к Насте и Яне. Один протянул руку Насте, другой — Яне, Зудин невольно отступил. Настя растерялась, она зажмурилась от яркого света и не реагировала на протянутую руку.

Яну повели к сцене, она оглянулась и увидела, что Настя не двигается с места. Она вернулась и взяла ее за руку.

— Не бойся!

Она излучала уверенность. Они поднялись на сцену, парни окружили их. Музыка вновь сделалась громче. Яна стала перед Настей и начала танцевать. Настя не знала, что делать.

— Не стой! — крикнула Яна.

Ее уверенность передалась Насте. Она стала двигаться. Яна смотрела на нее. Настя понемногу смелела, ее движения становились увереннее. Яна обняла ее, взяла за попу, поставила бедро ей между ног и притянула к себе. Настя запрокинула голову.

Девушки на танцполе завизжали. Яна отпустила ее, сделала несколько движений, которые выдали в ней танцовщицу, обошла Настю и обхватила ее сзади, провела по животу и взяла за грудь. Настя вздрогнула. Парни на сцене подбадривали их. Зудин наблюдал за происходящим с танцпола. Его возбуждало то, как Яна завладевает его Ромашкой. Но он был уверен, что она не завладеет ей полностью.

Яна мяла ее по всему телу своими маленькими ласковыми руками, прижавшись к ней и закрыв от удовольствия глаза. Настя принимала ее ласки, оставляя их без ответа, просто позволяла трогать себя. Но когда она запустила руки под красное платье и взяла ее между ног, Настя убрала ее руку, правда, признавшись себе, что хочет оставить ее, чтобы принимать ее беспардонную ласку. Яна взяла Настю сзади за талию и стала толкаться в нее, как мужчина. Настя покраснела от того, что все видят, как это безумно нравится ей, не

сдержалась, выгнула спину и запрокинула голову.

Потом Яна оторвалась от нее, и попятилась к краю сцены, не отводя от нее глаз, повернулась к танцполу, широко поставила ноги и продолжала танцевать, не отрывая каблучков от пола, повернулась к Насте и позвала ее. Настя стала лицом к танцполу, также широко, словно села на лошадь, поставив ноги, и поймала ее ритм. Яна заулыбалась, и, не сводя с нее глаз, распустила волосы. Они встряхнули волосами. Парни перед сценой тянули шеи, чтобы заглянуть им под платье.

Они танцевали, повернувшись друг к другу лицами. Настя повторяла движения Яны. Яна потрогала себя за грудь и то же самое сделала Настя. Яна провела по бедрам, и также Настя. Яна приподняла край платья, и Настя потянула платье вверх. Толпа хлопала. Яна задрала платье почти до пупка, демонстрируя всем черные стринги. И Настя подняла платье. Ее пылающее лицо закрывали волосы. Все смотрели на ее роскошные бедра и розовые трусы. Яна стала двигаться в такт музыке навстречу залу, Настя повторяла ее движения. Они как бы подмахивали в зал. Они смотрели друг на друга и улыбались. Все заорали как обезумевшие.

Глава X (продолжение)

Зудин бежал вниз по ступенькам, держа ее за руку. Яна бежала за ними. Она кричала, что не может бежать так быстро, но они не слышали ее. Они остановились возле длинного ряда кабинок. Свет был тусклый, как в подвале. Это и был подвал. Сверху долбила музыка, от которой дрожали стены.

Дальше все было как в пьяном дурмане. Чувство контроля и осторожности изменило ему, как будто тоже хватило лишний стакан. Он обнял Настю, но Яна схватила ее за руку и увлекла в кабинку. Они стояли там, взявшись за руки, и звали его горящими во мраке глазами. Ему казалось, что из глаз его Ромашки льется любовь, что она и есть сама любовь. Яна притянула ее к себе и взялась за дверь.

— Ты с нами или посторожишь снаружи?

Он вошел, понимая, что делает выбор. Захлопнул дверь и остался с ними, как в западне.

Яна потянулась к Насте. Настя прижалась спиной к стенке кабины. Она еще боялась нового сладко душившего ее желания, но уже не сопротивлялась ему. Не отрывая глаз от губ Яны, она распласталась по стенке, выставив грудь и согнув ногу в колене.

Кабина наполнилась какой-то магией, пропиталась ей, как языческий жертвенник. Далекие, еле слышимые голоса были чем-то из другого мира, реальной была только их тяга друг к другу, поглотившая их, как омут, и шорох ползущих по бедрам платьев, и прерывистое дыхание, и запах духов, смешавшийся с запахом тел.

Яна достала из лифчика маленький пакетик с белым порошком.

— Это что? — спросил Зудин.

— Кокс, — ее улыбка притягивала как смерть.

Она насыпала порошок на тыльную сторону ладони, и резко вдохнула, запрокинула голову и затряслась. Они видели ее искаженное как у трупа лицо, но почему-то оно не казалось отталкивающим. Придя в себя, она взяла руку Насти и насыпала на нее порошок, поднесла к лицу и зажала ей одну ноздрю.

— Вдыхай, только резко.

Это возбуждало как самоубийство, которое совершается у вас на глазах. Настя вдохнула и зажмурилась. Он смотрел на них отстраненно, аморфный как желе, сосредоточенный на своих ощущениях. Но когда Яна предложила порошок ему, он мотнул головой.

Она взяла Настю за талию и поцеловала. Ее губы казались воздушными. Они не были жадными, горячими, наглыми, они не навязывались. Они были теплыми и как будто куда-то звали. Страх и стыда больше не было, победило желание. Она видела, спрятав глаза за упавшими на лицо волосами, как он смотрит на нее, и его взгляд делал ее смелее. Он разрешал ей, она ему нравилась такая. Губы Яны стали настойчивей.

— С языком? — пролепетала Настя.

— Да...

Яна взяла лицо Насти в ладони и целовала ее, едва дотрагивалась губами — встретила нежность с нежностью. Они целовались, закрыв глаза, задыхаясь друг от друга. Яна оторвалась от нее, посмотрела на ее влажные губы, и поцеловала снова, в губы, потом лицо, шею, грудь.

Сначала он только смотрел, завидуя их нежности. Потом взял своими большими

ладонями плотное тело Насти и стал мять его, немея от удовольствия. Она тонула в поцелуях и прикосновениях, отдав себя их губам и рукам. Он прижался губами к ее обнаженному плечу и закрыл глаза. Ее кожа источала удивительный аромат, несравнимый ни с чем. Она собрала волосы, чтобы открыть шею для поцелуев. Ей казалось, как будто целый сонм губ прикасается к ее коже.

— Я хочу... — пролепетали ее губы.

Она взяла его руку и стала сосать большой палец. Свободной рукой он шарил по ее телу. Яна опустилась на колени и стала целовать ее бедра. Настя подставляла себя ее разгоряченным губам, раздвигая ноги, поцелуи поднимались все выше.

Он потянул ее платье вверх, Яна стянула с нее трусы и прильнула лицом к ее бедрам, не справляясь с дыханием, как будто только об этом мечтала все время. Стала целовать лобок, как подбородок мужчины, приминая губами короткие волосы. Ее губы были невыносимо нежны, Настя таяла, раздвигая бедра все шире и опускаясь ей на лицо. Поцелуи становились все горячее, Настя сделала движение навстречу и окунулась в наслаждение. Как будто забил теплый ключ, и потекла струя, затопила до самого горла.

— О, — застонала она...

Яна присосалась к ней, как пиявка, уперла в нее остекленевший взгляд, Задвигала покошачьи головой, вылизывая, выедавая. Было темно и душно как в склепе. За бетонными перекрытиями, как из преисподней, долбила музыка.

Зудин смотрел, вытянув шею. Было темно, но он все видел. Он видел, как кошка стала превращаться в змею, рот растягивался, чтобы вместить надувшийся как опухоль клитор, становился все шире и змеиные зубы готовы были погрузиться в мясо. Настя и так уже была напитана ядом. Яда было столько, что он сочился из пор. Она схватила Яну за волосы и потянула на себя, стала тереть себя там ее лицом. Яна поела ее, жрала, натягивая пасть на мясистые куски.

Зудин потерял всякую способность соображать, отравленный тем же ядом. Он стянул с себя брюки и взял Настю за бедра. Она выгнулась, подставляя ему себя, и, уже принимая его толчки, ощутила, как сильней запылал пожар, заполнил живот, все тело, до самых кончиков ногтей и волос. Ее затрясло, и она упала бы, если б его руки не подхватили ее. Он рванул ее вверх, и она опрокинулась на него. Он едва ее удержал. Слезы текли по ее лицу.

Он пытался вернуть в нее член. Яна все еще оставалась на коленях, ее голова была у Насти между ног. Она взяла его член рукой и стала дергать, а потом попыталась дотянуться до него ртом, но было неудобно; она толкалась лицом в потных бедрах, как щенок, потерявший оттянутую сиську матери.

Было тяжело дышать, у них затекли ноги. Они поменяли позу, ворочаясь, как мокрые детеныши в тесной норе. Он сполз на ступеньку-скамью. Настя повернулась к нему, полезла целоваться, ворочая у него во рту языком-щупальцем. Она мяла его набухшую как от гноя мошонку. Было тесно, она нагнулась и Яна оказалась прижатой к стенке.

Яна погладила ее кобылий зад, и залюбовалась ее разверстыми формами, смуглым красивым влагалищем, похожим на вертикальный рот, зажатый с двух сторон крутыми холмами. Настя наклонилась, и он почувствовал влажный кокон ее рта. Ее голова задергалась вверх-вниз, танцуя под музыку.

Яна дотронулась губами до ее губ. Настя вытянулась, чувствуя, что по телу сейчас пустят ток. Яна взяла ее за попу и ткнулась туда лицом, провела языком по нежному месту. Мешали волосы, она убрала их торопливыми пальцами, обхватила ее бедра и стала

вылизывать влажную мякоть, выедавая ее, как масло из чашки.

— Девочка моя, какая ты хорошая...

Настя сопела, глодая горлом его мосол. Он больше не мог. Горячая смола затопила его, он дернул ногами и со сладкой мукой излил ее. Настя утонула в ощущениях, облизывала его, словно в забытьи, облизывала свои пальцы. Волна накрыла ее. Она дернулась, схватившись за член как за сук, и застонала.

— Я больше не могу...

Зудин остывал, словно умирающий. Он больше не видел в девушках ничего притягивающего, красота стала пустой. Страсть отступила, как отступает туман, и предметы возвращают себе четкие очертания. Ощущение удушья и уродливости происходящего дошло до него через толщу дурмана. Разве для этого вонючего мешка им дана красота? — подумалось ему. Яна казалась сначала кошкой, потом жирной пиявкой, высасывающей кровь из его Ромашки. Но он знал, что это продлится недолго и снова потянет на породистую скотину.

Настя не могла больше стоять в такой позе. Она развернулась и съехала ему на колени. Яна раздвинула ей бедра, подлезла ближе и всунула в нее язык как член, задергала головой, как членом, потом запустила туда руку-змею. Настя съежилась, вскрикнула и выбросила струю ей на грудь, Яна выдрачивала из нее струю за струей. Настя тонула в оргазмах и топила в них Яну.

Зудин устал; хотелось оглушить себя водкой.

Глава X (окончание)

Он ждал их у туалета. Ноги были ватные, в теле слабость. Он чувствовал себя разбитым и одурманенным. Он привел в порядок одежду, насколько это было возможно. Не получалось отвлечься от ощущения своего натертого члена, свернувшегося в трусах как пес в конуре.

Когда девушки вышли, он вяло улыбнулся. Если даже не знать их, было понятно, как они провели время. Измочаленные, с кругами вокруг глаз, с наложенной кое-как, словно мазками пьяного художника, косметикой, они для уверенности держались за руки. У Яны были темные пятна на коленках; слишком много времени она на них провела.

Не успели они выйти, как появился тот же сопливый мальчишка. Его глаза горели хмельным блеском. Он что-то сказал Насте, она не ответила, и он схватил ее за руку.

— Отвали! — рявкнул Зудин.

— Ты муж ее, что ли?

Зудин усмехнулся, отвесив ему подзатыльник.

— Исчезни, пока я не разозлился!

У парня выступили слезы на глазах. Он бросил взгляд на засмеявшихся девушек, и скрылся в толпе. На улице Зудин снова увидел его. Он стоял к ним спиной и разговаривал по мобильному.

— Можешь подъехать? Сейчас! Пока этот козел здесь!

— Ты про меня? — Зудин толкнул его.

Парень испугался от неожиданности.

— Нет, что вы...

— Он спросил меня, сколько мне нужно, чтобы я поехала с ним. — Настя засмеялась.

Зудин круто развернулся.

— Вы не так поняли!

— Интересуешься, почему моя девушка?

— Нет!

— Ты спросил мою девушку, сколько она стоит.

Парень замотал головой.

— Не...

Зудин резко ударил. Парень согнулся, выронив телефон. Зудин ударил еще раз и почувствовал, что разбил сустав. Злость закипела в нем.

— Я ничего такого... — парень закрыл руками голову.

Зудин огляделся. У входа в клуб за ними по-прежнему наблюдали охранники парень и девушка. Настя и Яна тоже смотрели в их сторону. Зудин ударил парня в живот. Он упал. Зудин стал бить ногами. Хотелось вырубить наглого молокососа, возмнившего, что он достоин такой девушки, как Ромашка. Когда у него из носа пошла кровь, Зудин вдруг протрезвел и почувствовал жалость, взял его за борта куртки и посадил. Лицо парня вздулось и было залито кровью, один глаз совсем заплыл.

— Слышишь меня?

Парень поднял руки, чтобы закрыть голову от ударов. Зудин опустил на корточки.

— На, вытрись, — сунул ему платок. — Хочешь иметь красивую бабу, заведи свою. А

лезть на чужих — скверная привычка, будешь битым.

Парень всхлипнул, под носом надулся пузырь. Охранники по-прежнему только наблюдали. Настя и Яна улыбались. В их довольных лицах и мясистых телах было какое-то необъяснимое животное удовлетворение: лев с львицами и окровавленная добыча, еще живая.

— Вас не пугает кровь? — спросил Зудин, когда вернулся к девушкам.

— Я бы сказала, возбуждает, — ответила Яна.

Они направились к ожидавшему их такси. На ступенях появился кавказец, проводил их взглядом, как ястреб ускользнувшую добычу.

Они провели у Зудина весь день, проспали до обеда. Когда Зудин проснулся, девушки еще спали. Настя выглядела как невинная девушка, свежа, румяна, изнурительная вечеринка не повлияла на юный организм. Пушистые ресницы едва подрагивали, аккуратные ноздри мирно сопели, груди с торчащими пухлыми сосками, казалось, не знали мужской руки. От кожи исходил молочный аромат, как от ребенка.

Зато Яна выглядела совершенно по-другому. Она лежала вытянувшись, как перед смертью, серое тело казалось безжизненным, увядшим за одну ночь. Дородные выпуклости растеклись, как холодец, который забыли убрать в холодильник. На лице отчетливо проступили морщины, фиолетовые тени легли вокруг глаз. Он посмотрел на ее потрескавшиеся губы, на плоские морщинистые соски, и почувствовал отвращение. Ей было двадцать восемь, но сейчас казалось все сорок.

Вчера она была молодой и красивой, а теперь назвать ее девушкой не поворачивался язык. Он усмехнулся. Теперь она просто выдавшая виды потаскуха. Как в сказке про ведьму, которая периодически превращалась в девушку. Кому она нужна? Разве какому-нибудь идиоту, неспособному пробудить любовь в нормальной женщине. Гроссману? Нет, Гроссман не идиот. Наверное, просто еще не узнал ее. Но теперь ей не видать и его. Да, нехорошо получилось. Она же все-таки была его.

Он посмотрел на Ромашку и подумал, что рядом с ней лежит она сама через десять лет. Только вот внутри не кольнуло. Такова жизнь, они сами летят, как мотыльки на огонь. Бросают в него и красоту, и молодость, и любовь. Им хочется гореть. Что ж, горите. С ним или с другим, итог один; спалит все в огне, от которого не бывает тепла, а что останется — подтянет, подкачает, станет конченной сукой, циничной и жадной. Окрутит какого-нибудь дурака и родит ребенка, скорей всего больного, потому что здоровья уже не будет. Это в лучшем случае. А то останется одна и будет делать вид, что ей на все наплевать.

Он принял душ, смыл с себя вчерашнюю грязь, пошел на кухню и заварил кофе. Когда проснулись девушки, он заказал пиццу, и они снова пили вино и трахались.

Когда они уехали, его охватила тоска. Послевкусие было горьким. Яну было не жалко, на Яну было плевать, а вот Ромашку... Все-таки здорово было бы иметь такую жену, нарожать с ней детей. Но теперь у него сложилось ощущение, будто купив драгоценную вещь, он обнаружил подделку. Завернутую в блестящую обертку фальшивку. Ничего не стоящую. Когда он только увидел ее, он думал, как на нее произвести впечатление. Готовился штурмовать, словно крепость. И не ждал, что получит все сразу. Правда, крепость сдалась без боя. Он хотел пробудить в ней чувство. Видимо, пробудил. Только теперь оно стало не нужно. Оказалось, в покоренной крепости ничего нет. И не важно, что ее разграбили до него. Важно, что ничего ценного в ней не было. Может, до него вынесли, может, не было никогда.

Вспомнив, как она представлялась ему красавицей крестьянкой на фоне полей, он усмехнулся. Идеал должен достаться кому-то равноценному. Пусть чужому, но достойному и одному. Тогда он остается идеалом. Но когда он по кусочку отдается всем подряд и кому попало, как разбившаяся статуя, он уже не идеал. Статуи больше не стоят на пьедесталах, им скучно быть наверху, они предпочитают падать и разбиваться. Кто попало — теперь казался заросшим щетиной хищником с черными, изголодавшимися по белому мясу глазами.

Но отпустить ее сразу он не собирался. Пару осколков от статуи он уже взял, хотелось еще. Была мысль, что может, взять ее такой, ведь совсем еще молодая, и переделать, вознести тем огнем, который он зажжет в ней. Но опыт подсказывал, что это не лечится. Живет в них как червь, и точит.

Но была еще Ольга.

Был конец апреля. День выдался прекрасный, очень теплый и солнечный. На газонах появилась жиденькая травка, на деревьях распустились почки.

Ольга вышла из дома в джинсах, кедах и белой кофте, по-домашнему облакавшей ее красивые плечи. Ее волосы были распущены, налетел ветерок, запутался в них, швырнул на лицо каштановую прядь. Она отвела ее рукой и улыбнулась. За стеклами очков сияли черные глаза. Она спросила:

— Куда поедем на этот раз?

— В самое романтическое место в Москве.

— Разве в Москве такое есть?

— Я приберег одно — для тебя.

Он привез ее в центр Москвы, в салон платьев. Когда она увидела, куда он ее ведет, она возмутилась.

— Куда ты меня привез? Зачем?

— Идем, идем, ты все узнаешь.

— Не надо мне ничего покупать. Прошу тебя!

— Я не собираюсь тебе ничего покупать, — он улыбался и тянул ее за собой.

— А что мы здесь делаем?

— Я хочу тебе кое-что показать.

— Мне ничего не нужно! — сказала она сердито.

— Я прошу тебя кое-что для меня сделать.

— Что?

— У моей двоюродной сестры на следующей неделе день рождения. Я хочу, чтобы ты помогла мне выбрать подарок.

Она растерялась. Ему стало смешно.

— Я должен сделать ей хороший подарок.

— Купи украшение.

— Я хочу купить платье. Она такого же роста как ты и у нее примерно такие же волосы.

— А комплекция?

— Не такая впечатляющая, как у тебя.

Она поверила. Посмотрела вокруг и направилась к пестрым рядам вешалок.

— Какой цвет ей нравится?

— Помню, она говорила про белый. Но цвет — не главное.

Ольга шла по рядам, рассматривая платья.

— Вам помочь? — спросила продавец.

— Нам нужно красивое летнее платье на эту девушку, — сказал он.

Когда в примерочной Ольга задернула шторку, и он услышал, как с тихим шорохом она стягивает с себя джинсы, ему показалось, что он видит, как плотная ткань сначала открывает ее белье, крутой изгиб бедер, и далее сползает с ее длинных сильных ног, оголяя их безупречные линии. Она отдернула шторку.

На ней было короткое красное платье, шея и руки были открыты. Она стояла, немного согнув ногу в колене и опустив руки вдоль тела. Ткань казалась тонкой и тяжелой, она плотно лежала на круглых выступах груди и бедер, а на животе была свободна. Оно очень ей шло, она была стройна и объемна, как сильная лань на длинных ногах.

— Повернись, — сказал он.

Она медленно повернулась. Тяжелая материя как на полке лежала на высокой попе. Изгиб под коленом перетекал в полную голень «бутылочкой».

— Мне кажется, хорошо. Что скажешь?

— Нормально, — она пожала плечами, — но я бы такое не надела.

Оно ей шло, но вызывало ассоциации, которые были недостойны ее.

— Платье отличное и тебе идет, только цвет не тот. Слишком вульгарный, — сказал он.

Она померила несколько платьев. Одно из них было голубое в крупный белый горох, с белым воротничком как на школьной форме для девочек. Оно понравилось Зудину. Он заметил, что ей оно тоже понравилось. Это было простое короткое платье для молоденькой девушки, белый воротничок делал его немного старомодным, зато подчеркивал нежную шею, и вообще само платье казалось каким-то светлым, праздничным и очень подходило для солнечного дня.

Ольга вертелась перед зеркалами, разглядывая себя.

— Оль, почему ты всегда носишь джинсы? — спросил он.

— Потому что джинсы удобны и практичны.

— На всем свете не найти такой пары ног, как у тебя.

— Перестань, — сказала она, шурша платьем.

— Это истинная правда.

Она выставила вперед правую ногу.

— Ты считаешь это красивой ногой? — Она повернула носок сначала в одну сторону, потом в другую, показывая икроножную мышцу.

— Я считаю это совершенной ногой.

Она уперла руки в бока.

— Не нога, а бульонка какая-то. Как у рабочей лошади.

Он улыбался, любуясь ей.

— Не говори ерунду. Повторяю, твои ноги — самые прекрасные в мире и короткое платье на тебе отлично это доказывает.

Она снова повертелась перед зеркалом, не доверяя ему полностью. Ей и самой нравилось.

— Можешь пройтись перед примерочными?

— Зачем?

— На расстоянии лучше видно.

Она вышла, посмотрела, не видит ли ее кто-нибудь кроме него, сделала несколько шагов, и оглянулась, положив руку на талию, как манекенщица.

— Пройдись еще.

Она ушла дальше, увидела себя в зеркалах, засмотрелась. Он взял ее джинсы, кофту, сумочку, сложил кое-как в пакет, и направился к кассе, а она еще вертелась перед зеркалом.

— Мы покупаем то, которое на девушке, — сказал он.

— Я бы выбрала это, — услышал он голос Ольги, которая не могла оторваться от зеркала.

— Я тоже его выбрал.

Она ушла в примерочную, и тут же вернулась.

— Где мои вещи?

— У меня есть двоюродная сестра, но я не собираюсь дарить ей это платье, — сказал он, убирая в карман бумажник, и не поднимая глаз.

— Что это значит?

— Это твое платье и я хочу, чтобы сегодня ты была в нем.

— Что? — она поправила очки.

— Я прошу тебя.

— Сейчас же верни мои вещи и забери эту тряпку! — выпалила она и дернула за подол, словно собиралась сорвать его с себя прямо здесь.

Он подошел к ней. От гнева у нее выступили слезы. В отдел вошли две женщины. Он хотел взять ее за руку, но она отдернула ее.

— Прости...

Неожиданно он встал на одно колено.

— У меня не было выхода. Я прошу тебя остаться в этом платье, потому что только оно может сказать всем, как ты прекрасна.

Они приехали на Воробьевы Горы. Он припарковался на Университетской площади. Было тепло, как летом. Зудин открыл дверь со стороны Ольги и предложил ей руку. Он был безупречен, как Джеймс Бонд, светился улыбкой, белая в полоску рубашка и серые брюки очень шли ему. Пиджак он оставил в машине.

— Как настроение? — спросил он, когда она вышла из машины.

— Сносное.

— Хорошо. Это очень важно для прогулки, которая нам предстоит.

— Прогулки?

— Да. Мы будем гулять! А это, — он сделал широкий жест перед собой, — Самое лучшее место в Москве. — Сколько свободы!

— Уже листочки распустились. — Ольга была растеряна, она не ожидала увидеть его в таком восторге.

Ветер-озорник разогнался над площадью, порхнул по ногам и под платье. Она поймала подол, прижала к себе. Их маленькие фигурки потерялись в огромном пространстве прямых линий. Зудин взял ее за руку и повел к зданию университета.

— Какой мощный простор, дышится как! — Его энергия перехлестывала через край. — Знаешь, я потомственный москвич, но во всей Москве люблю только это место. Здесь я по-другому себя чувствую. Эти внушительные здания, широта делают меня счастливее. И потом, именно здесь невольно приходят мысли обо всей стране. Здесь верится, что все у нас будет хорошо. Именно такой и должна быть наша страна — простор, цветущие сады, величественные здания, молодые прекрасные люди. Оль, что ты об этом думаешь?

— Ты в курсе, что эти прекрасные здания построили заключенные?

— Это же не умаляет их красоты.

— Но о счастье говорить как-то неуместно, тебе не кажется?

— Я знаю, все это на костях, но смотрю в будущее с оптимизмом. Когда-нибудь мы станем богатыми и счастливыми. Тебе нравится здесь?

— Нравится. Только у меня другие ассоциации. Когда я вижу такую архитектуру, я невольно думаю о египетских пирамидах, которые построили рабы. — Она высвободила

руку из его ладони и взяла его под руку. — Но, конечно же, это очень красиво и монументально. Я бы хотела поехать по миру и сравнить, как у них.

— Ты нигде не была?

— В Турции и Египте. Но кроме моря и пирамид ничего не видела. Я хочу побывать в Европе, в Америке, в Азии. А где был ты?

— Много где. — Он сказал это спокойно, без тени бахвальства, устремив вперед прищуренные от солнца глаза.

— Везет! — ей понравилось, как он это сказал, она засмотрелась на его мужественный профиль.

— Везенье здесь не причем. Нужны лишь деньги и время.

Они повернули на улицу Академика Самарского и пошли к Менделеевской. Слева как пирамида Хеопса, стояла высотка.

— Где тебе понравилось? — спросила она.

— Везде найдется что посмотреть. Наши ездят только на море. Дай нам море, бар с напитками и шезлонг и нам больше ничего не надо.

— Неправда!

— Таких много. Им неинтересно, как живут люди, чем, какие у них города. Если город, то только Париж, Лондон или Нью-Йорк. А многие ли были в Будапеште? Какая там архитектура! У нас если Голландия, то Красные фонари, а посмотреть страну — она вся-то не больше Московской области, — а как игрушка, там даже природа сделана руками человека. Вся страна — творение рук человеческих. Да что далеко ходить — как прекрасен Киев!

— Почему всем нравится Париж?

— Париж — великий город, может, это самый прекрасный город в мире, но прекрасен не только Париж, вся Франция прекрасна, и чем южнее, тем прекрасней.

— Понятно, отдыхать ты предпочитаешь за границей.

— Я не предпочитаю границу, я отдаю ей должное.

— А где ты был в России?

— Питер, Карелия, Золотое Кольцо, Урал, Кавказ, Черное море, само собой. Но еще больше мест, где я не был, но хочу побывать.

— Например?

— Например, на Алтае, на Байкале, на Крайнем Севере, на Камчатке.

Они прошли перед зданием МГУ и повернули обратно. Фигурки студентов тонули в просторе площади.

— Где тебе понравилось в России?

— Везде, кроме Москвы.

— Почему такая нелюбовь к родному городу?

— Москва всегда была патриархальной, и должна была такой остаться. Из нее нельзя делать мегаполис, она перестанет быть Москвой.

— Но когда строились эти здания, — Ольга показала на университет, — они тоже не отражали дух Москвы.

— Они отражали нас, чем мы тогда жили.

— Ну и чем же?

— Мы строили коммунизм.

— Коммунизм — утопия.

— Но мы в нее верили. А Москва-Сити что отражает? Лондон? Йокогаму? Все это чужое нам. Стекло и бетон до неба — символ власти денег.

— Так строят сейчас по всему миру.

— Заложите новый город и постройте в духе времени, если так надо. А Москву надо было оставить в покое. Как Питер. Но теперь уже поздно об этом говорить. Питеру повезло, он остался самим собой.

— Ты пессимист.

— Нет!

Он перебежал с тротуара на площадь, распластал руки и задрал лицо вверх.

— Как же здорово! Здо-ро-во!! — крикнул он.

Несколько парней и девушек обернулись в их сторону. Зудин сиял улыбкой.

— А ты говоришь — пессимист. Тебе не хочется порадоваться со мной на пару?

— Я не проявляю радость так бурно, — пробормотала она. — На нас смотрят.

— Ну и что. Мне так хорошо, что я не могу держать это в себе.

— Тебе всегда здесь так хорошо?

— С тобой — особенно...

Он посмотрел на нее с каким-то мальчишеским задором, подбежал, подхватил на руки и закрутил.

— Что ты делаешь? — крикнула она.

Он остановился, чмокнул ее в щеку, посмотрел в ее распахнутые от удивления глаза и поцеловал в губы. Он ждал ответного движения, но она сжала рот. Он снова закружил ее, понес по тротуару, вытянув вперед счастливое лицо. Потом неожиданно свернул в сторону и понес под яблонями, утопая во влажной земле. Она сдавила его шею, словно он нес ее через реку.

— Ты куда?

— Сейчас, подожди...

Ее тело сводило его с ума, упруго-податливое, тяжелое, но его рукам было не тяжело. Он чувствовал, как оно одновременно и боится и хочет его рук. Она задышалась, смотрела на него, не мигая, а в стеклах очков плясали озорные блики. Он поставил ее под яблоней, покрытой бледными, едва распустившимися листочками.

— Ты... чего?.. — она искала ответа в его глазах.

— Тихо... — прошептал он.

Он взял ее за плечи и хотел поцеловать, но она отвернулась, и так стояла перед ним, стремясь к нему грудью и пряча лицо. Он погладил ее по спине, по талии, положил руку на попу и поцеловал в шею. Она вздрогнула, задышала, и он стал осыпать ее поцелуями, плечо, шею, щеку, подбираясь к губам. Она снова дернулась, на этот раз сильнее, он хотел удержать ее, но ударился о сук. Она отбежала на несколько шагов и смотрела на него, испуганная как лань. Он тер ушибленное место и улыбался.

— Сумасшедшая!

Она не могла унять дыхание, ее волосы растрепались и упали на плечи. Она была похожа на необъезженную кобылицу, длинноногую, крутобоковую, с вздыбленной гривой. Он подошел и протянул руку. Она хотела не даться, но он схватил ее за плечи, прижал к себе и стал искать губами ее лицо. Она крутила головой, пыталась вырваться, но не кричала.

Он сгреб ее, обхватив одной рукой ее локти, а другой негрубо, но настойчиво повернул ее лицо к себе. Она смотрела на него своими черными, будто оправленными в стекло

глазами, а он смотрел на нее своими голубыми, как молнии. Он дотронулся до ее сомкнутых губ, дотронулся еще, обнял их губами и не отпускал, пока они не разомкнулись. Она перестала бороться и прижала к груди руки. Ее неумелый рот жадно отвечал на его победную ласку.

Он открыл глаза. Ее веки дрожали. Очки немного съехали. Ноздри трепетали, не в силах совладать с дыханием. Ее лицо было свежим, как у маленькой девочки. Ресницы разомкнулись, она увидела, что он смотрит, и оттолкнула его. Она несколько секунд не сводила с него взгляд, открыв красивый влажный рот, и вдруг повернулась и побежала. Остановилась на тротуаре и уставилась на свои испачканные кеды. Он вышел на тротуар и стал топтать, обивая с ботинок комки земли.

— Есть салфетка? — спросил он.

— Влажная.

— Все равно.

Она достала из сумочки салфетки. Он нагнулся и стал очищать ее кеды.

— Спасибо.

— Что за выходки? — сказал он с улыбкой, когда поднялся.

— Это... несерьезно.

Он засмеялся.

— Ладно. Все нормально. Пошли гулять.

Он выставил локоть, предлагая взять его под руку, но она отказалась. Они шли рядом, не касаясь друг друга. Он смотрел на нее. Она уже не сердилась, но выглядела смущенной.

— Хватит дуться, — сказал он.

— Ты сумасшедший.

— Это ты виновата, ты сводишь меня с ума.

Она покраснела. Он хотел взять ее руку, но она не дала. Несколько минут они шли молча.

— Почему ты ведешь себя как ребенок? — сказала она, наконец.

Вопрос был до смешного нелепым. Зудин рассмеялся.

Они пришли на смотровую площадку. Ольга положила руки на гранитные перила и посмотрела вдаль. Налетел ветер, растрепал волосы. Она обняла себя за плечи и зябко поежилась. Вязаная кофта была теплой, но не защищала от ветра. Столько женственности было в ее озябших плечах, сильных и хрупких одновременно.

— Холодно? — спросил он.

— Здесь всегда ветрено.

Он обнял ее, закрыл собой от ветра, взял ее похолодевшие руки в свои.

— Ты сказал, что тебе не нравится Москва-Сити. Смотри, вон Москва-Сити, маленький островок, а все остальное — Москва, такая же, как и раньше.

— Москва — там, далеко, а ты — рядом. — Он убрал с ее щеки темную прядь, завел за ушко с маленькой аккуратной сережкой, и поцеловал в щеку. — Не хочу думать ни о чем кроме тебя.

— Не надо, — поежилась она. — Здесь люди.

— Здесь ты...

Он лепил на ее кожу поцелуи как лепестки, она больше не сопротивлялась и принимала его ласки, купаясь в них как в лучах славы, подставляя им шею, лицо. Он собрал ее волосы, поднял к затылку и поцеловал ее в пушистые волосы, потом ниже. Ей было неловко, и она

закрывает глаза, чтобы никого не видеть. Она мечтала о ласках, но не представляла, что они так чудесны. Она держала его руки на животе, не пуская на грудь.

На них обратил внимание пожилой иностранец и перевел камеру с Лужников на ее лицо, на котором алели пятна первой, еще девственной чувственности.

Они не заметили, как солнце заволокло тучами, как голубое затянуло серым, и очнулись только когда на них упали первые капли дождя. После поцелуев, как после сна нужно время, чтобы вернуться к действительности. Они оглянулись. Смотровая площадка быстро пустела. Торговцы закрывали свои лотки пленкой.

Дождь превратился в поток. Зудин схватил ее за руку и они побежали к деревьям. Они стали под дерево, но листва только распустилась и была слабой защитой от дождя. Зудину было нечем ее укрыть. Ее продрогшие груди смотрели на него через мокрое платье.

Дождь кончился также неожиданно, как начался. Они промокли до нитки; на ресницах дрожали капли воды, они улыбались и тянулись друг к другу мокрыми лицами. Он прижал ее к себе, чтобы хоть немного согреть, и услышал ее юное сердце.

— Пошли. Пора.

— Пошли, — кивнула она.

Он взял ее за руку, и они пошли к высотке. Солнце засверкало в молодой зелени и в мокром асфальте. Они шли прямо по лужам и держались за руки. Дождь сделал их словно нагими, одежда прилипла к телу, но они не чувствовали холода.

Зудин проснулся от того, что в ванной шумела вода. Ромашка уже проснулась. Он открыл глаза. Спальня была наполнена интимным полумраком, шторы опущены. Ромашка вернулась в спальню и включила телевизор. Было приятно смотреть на ее утреннюю красоту, укутанную в махровый халат. Она села на край кровати и стала собирать волосы к затылку, двигая круглыми локтями, собрала и заколола в хвост. Края халата оттопыривались, оголяя ее свежее блестящее тело.

Ему захотелось. Она нагнулась, разглядывая свои ноги. Он схватил ее и повалил на себя.

— Пусти!

— Я хочу тебя...

Она поправила халат и посмотрела на него. Он взял ее руку, которая показалась ему безвольной.

— Я боюсь, — сказала она.

— Чего?

— Что ты изменился ко мне.

— С чего ты взяла?

— Из-за нее.

— В смысле?

— Мы же...

— Стой, — он откинул с себя одеяло, сел и, положив локти на колени, сцепил пальцы. — Она что-то для тебя значит?

— Ничего. Абсолютно. Это было просто...

Он закрыл ей ладонью рот.

— Просто эксперимент. Она игрушка. Как вибратор.

— Да, — она легла ему на плечо, обняла.

— Есть только ты и я. А остальное, это как приспособление. Без чувств. Понимаешь? Если у нас есть какая-нибудь фантазия, почему бы это не попробовать? Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Да, — прошептала она, прижимаясь к нему.

У Зудина было много женщин, но ни одна не давала ему таких эмоций. С Ромашкой он будто проваливался во времени. Начинили с нежности. Прикосновения и поцелуи. Они не думали, что они два совершенных творения, а просто знали, что красивы и верили в красоту того, что делали. Ее прекрасные глаза затуманивались, веки опускались, а его — распространяли свой холодный свет по ее лицу, по всему телу. Их поцелуй был таким, словно они пили друг из друга, припав устами к устами, утоляли жажду, лобзая горлышко сосуда. Ее прекрасное лицо розовело, она снимала трусы, задирала платье и раздвигала свои роскошные бедра, словно разводной мост. Каким же совершенным было у нее тело.

Она ложилась на белую простыню как рельефный мазок на загрунтованный холст, и простыня впитывала влагу, сочащуюся из пор. Он блуждал по ней руками, мучил прикосновениями, перебирая ее чуткие струны. Ее матово-розовые соски собирались в бутон, кровь бурлила под кожей и неслась к стремнине. Зудин так ее распял, что она

совершенно не контролировала себя, двигала своими объемными бедрами, как будто у нее там все чесалось, и ворочалась, подчиняясь инстинкту, который руководил ее телом и ставил ее в позу, наиболее удобную, чтобы принять самца. Она раскрывалась, сочась тяжелой влагой, и они соединялись и дергались в конвульсиях, превратившись в два простейших спаривающихся организма.

Он вторгался в нее, наполняя ее и растягивая, и яростными толчками пытался отвоевать в ней еще больше места, ставил ее на грань боли и наслаждения. Она обхватывала его своими прекрасными конечностями, вонзаясь ногтями в напряженную спину. Он погружал ее в наслаждение, едва позволив вынырнуть, утягивал снова на дно, и она тонула, задыхалась и захлебывалась, чувствуя, как по ней прокатывается волна за волной.

Потом они остывали, скользкие, еще летающие где-то высоко-высоко и постепенно приземляющиеся, он быстрее, она медленнее. Когда их дыхание выравнивалось, он шептал ей в ушко, щекоча губами. Ромашка блаженно улыбалась и потягивалась, выползая из-под него.

Они лежали в дымке тающих ощущений, потом он дотрагивался до нее, и все начиналось снова. Они истязали друг друга, не думая о завтрашнем дне и вообще ни о чем, пока не обретали ощущения пустоты. Потратив последние силы, они оставались в измятой постели, уставив глаза в темный наполненный вселенским покоем потолок.

Зудин не испытывал угрызений. Ведь не он гнал ее пастись на луг с блудливой травой. Сама пошла. Он просто не остановил. Но и в стороне не остался, пошел с ней. Больше не хотелось ее выгуливать, хотелось смотреть, как она отдается разврату, красивая, здоровая, молодая удовлетворяет себя при помощи какого-нибудь дикого извращения, которое не совместимо с красотой, а идет наперекор ей, как смерть — жизни. Ведь порок — это и есть умерщвление себя, только с удовольствием, как открытие вен в горячей ванной.

Стоило Ромашке округлить губы и ему тут же хотелось дать ей в рот, засунуть член в нее по самую глотку, как во влагалище; чтобы она сосала, двигая головой и зажмуриваясь от удовольствия. А потом кончить, пуляя ей в горло жирными каплями, и видеть как они стекают на язык с ровных ослепительно белых зубов. Когда он это делал, он хватал ее за голову и финишировал короткими кроличьими движениями, согнувшись пополам, добирая последние самые вкусные мгновения.

Почему это медленное самоубивание так возбуждает? Почему вместо любви к этой Красоте, выкроенной по идеальным лекалам, которая нуждается лишь в последней эмоциональной точке, хочется страсти — долгого изнурения, которое лишь манит удовольствием, а на самом деле только дает короткие передышки и изнуряет, изнуряет, изнуряет... Свежего мяса нам мало, нужна приправа.

Он сравнивал ее с Ольгой. Они стояли друг друга, но между ними была огромная разница. Одну он окрасил в белое, другую в красное. Он взял уже свое от Ромашки и должен был оставить ее. Оставить... Выбросить, как пустую бутылку, из которой пил не один он, но никто не напился, а только узнал жажду. Но выбросить было жалко. Хотелось спрятать ее и хранить, красивую недопитую бутылку, и держать под рукой, чтобы доставать и любоваться, вертеть в руках, нюхать и по глотку отпивать.

Ромашка открыла глаза и села. Утро казалось волшебным. Чистый как хрусталь свет лился в окно. С улицы доносились звуки проснувшегося города. Она сбросила одеяло, опустила ноги на пол и потянулась. Он пошевелился, почмокал во сне губами. Она оглядела его длинное мускулистое тело, круглые, покрытые пушком ягодицы, и накрыла, как

укрывала ее мать, с головой, оставив одно лицо. И засмеялась, таким смешным он казался.

Ее съемная квартира со старой безвкусной обстановкой и в конце разбитым диваном, была для нее как эдем. Весь мир, который смотрел на нее в окно, казался рожденным только что, вместе с весенним утром, появившимся на свет для нее с Зудиным. Она посмотрела на скомканное кулем одеяло и поняла, как это хорошо — любить, как хорошо быть женщиной, самой счастливой женщиной на свете.

Она чистила зубы и смотрела на себя в зеркало. Даже такая, еще неумытая, непричесанная, немного опухшая со сна, она была безумно хороша. Круглые груди с пухлыми сосками были свежими как у девушки-подростка. Талия и плоский живот были безупречны. Ей пришла мысль, что неплохо бы им с Романом пофоткаться. Нет, лучше видео. Тогда надо пригласить профессионала. А почему нет? Если есть что показать? Снимают же видео подружки. А ей, как говорится, сам Бог велел.

Она оделась, расчесала и заплела в косу волосы. Коса была не длинной, но толстой. Ромашка отправилась на кухню, чтобы приготовить завтрак. Но первым делом она должна была выпить кофе. Она включила чайник, надела резиновые перчатки и принялась мыть оставленную с вечера посуду. Когда чайник закипел, она сделала кофе и выпила его, глядя в окно и шлепая тапочком в такт с доносившейся с улицы музыкой.

Она стояла у стола и резала помидоры для салата. Вдруг ее грудь оказалась в мягких тисках. Она испугалась, но только на миг. Это были привычные тиски его рук. Он обнял ее собой как ладонью, прижался к ее щеке небритой щекой. Она выронила нож, съежилась от удовольствия. Он целовал ее лицо, ухо, шею, и мямлил ее податливое тело, пробираясь по нему длинными пальцами.

Она почувствовала, как тяжелеет ее низ и слабеют колени. Его рука взяла ее между ног, и сжала, как будто хотела нащупать пульс. Кровь прихлынула вниз живота. Зудин старательно мямлил ее раздвоенный плод. Она оперлась на стол, выставив крутой зад с пятном свежей влаги на трусах. Он стянул их, и, едва коснулись друг друга их оголенные провода, как она провалилась в волшебную коловерт, и полетела по разрастающимся кругам, сотканным из самых душистых цветов, в брызгах звенящей родниковой воды, умчалась в бездну.

Он гасил ее пылающий факел, но, когда она обессилела, угли еще алели. Он смел со стола порезанные овощи, и положил ее на спину, задрал ноги — две прекрасные мачты, — опустился перед ней и стал целовать. Ромашка думала, что ее нет, что она — это тело, созданное для наслаждения. Тело живет своей жизнью, само руководит собой, сводит и разводит ноги, сжимается и разжимается, бесстыже и естественно...

Глава XII (окончание)

Ромашка и раньше иногда смотрела Дом-2, а теперь стала смотреть постоянно, особенно когда оставалась одна. Ей ужасно хотелось, чтоб на Доме все были счастливы, чтобы парни и девушки, пришедшие на Дом, нашли там свою любовь. И переживала, когда у кого-то не получалось, когда они ссорились. Теперь, когда у нее был Роман, она поняла, что сделать друг друга счастливым совсем нетрудно. Надо просто любить.

— Ты не сосала никогда? — спросила Гозиас Кальметову. — Зачем ты живешь?

Кальметова растерялась, стала оправдываться, но даже не пыталась возражать. Кристина Дерябина хохотала.

Ромашка вдруг все поняла. Слова Гозиас резали слух, но только потому, что прозвучали в эфире. Также выглядел бы и секс в эфире. Но в жизни — это самое прекрасное, что связывает людей. Это любовь. Гозиас сказала предельно откровенно, грубо. Но в ее словах было признание. Да! Да! Тысячу раз да! Люди живут для того, чтобы любить, ведь только любовью можно сделать человека счастливым. Она поцеловала бы сейчас Гозиас за то, что она так просто открыла ей вселенскую истину. Она расцеловала бы всех девчонок на Доме, потому что ей ужасно хотелось, чтобы все были счастливы как она.

Зудин лежал, по-богатырски раскинувшись на постели и смотрел, как Ромашка расчесывает волосы. Она сидела на краю кровати и водила рукой по золотисто-пшеничному потоку волос, выставив круглый локоть. Большая и совершенная, будто выбитая из мрамора рукой Микеланджело. Она почувствовала его взгляд, и обернулась, не прерывая работы.

— Знаешь, с тобой я чувствую себя счастливой и свободной, — тихо сказала она.

— Я рад.

— Я переживала из-за той поездки в клуб. Но теперь вижу, что напрасно, — она улыбнулась. — Яну было бы не правильно считать моей фантазией, это был экспромт. Все получилось неожиданно, поначалу я даже избегала ее, если помнишь. Сама я никогда о таком не мечтала.

— Но потом тебе понравилось.

Она улыбнулась и покраснела.

— Я просто приобрела опыт. Ты был прав, это, действительно, как попробовать новую позу.

— Ну и как новая поза?

Она медленно кивнула.

— Здорово?

Она ответила глазами и покраснела еще гуще.

— Но я не собираюсь иметь такие встречи на постоянной основе. Она доставила мне удовольствие, но больше я не хочу ее видеть. Я допускаю что-то подобное в будущем, но только эпизодически. И если ты будешь не против.

Она говорила так, словно речь шла о том, как провести выходные. Он улыбался.

— Мне не нужна женщина, мне нужен мужчина. Такой как ты. Я поняла это с тобой.

Ее лицо изменилось. Неожиданно для себя Ромашка пробудила в себе желание. Она встала на четвереньки и, глядя ему в глаза, подобралась к нему, легла, положив голову на его живот, и потрогала его двумя пальчиками, помяла, погоняла кожу, побуждая его к

активности, словно потрясла спящего за плечо, и тот разлепил глаз и приподнялся. Она накрыла его рукой и поставила на нее подбородок.

— Ты разбудил мою женственность, — она загадочно посмотрела ему в глаза. — Мне с тобой очень хорошо. Волшебно. Но у меня есть одна маленькая фантазия.

Он поднял бровь.

— Иногда мне хочется, чтобы ты раздвоился...

— Извини, но я не в силах воплотить в жизнь эту фантазию, — улыбнулся Зудин.

— Я хочу попробовать с двумя мужчинами, — произнесла она в лоб, словно выхватила пистолет; она сказала это тем же тоном, что и все предыдущее, и этим обезоружила его.

Она почувствовала ладонью, которая лежала на нем: яд подействовал. Это было ответом с его стороны. Он улыбнулся в первый раз для нее капельку смущенно. Она покраснела.

— Тебя это возбудило, — сказала она.

— Да, — прошептал он.

— Это так классно, — сказала она изменившимся голосом.

Ромашка так возбудилась, что тронь ее, и она бы взорвалась. Она убрала из-под щеки ладонь, повернулась лицом вниз и открыла рот.

Зудин был не в состоянии заниматься делами, не хотел и не мог думать о фирме, вообще ни о чем кроме женщин. На работе жаловался, что болит голова. Но сотрудники видели, в каком месте засела его болезнь. Это раздражало, было стыдно. Но только перед ними, не перед собой. Похоть поставила ногу ему на грудь, он поднял белый флаг.

— Сань, зачем колоть, когда их целая поленница? — спросил Зудин

— У меня на природе всегда столько дури, что не знаю, куда ее направить! — Сашка выдохнул, и березовое полено разлетелось на две половины. Он выпрямился, перекинул колун из руки в руку. — Вообще, полезно размяться на свежем воздухе. Сам попробуй.

— Я лучше на тебя полюбуюсь.

Зудин сидел на крыльце островерхого бревенчатого дома, напоминающего терем. Здоровый парень в рубахе с закатанными рукавами колот дрова. В его широком русском лице и во всей фигуре было что-то поистине богатырское. Каждый раз, когда Сашка опускал колун, волосы падали на лицо и закрывали глаза. Прическа Сашки очень шла ему, прямые русые волосы чуть-чуть не доходили до плеч.

Ветер зашумел в вековых липах перед домом, затрепетал в молодой листве, словно воробьиная стая. Ромашка бродила по саду, засунув руки в карманы короткой белой куртки. На ней были спортивные брюки и кроссовки, волосы были заплетены в косу. Она постояла возле большой приземистой бани, выполненной в таком же полусказочном стиле, что и дом, и пошла к мужчинам.

Зудин встал и потянулся. Он был в спортивной куртке и голубых джинсах.

— Как тебе здесь? — спросил он.

— Чудесно! Такая милая деревня... Я немного прошлась, в воздухе столько свежести, дышится совсем по-другому. — Она вздохнула. — У нас тоже был дом в деревне в Ивановской области, только не такой как этот, а обыкновенный, там жила бабушка. Огород, коза, куры. Я очень любила ездить к ней на лето. Там так красиво. Сирень под окнами. Скоро будет цвести, какой аромат... А когда бабушка умерла, дом продали. Я очень скучаю по нему. — Она повернулась, посмотрела в сизую даль за яблонями. — Спасибо, что вытащил меня сюда.

Зудин обнял ее. Она прижалась к нему бедрами и подставила губы для поцелуя. Березовый чурбан крикнул под сашкиным колуном. Они повернулись.

— Ему бы косоворотку и штаны в полоску — вылитый былинный богатырь, — улыбнулась она.

Сашка как-то странно заморгал, толи от ее сияющей красоты, толи от тепла, которым она так неожиданно поделилась. Он стоял с тяжелым колуном в руке, расправив плечи, и смотрел на нее, спрятав за упавшими на глаза волосами благодарный взгляд.

— Когда я тебя увидел, я сразу понял, что делать тебе комплимент — глупо. Понятно, что ты их слышала больше, чем любая другая. Ромка говорил, что ты красивая, но, чтобы настолько... — Сашка развел руками.

Он сказал это с душой, ее щеки порозовели.

— Спасибо.

— Не думал, Сань, что ты расквасишься, — засмеялся Зудин.

— Это самый изысканный комплимент, — сказала Ромашка.

— Побольше выдержки, старина, — продолжал Зудин.

— Рома, хватит!

Она ушла в дом и через минуту появилась на крыльце в телогрейке, подворачивая рукава.

— Тебе идет, — улыбнулся Зудин.

— Идет телогрейка?

— Мы все здесь ходили в телогах, и девчонки, и парни.

— Ты очень русская, — сказал Сашка, с трудом отведя от нее взгляд, и стал собирать поленья.

Ромашка прошлась, покачивая бедрами, взяла упавшую на грудь косу и откинула назад. Мягкие трикотажные брюки липли как родные к широким бедрам. Сашка скользнул по ней взглядом. Улыбка тронула ее губы. Она взглянула на Зудина, словно спросила разрешение, и снова на Сашку.

— По-моему, он втюрился в тебя, как мальчишка, — сказал Зудин.

Ромашка засмеялась, от души, сверкнув крепкими ровными зубами, и снова пошла гулять по саду. Ей было хорошо, дыхание весны, много воздуха, ненавязчивое внимание двух мужчин... Сашка, с которым Ромашка познакомилась два часа назад, был впечатлен. Зудин постепенно распалялся желанием. Она была веселой и бодрой, держалась так, словно один из них был ее брат. Казалось, они с Сашкой давно знакомы.

Когда баня была готова, Сашка объявил, что пора раздеваться, и ушел в дом. Зудин и Ромашка взяли сумки и направились в предбанник. Зудин быстро разоблачился и сел на лавку, выставив угловатые в коленях и локтях конечности.

— Так и будешь сидеть? — спросила она.

— А что? — он почесал в бритом паху.

Ромашка разделась до трусов и обернула поверх груди простыню, свернула косу и заколола на затылке. Зудин с удовольствием поглядел на ее круглые локти и впадины подмышками.

Пришел Сашка. Он как будто нарочно дал им время раздеться. Он быстро сбросил рубаху и спортивные штаны, оставшись в длинных узких трусах. Сашка был пониже Зудина, но шире в плечах и массивнее, от шеи до голеней в выпуклых и рельефных мышцах. На груди и спине у него были татуировки.

— Саш, тебе только палицы не хватает, — улыбнулась Ромашка.

Зудин заметил, что она довольно внимательно разглядела его.

— Саш, что означают твои татуировки? — спросила она.

— На груди коловрат — символ древних славян, а на спине бог Перун.

— Сашка язычник, — сказал Зудин.

— Да? — удивилась она.

— Это мои боги. — Он повернулся к ним лицом и расправил грудь.

— Поэтому у тебя и дом и баня в таком стиле?

— Да, — Сашка улыбнулся широким лицом. — Ну, всем легкого пара!

В парилке Зудин и Ромашка сразу сели. Она сняла с себя простыню, свернула и положила под попу. Сашка плотоядно посмотрел на ее грудь.

— Ой, а чем это так волшебным пахнет? — спросила она.

— Эвкалиптом.

Ее ровная кожа покрылась мурашками, соски встали, словно он дотронулся до них холодными пальцами. Сашка схватился за ковшик, будто в нем было спасение, плеснул на камни.

— Для первого раза недолго, — сказал он.

Когда они вернулись в предбанник, он налил всем пива. Ромашка снова завернулась в простыню, ее лицо порозовело. Сашка отпил несколько глотков и вышел покурить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как тебе Сашка? — спросил Зудин.

— Классный.

— Я хотел, чтобы он был в твоём вкусе.

— Ты угадал. Мне нравятся такие, как ты или он. Не люблю дохлых. А чем он занимается?

— Стриптизер.

— Прикольно, — улыбнулась она.

— И трахает баб за деньги.

— Типа проститутки? Это ужасно! Трахать за деньги какое-нибудь страшилище или старуху, это недостойно мужчины.

— Его клиенты исключительно красивые женщины. И, разумеется, состоятельные.

— Это на их деньги он отгрохал такую избу? — усмехнулась Ромашка. — Красивым не надо платить, чтоб их трахали. Им самим платят за это.

— Просто мало кто умеет это как он.

— А ты откуда знаешь?

— Мы друзья.

— Наверное, вы с ним на этом тапчане оттрахали целую кучу баб, — в ее голосе проскользнула обида.

— Я не оказывал ему помощь на этом поприще, — Зудин отвечал на колкие вопросы не задумываясь, твердо и четко, его глаза стали холодными.

— Честно? — ее обида прошла, холод голубых глаз снова безумно притягивал.

— Я не сплю с женщинами за деньги. Деньги у меня есть и так, а для отношений мне нужны чувства.

— Знаешь, мне неловко. Как будто я тоже должна заплатить.

— Прекрати. Сегодня не тот случай. Ты же видишь, как он на тебя смотрит, ты вскружила ему голову, — он взял ее за плечи и повернул к себе. — Я уверен, что у него не было такой девушки как ты.

Зудин лежал на животе, вытянувшись на полке во весь рост, и тяжело дышал. Ромашка сидела на нижней полке. Сашка двумя вениками плавными движениями гонял по парной воздух. Горячие, но не тяжелые волны накатывали на их тела. Ромашка откинулась к стенке и закрыла глаза. Было и тяжело и хорошо. Сашка шаманил над Зудиным, двигая вениками от затылка до пят.

— Хорошо... Ох, хорошо, — бормотал Зудин.

Она вышла из парной и сразу на улицу и захлебнулась свежестью. Тело наполнилось легкостью и томлением. Она поправила на груди простыню и посмотрела вокруг. Птицы щебетали со всех сторон, а человеческих голосов было не слышно. Дома казались пустыми, только откуда-то тянуло дымком. Прохладный весенний вечер таял над землей, как туман. Пряная земля дышала. Ромашка улыбнулась.

За дверью послышались голоса мужчин. Красный, с прилипшими листьями, Зудин вышел на улицу. Его мускулистая распаренная спина блестела. Он прошлепал мимо босыми ногами, поднял ведро с водой и вылил на себя.

— Брр! — посмотрел на нее ошалелыми глазами и засмеялся.

— Я тоже обольюсь! — крикнула она, — только после парилки!

Она прошмыгнула в парилку. В предбаннике Сашка наливал пиво. Когда Зудин, блаженный от удовольствия, плюхнулся за стол, Сашка спросил:

— Почему ты не женишься на ней?

Зудин взглянул на него и тут же спрятал глаза.

— Узнаешь, почему.

Было жарко, но ей было хорошо, она чувствовала, что можно поддать еще. Вязкие, цепляющиеся за кожу капли скатывались по телу. Ромашка дотронулась языком до плеча и ощутила немного солоноватый вкус. Она чувствовала себя очень здоровой, полной сил.

— Поддай-ка, — сказал Зудин. — Теперь ее очередь.

Сашка глянул на Ромашку.

— Давай, — кивнула она.

— Ай, молодца! — Сашка плеснул на камни.

Она сняла простыню, постелила на верхней полке и широкими размашистыми движениями взошла наверх. В горячем тумане проплыли тени по липовым доскам. Сашка успел насладиться видом ее сильных раскрасневшихся бедер. Она блеснула влажными боками и легла лицом вниз, вытянув руки вдоль тела. Крутые ягодицы расслабились.

— Снимай трусы-то, — сказал Зудин.

— Да, лучше снять, — согласился Сашка.

Он застыл в ожидании с вениками в руках. Зудин тоже смотрел на нее. Она оттолкнулась руками от полки, села и, качнувшись влево-вправо, сняла трусы. Она сделала это, не поднимая глаз, как будто была в парилке одна, без смущения. И все же в ее мнимом и молчаливом одиночестве, в ее движениях, в опущенном лице, в сдвинутых коленях можно было заметить стыдливость.

Ромашка легла. Сашка отчаянно посмотрел на ее крутые ягодицы и взмахнул вениками. Пошел жар. Она спрятала голову и руки под войлочной шляпой. Ее блестящее тело поплыло в пару. Сашка тряс вениками, и вместе с вениками трясся сам. Пошли ядреные шлепки.

— Так ее, так, — улыбался Зудин.

Когда Сашка опустил веники, Ромашка перевернулась, неуклюже, как сонная или беременная, и закрыла глаза. Сашка посмотрел на ее набухшее тело, на розовые соски, на широкую полосу волос на лобке. Все в ней было совершенным, от лица до этой поперечной светло-русой полосы. Он не знал, как к ней подступиться.

Сашка хлестал ее и сам задыхался от жара. Она упорно терпела, поджимая обожженные горячим воздухом губы. Но когда перед глазами у нее поплыли круги и зрачки ушли под веки, он остановился. Ромашка пошевелилась, он бросил веники и помог ей подняться. Даже оказавшись на улице, она не сразу пришла в себя. Зудин обдал ее из ведра колодезной водой.

— Б...!

Она вскинула на него глаза, словно хотела ударить. С ресниц падали капли, от тела шел пар. Ромашка стояла в весеннем саду, как бы недоумевающая, горячая и скользкая, словно рожденная из прибоя. Зудин захохотал, взял ее за плечи и увел в предбанник. Он обернул ее простыней, усадил за стол. Она сидела, закрыв глаза. Он поднес к ее губам кружку пива, но

она отвернулась.

— Потом.

Зудин ушел в парилку. Ромашка услышала шипенье воды на камнях, шлепки вениками и затем кряхтенье. Зудин парил Сашку. Мысли были как полежавшее в воде мыло, от этого на все было наплевать. Ромашка открыла глаза, сделала усилие, чтобы поднять руку, и выпила махом полкружки. Блаженство, как от прикосновения мужчины, наполнило ее всю до краев.

Сашка выскочил на улицу, послышался плеск воды и ядреное «Ухх!». По ногам пополз холод.

— Пойдем, я тебе массажик сделаю, — сказал Зудин.

— Потом. Мне так хорошо. Всю жизнь бы так сидела.

— Пойдем, еще лучше будет.

— Лучше некуда.

Все же он увел ее. Ромашка сидела, закрыв глаза, а он тер ее мочалкой со всех сторон, сразу всю. Она с покорностью принимала его омовение. Он окатил ее водой и стал гладить голыми руками, по спине, по бокам, по ногам, между ног. Она двинулась вперед и развела ноги, чтобы ему было удобней.

Зудин расправил на полке простыню и положил Ромашку на спину. Она снова закрыла глаза. Он выдавил на ладони крем и стал намазывать ее тело. У нее приятно защекотало в носу от запаха крема. Большие властные руки заскользили по ней, Ромашке захотелось. Ей сделалось необыкновенно хорошо, голова отключилась, остались только тело и кайф. Зудин мял ее, щипал, оттягивал кожу, двигал холмы ее ягодиц, сдавливал и проминал каждую мышцу.

— Перевернись.

Ромашка перевернулась, и он продолжил работу над ее мышцами, взял ее руку и стал проминать каждый мускул под кожей, каждое сухожилие, каждый сустав. До ломоты проработал ладонь и пальцы. Потом то же самое с другой рукой.

Он взял ее всей пятерней между ног. Ромашка почувствовала его пальцы, желание поднялось, как тепло от уголька, на который подули. Она открыла глаза, посмотрела на него, нависшего над ней как утес, потрогала его член, и желание сделалось сильным. Она села, разомлевшая, подняла на него глаза и убрала с лица прилипшие волосы. Ромашка смотрела так, словно стояла перед Зудиным на коленях, потрогала его снова, взяла в кулак и потянула, ощутила, как он растет, и улыбнулась.

— Дай крем.

Она намазала его, а когда он встал, стала мазать и все остальное, тиская и перебирая пальцами его корнеплодную гроздь, набухшую и унавоженную ее заботливой рукой. Ромашка любила наблюдать, как у него встает.

Зудин сел, она закинула на него ногу, направила рукой и погрузила на него свое отяжелевшее разгоряченное тело.

Когда они вернулись в предбанник, на столе уже дымился шашлык, сверкали красные и зеленые дольки нарезанных овощей. Ромашка медленно, словно розовое облако, проплыла мимо стола и начала одеваться. Сашка жевал и, не мигая, смотрел на нее.

— У тебя листик к ноге прилип, — сказал Зудин.

— Где? — она картинно повернулась и посмотрела на себя через плечо.

— Под попой.

Она взяла себя за одну ляжку, потом за другую.

— Чего ты мелешь!

— Я — для Сани. Твои ноги сводят его с ума.

— Саш, ты чего? — улыбнулась она.

Сашка кивнул и заулыбался еще шире.

— Они же толстые, — Ромашка надела трусы и повернулась перед ним, показывая себя со всех сторон.

— Они идеальны, — сказал Сашка. — Ни у одной девчонки я не видел таких.

— Нет, у меня слишком широкие бедра, и жопа здоровенная. Мне надо похудеть.

— Ты лучше всех, — Сашка помолчал и неожиданно закончил. — У тебя должно быть много детей.

Зудин засмеялся.

— Я серьезно, — продолжал Сашка. — В тебе такая порода, что ты просто обязана ее продолжить.

— Да, порода у меня есть. Мой прадедушка был купец. Аким Иванович Баринов, — сказала она.

— Ты тоже Баринова? Купчиха! — сказал Зудин и все трое засмеялись.

Она так и села за стол с голыми ногами, в трусах, свитере и носках. Уже за столом расчесала волосы и собрала в хвост. Зудин оделся и сел с другой стороны, чтобы она была между ним и Сашкой.

— Дай руку, — попросил Сашка.

Ромашка протянула ему руку, голую до локтя. Он взял ее в свою ручищу как в чашу, как будто собирался гадать, и провел по ней пальцами, перевернул и поводил по тыльной стороне ладони, по пальцам с крепкими, покрытыми красным лаком ногтями.

— У тебя будут прекрасные сыновья. У тебя не бледная ручка с синими жилками и тонкими пальчиками, а красивая по-женски сильная рука, от нее веет теплом и здоровьем. У женщин с такими руками рождаются рослые и здоровые сыновья, — сказал Сашка.

Он поднял рюмку, Зудин и Ромашка тоже взяли за рюмки.

— За богатырей и их матерей! — Зудин выпил, запрокинув голову.

— За тебя, Ромашка! — Сашка вылил в рот содержимое рюмки, не сводя с нее глаз.

— Спасибо, ребята! — она тоже выпила и зажала рот тыльной стороной ладони, на глаза выступили слезы.

— Занюхай! Занюхай! — Сашка и Зудин совали ей в нос черный хлеб и шашлык.

Ей стало горячо в груди, тепло пошло по всему телу, она съела кусок шашлыка и засмеялась. Ей было очень хорошо.

Глава XIII (окончание)

Ромашка не чувствовала себя пьяной и хорошо помнила, как они перешли в дом, в просторную комнату с низким потолком и большой кроватью. У Ромашки было ощущение, как будто она смотрит на себя со стороны, как будто все происходит не с ней. Кровать была застелена, пахло деревом и чистым бельем. Сашка включил ночник, похожий на гриб, и комната наполнилась мягким желтовато-коричневым светом. Четкие очертания имело только то, на что был направлен взгляд, остальное тонуло в загустевшем по углам мраке.

Ромашка была благодарна им обоим за заботу, и все же испытывала стыд. Она села на кровать и стала раздеваться. Зудин помогал ей. Она видела, что его руки дрожат. С ним так бывало, когда он хотел очень сильно.

Зудин раздел ее до гола. Ромашка сидела, уронив на колени руки, щурилась на желтый свет и улыбалась. Она видела, что Зудин и Сашка тоже немного волнуются. Растерянность Ромашки и нерешительность мужчин, которые смотрели на нее и снимали с себя одежду, делали этот момент похожим на жертвоприношение. Как будто омовение в бане было нужно для того, чтобы положить ее на ложе-жертвенник, и вырезать внутренности, нарушить связи и сочленения, посредством которых в этом молодом, здоровом и красивом теле присутствует жизнь.

Раздевшись, Зудин стал целовать ее; он как будто извинялся и умолял ее осторожными поцелуями. Сашка был рядом. Теперь на нем были другие трусы, узкие, с неестественно выпирающим спереди комком. Ромашке захотелось потрогать его, но она подумала, что первым должна трогать Зудина. Она взяла Зудина за член, у него был твердый как кол, и стала ласкать его, но смотрела на Сашку. Ей казалось, что у него в трусах батон колбасы, хотелось скорее увидеть, какой у него.

Зудин поцеловал Ромашку в губы, и она закрыла глаза. Сашка на время утонул в старинном мраке своей избы. Зудин целовал ее и гладил по всему телу, а она водила рукой у него между ног. Он сопел, она чувствовала, что сейчас ему станет совсем хорошо, и ей тоже станет совсем хорошо, надо только довериться ему полностью, до конца. Его распаренное тело давило на нее, принуждая лечь на спину.

Ромашке хотелось поиграть, продлить предвкушение, но он повалил ее, развел ноги и придавил собой. Ей нравилось подчиняться его силе. Ее доверие было таким же безграничным как наслаждение. Зудин взял ее за бедра и вошел в нее. Он почувствовал, как конвульсивно сжалось ее тело, обхватив его как моллюск. Зудин ослеп от возбуждения.

Ромашка нырнула в сладострастие как в закипевшее молоко, и оно сомкнулось над ней. Она задыхалась, как будто быстро бежала, и даже не поняла, как у нее вырвалось признание. Зацелованные губы выдали ее.

— Я люблю тебя...

Это был такой миг, когда ей казалось, что все в ней слилось воедино, мысли, душа и тело. И это одно и произнесло эти слова, как будто только для этого соединилось. Ее счастье было безграничным. Она не чувствовала ни капли усталости...

Зудин перестал двигаться, медленно, словно шланг, вытащил из нее член, поднялся и развернул ее. Она снова увидела Сашку. Кровать заскрипела, просев под его тяжестью. Он вырос перед Ромашкой как гора, став на постели на одно колено. Она не видела его лица,

видела только рельефный живот и лопающиеся трусы. Зудин упивался ее красотой, плавными линиями стана, густыми завязанными узлом волосами.

Он видел, как его Ромашка взяла своей красивой рукой Сашку за член, стала мять его через трусы, попыталась оттянуть их, но они оказались слишком узкие. Тогда она засунула руку снизу и вытащила его, как колбасу из сумки. Она обхватила его пальцами, которые едва смыкались на нем, и сжала, как заслуженную награду, а другой рукой оттягивала трусы, оголяя член до основания и освобождая мошонку, чтобы было удобнее.

Ромашка любовалась им и ласкала рукой, улыбаясь от удовольствия и одновременно от стыда. Она ласкала чужого мужчину и чувствовала на себе руки Зудина. Сашка сел перед ней. Она подняла ногу и села на него, почувствовав, как он уперся в нее. Сашка заерзал, стараясь попасть в нее. Она вправила его рукой и медленно, преодолевая дискомфорт, опустила на него свое распаленное тело. Она почувствовала, что с Сашкой плотнее, чем с Зудиным. Было непривычно и хорошо. Сознание заволокло чем-то чудесным.

Она обхватила Сашку за шею и подняла глаза. Ромашка не видела его глаз, они спрятались за упавшими на лицо волосами. Она видела только рот с пухлыми как у девушки губами. Она двинулась вперед и поцеловала его в засос. Он казался ей диким самцом, скрывающим за волосами горящие глаза.

Зудин оказался чуть ли не посторонним. Он положил ей на плечи руки, и она обернулась. Глаза Зудина, ставшие сейчас незнакомыми, смотрели в ее подпрыгивающее лицо. Его пальцы мягко вошли в нее сзади. Потом вошло большое и глубоко. Как же классно он это делал, медленно и не прерываясь. Ромашка почувствовала, будто ее тело ниже пояса уже не принадлежит ей. Ее наполнили сзади и спереди, и двигались в ней, и это было невыносимо приятно. Горячие волны поднимались снизу и распространялись по всему телу. Она будто срослась со своими мужчинами.

Сашка мял ее груди своими ручищами, но Ромашке не было больно, она вся словно горела. Она старалась погасить этот зуд, но он только усиливался. Ромашка почувствовала с двух сторон одновременный толчок и ее пронзила судорога. Ее затрясло и с какими-то несвойственными ей звуками, вырвавшимися из ее горла, она повалилась на Сашку. В одурманенном сознании Зудина запечатлелся ее роскошный зад с безобразной дырой посередине.

Когда Ромашка пришла в себя, она подумала, что секс сделал ее еще пьяней. Она лежала на спине, ей было очень хорошо, хотелось просто разметать руки и полежать, побыть в невесомости, не ощущая никого и ничего, кроме себя. Но руки мужчин не отпускали ее, гладили властно и знающе. Она подумала, как это хорошо, когда твое тело ласкают четыре руки.

Ее поставили на колени. Зудин пристроился сзади. Ромашка готова была замурлыкать от удовольствия. Она подняла голову и хотела обернуться, но что-то уперлось ей в лицо. Она даже не поняла, зачем открыла рот, наверное, просто успев за секунду понять, что хочет этого. Взяла в рот. Ромашке было стыдно открыть глаза, потому, что она знала, что на нее смотрит Зудин. Но ей нравилось то, что она делала. Она задвигала головой.

Ей безумно нравилось, что с ней проделывали. Это был настоящий кайф. Все трое старались, чтобы получить свое. Работа сделалась напряженной. Зудин видел ее красивую спину с ямочками над талией, широкие ягодицы, вздрагивающие от толчков, и лицо, повернутое к нему в профиль. И еще толстый как пивная банка член, который лез ей в рот, направляемый мощными сашкиными бедрами. Ромашка двигала головой, закрыв глаза от

удовольствия. Зудин понял, что ради такого момента он и хотел этого. Возбуждение достигло апогея.

Сашка нажал ей на затылок. Она вдохнула и взяла глубже. Зудин почувствовал, что сейчас кончит. Сашка вынул, поводит по ее мокрым губам, и снова нажал, посильней. Она приняла еще глубже. И подавилась. Зудин четко видел, как у Ромашки конвульсивно отпала челюсть, она вся вздрогнула, и рвотный спазм вытолкнул Сашку из ее глотки. Блестящий от слюны удавоголов застыл перед ее лицом, а она все давилась, изгибая по-кошачьи спину. Как будто у нее кто-то сидел внутри и дергал за внутренности, выражая неудовольствие по поводу того, чем она занималась.

Но главное, — каким не то, что некрасивым, и даже не безобразным, а каким страшным было ее лицо. Ее совершенное по красоте лицо, каким чудовищным оно было — как какая-то птица или рептилия, которой распороли брюхо, и она от боли разинула пасть. Он так явственно это видел, что протрезвел. Так бывает в фильмах про нечистую силу или оживших мертвецов, когда человеческое лицо внезапно превращается в бесовскую харю, или смрадный череп с лохмотьями кожи. Красивыми остались лишь волосы, как будто содранные с Ромашки и прилепленные к голове страшилища.

Ее вырвало. Мышцы выбросили струю отвратительной жижи, попав на Сашку и на постель. Зудин подумал, что Ромашка сейчас напомнила его же собственный член, когда он кончал ей на лицо. Только эмоции были разные. Противоположные. Зудина словно окатили водой. По спине пробежал холод, и сердце сжалось от омерзения, как будто он очнулся в переплетении чешуйчатых тел, копошащихся скользких туловищ. Он понял, что задохнется, если не выберется из-под этой гнили.

Ромашка сидела на постели, зажав рукой рот. Зудин встал с кровати, несмотря на свое шоковое состояние, аккуратно, чтобы не дотронуться до нее — покрытой слизью рептилии. На трясущихся ногах вышел на улицу, глотнул воздуха, словно вынырнул из воды. Было холодно и тихо. По-зимнему мерцали звезды. Но ему казалось, что воздуха нет. Он задышался.

Зудин вернулся в дом, затворил дверь. В спальне горел свет. Ромашка сидела на краю кровати с вытаращенными глазами и открытым ртом. Она выглядела как умалишенная, как будто ее ударили по голове. Шумел чайник. Сашка в шпанах и тапках суетился возле нее. Зудин лег на кровать, отвернулся от них, вытащил из-под нее край одеяла и натянул на голову. Хотелось одного — забыться.

Он слышал, как Сашка, заботливый как мать, что-то приговаривал, успокаивая ее. Потом поил чаем. Ромашка сначала отказывалась и только тихо плакала, потом стала прихлебывать из его рук маленькими глотками. Сашка уложил ее в постель, выключил свет и лег сам. Было душно, Зудину казалось, что пахнет блевотиной. Стало неудобно лежать, и он повернулся. Она коснулась его и попыталась прижаться. Зудину показалось, что она тянется к нему лицом. Как будто ему совали чьи-то тусы. Он резко отвернулся.

Зудин не знал, сколько пролежал в полудреме. Он открыл глаза и уставился в черную стену. Все, что случилось на этой кровати, встало перед глазами. Тяжелое сожаление охватило его. Что это? Совесть? Нет. Просто не для этого он привез сюда Ромашку. Хотелось остроты ощущений, какого-то небывалого удовлетворения. А вместо этого он получил тупую давящую муку и желание провалиться куда-нибудь, где нет муки и духоты. «Бежать из этой норы. Прямо сейчас!» — подумал он.

Мысли, как всадники с ногайками, наскакивали одна за другой и стегали. Зудин испытывал почти физическую боль. Зачем они были здесь втроем, зачем он привез ее сюда, зачем вообще она в его жизни, такая красивая и такая...

Сашка храпел, как перфоратор. Зудин больше не мог выносить духоты. Он отодвинулся от Ромашки, от ее горячего, ставшего словно заразным тела, и слез с кровати. Ощупью в темноте нашел свои вещи, стал впопыхах одеваться.

— Ты куда? — спросила Ромашка шепотом.

— В туалет.

Он вышел на улицу. По небу ползла холодная майская заря. Густой воздух казался тяжелым и плотным. Зудин вздохнул полной грудью. Пар изо рта растворился, словно его и не было. Растворялось бы также то, о чем сожалеешь, подумал Зудин. Он не хотел, чтобы наступило утро и стало светло. Не хотел ее видеть. Если ехать, то сейчас. Отгородиться темнотой, чтобы не встретить ее взгляд. Зудин вернулся в дом. Ромашка сидела на кровати.

— Едем сейчас, — сказал он.

— Что случилось? — ее голос дрожал.

— Ничего.

— Почему сейчас?

— Не хочу здесь оставаться.

Ромашка стала искать свои вещи. Сашка храпел, как ни в чем не бывало.

— Пойду, заведу машину, — сказал Зудин, — разбуди Сашку.

Он сел в машину, повернул ключ. Рейндж Ровер завелся. Не проститься с Сашкой было нельзя, он бы обиделся. На кой черт он его в это втянул? Нашел бы кого-нибудь в интернете, если так приспичило, а после благополучно забыл. А с Сашкой как-никак они были приятели.

Зудин вышел из машины и встретил их на крыльце. Ромашка — с сумкой в руке, с наспех собранными на затылке волосами. Утренний воздух провел по ее лицу холодной рукой, она была растеряна, бледна и, как всегда, очаровательна. Отсутствие косметики сделало ее лицо мягче. Зудину это показалось наваждением; не может девушка с таким ангельским лицом участвовать в групповухе. Нет, может. Она ехидна, оборотень.

Сашка был в штанах и тапках. Он зевнул и убрал с лица волосы.

— Че случилось-то?

— Сань, у меня компаньон из Риги прилетает сегодня в Шереметьево. Я только сейчас

ВСПОМНИЛ.

— Не свести.

— Серьезно.

Помолчали.

— Ну, ладно. Счастливо, — Сашка с кривой ухмылкой протянул руку, Зудин пожал ее. — Пока, Ромашка.

Сашка сказал это с теплотой и задержал на ней взгляд. Она сделала к нему едва заметное движение, как будто хотела поцеловать в щеку, но не решилась, только поблагодарила взглядом. После всего Зудину это показалось даже не отвратительным, а просто нелепым. Он подумал, что с его стороны было бы уместно рассмеяться.

Они сели в машину. Ромашка сунула озябшие руки между коленей, но не попросила включить печку. Она сидела, сдвинув бедра, и смотрела вперед. После того, как весь вечер она только и делала, что раздвигала ляжки и брала в рот, ее зажатая поза выглядела лживо и неестественно. Рейндж Ровер тронулся и закачался на ухабистой дороге.

Они молчали, как будто сзади сидел кто-то третий. Ромашка вздохнула. Зудин делал вид, что ему все равно, но чувствовал, что лицо выдает его. Они выехали на шоссе и помчались к Москве. Серое утро наступало на тьму. Рейндж Ровер мчался быстрее ветра, но в салоне скорость не ощущалась.

— Все нормально? — ей едва хватило дыхания на два слова.

— Да.

Снова воцарилось молчание, но такое напряженное, словно готово было взорваться. Зудин не выдержал и посмотрел на Ромашку, и встретил ее взгляд. У нее было такое лицо, как будто она сейчас закричит, но, вместе с тем лицо было красивым. Оно было прекрасным даже в отчаянии. Только Зудин видел не это лицо, а жабье, давящееся.

Зудина чуть не прорвало. Мучила пропасть между красотой и уродливой разинутой пастью. Как эта пропасть куда-то исчезла? Некуда было деться от этого несоответствия. Стало зябко, и Зудин включил печку. Хотелось сделать Ромашке больно. Только ее боль могла облегчить его боль. Выволочь из машины и таскать за волосы по земле, а потом разбить каблуком ее жабью пасть. И по животу, чтобы дергалась в конвульсиях, как давеча, когда подавилась. Помня, как ее тело отзывалось на удовольствие, наблюдать, как оно отзывается на боль. Заставить страдать, страшно страдать, как при потере близкого человека. Видеть, как боль корежит ее лицо. От этих мыслей стало легче, как от таблетки.

Москва приближалась. Поток стал плотным и вскоре замедлился, а Зудин хотел гнать. Они молчали и этим выдавали себя. Молчание было красноречивее слов. Движение почти остановилось, машины продвигались короткими рывками. Зудин перестроился на обочину, но вскоре и обочину затянула вереница автомобилей. Стало совсем светло. Дым из выхлопных труб поднимался как пар, словно зимой.

-.твою мать! Суббота же! Откуда столько народу! — вырвалось у Зудина.

— Здесь всегда пробки, — пробормотала Ромашка.

Он чуть не врезал ей наотмашь, чтобы заткнулась.

— Не говори ерунду.

Разве это он сказал? Ведь он не собирался ничего говорить. Зудин взглянул на нее. Ромашка молчала, схватив на горле ворот куртки смуглыми пальцами с ярко-красными ногтями. Вчера эти пальцы держались за сашкин член, им нравилось трогать такой здоровый член, гонять на нем шкуру. Зудин глянул на дорогу и опять на нее. Ему показалось, она

сейчас раскроет рот и заговорит. Они встретились глазами. Он почувствовал толчок.

—..твою мать!

Он не успел затормозить и стукнул Тойоту-Камри, которая шла впереди. Он включил аварийку и вышел. Из Камри вылез невысокий кавказец.

— Ты что, ездить не умеешь?

Зудин приготовился к драке.

— С кем не бывает! Извини.

Кавказец подошел, посмотрел на бампер. Зудин протиснулся между машинами и наклонился. На Рейндж Ровере чуть погнулся номерной знак. На бампере Камри рядом со знаком была царапина.

— Вот, — провел пальцем кавказец.

— Это ерунда. Это и тысячи не стоит.

— Смеешься? Ты же видишь, машина дорогая, как говоришь — тысячи не стоит!

— Не такая уж дорогая.

— Тебе это Жигули, что ли? — кавказец начал закипать.

— Ладно, давай — трешку и — по рукам?

— Смеешься? Все, я гаишников вызываю.

— Ладно — пятерка.

Кавказец уставился на него. Теперь Зудин начал злиться.

— Ремонт тут не нужен. Если не присматриваться, ничего не видно. Просто, так как я не прав, я предлагаю тебе пять штук. Я считаю это справедливым в данной ситуации.

— Ладно, договорились, — кавказец скривился, словно делал одолжение. — Просто я опаздываю.

— Бумага есть? Расписку написать.

— Нет.

Зудин вернулся в машину, открыл бардачок. Ромашка поджала ноги.

— Надолго?

Он не ответил, взял бумагу и вышел. Когда кавказец написал расписку, Зудин прочел ее и отдал деньги.

— Ладно, давай аккуратно ездил, — кавказец протянул руку.

— Пошел ты... — Зудин направился к своей машине.

Кавказец что-то выкрикнул, хлопнул дверью.

— Уже все? — удивилась Ромашка.

Зудин тронулся и перестроился влево, чтобы объехать Камри.

— Все нормально?

Ее показное участие выглядело по-идиотски. Зудин снова закипел. Кавказец на Камри отвлек на несколько минут, и вот все вернулось.

— Вы договорились? — похоже, она, во что бы то ни стало, решила не молчать.

— Да.

— Ты дал ему денег?

Зудин кивнул.

— Сколько?

— Пять тысяч.

— За что? — возмутилась она. — Чурке какому-то!

— Чурке? Кто бы говорил! — заревел он, — сама-то давно из-под такого вылезла? Ты

же только под такими и была!

Ее лицо сморщилось и застыло в этой гримасе, как будто у нее остановилось дыхание. Зудин смотрел на Ромашку, видел, как она разродилась болью, которой с утра не могла разродиться. Он обрадовался как ребенок. Глянул на дорогу и опять на нее, стал бросать в нее слова, словно тыкать рогатиной.

— Ты же тварь. Конченная. Тебя только в бытовку гастарбайтерам.

— Ты же сам пригласил... — пролепетала она.

— Да кто б тебя приглашал, если б ты нормальная была! Купчиха... твою мать! Мразь ты!

— Останови! — закричала она. — Останови машину!

Зудин резко перестроился и остановил.

— Пошла вон, тварь!

Ромашка пыталась отстегнуть ремень. Ему хотелось ударить ее кулаком в лицо. Ее движения были отчаянными, словно машина тонула. Наконец, дверь открылась. Зудин толкнул ее в плечо, которое показалось ему не по-женски неподатливым. Она качнулась, но не упала, вышла и оставила дверь открытой, и смотрела на него. Он увидел ее сумку на заднем сиденье, хотел швырнуть в нее из машины, но этого показалось мало. Зудин выскочил из машины, подошел к Ромашке и с силой швырнул сумку ей в лицо. Она вскрикнула, голова откинулась, она шагнула назад, но не упала.

— Мразь! — выдохнул он.

Люди с интересом, как зрители в зале, наблюдали из машин захватывающий момент. Зудин никогда не был таким, никогда не выходил из себя. Он знал, что ужасен, но хотел быть таким. Его сердце купалось в ее унижении. Он чувствовал себя так, как будто раздавил мерзкое насекомое, выдавил каблуком внутренности.

Зудин нажал на газ и посмотрел в зеркало. Он видел, как Ромашка упала на колени и уронила лицо в ладони.

Пока Зудин доехал до Москвы, он еще дважды едва не стал виновником аварии. Всю дорогу он не мог избавиться от дум о Ромашке и тупого желания заставить ее страдать. Это желание было мучительным как жажда, и сладостным, словно он чесал там, где чесалось. Он вспоминал, какой уничтоженной она была, когда он вышвырнул ее из машины, и упивался ее унижением, и досадовал, что сделал ей недостаточно больно.

Хорошо, что был выходной. Он не смог бы работать. Дома Зудин выпил полбутылки коньяка, не раздеваясь и не садясь, кромсая кусками колбасу и хлеб, и опрокидывая рюмку за рюмкой. Отлегло. Он разделся, вернулся на кухню, налил еще рюмку и сделал тоненький бутерброд. «Пошло все к черту» — подумал он, выпил и с удовольствием съел бутерброд, смакуя коньячно-колбасное послевкусие. Потом направился в спальню, лег на кровать и уснул.

Когда Зудин проснулся, было начало первого. Голова была тяжелая. Освежившись в душе прохладной водой, он почувствовал себя легче. Он запахнулся в халат и, вытирая полотенцем волосы, прошел в большую комнату, включил автоответчик и опустился в кресло. Зудин любил сидеть в этом старом потертом, но очень удобном кресле, и слушать автоответчик. Когда-то в четырехкомнатной квартире на Кутузовском проспекте в этом кресле сидел его дед, партработник.

Голоса, которые воспроизводил автоответчик, были совершенно иными, чем в телефоне. Автоответчик ставил человека в неудобное положение, так как приходилось говорить не кому-то, а в пустоту. Человеку было неловко, это чувствовалось по голосу. Большинство бросали трубку, но некоторые все же оставляли запись. Зудину нравилось сидеть в кресле, закрыв глаза и слушать их сбивчивую речь. Автоответчик давно вышел из моды, но Зудин продолжал им пользоваться и принимать короткие послания, которые звучали как вынужденные признания или аудиозапись допроса.

Мать просила перезвонить. Это было еще в пятницу. Потом был звонок от Ирины Александровны.

— Ромашенька, в воскресенье Сережа с детьми едет к родителям.

Ее голос звучал немного смущенно, в нем угадывалась привычка лгать. Потом от нее же был повторный звонок, но на записи прозвучал только вздох. Зудин взял мобильный. От Ирины Александровны в субботу был один пропущенный.

Палец лег на «вызов», но Зудин вдруг понял, что не хочет звонить. Понял, что не нуждается в этой стареющей неудовлетворенной женщине, выцветшей без любви, как трава без дождя. Он даже удивился, что в ней до сих пор привлекало его.

Зудин понял, что хочет Ромашку, но ту Ромашку, что была в начале, совершенную в красоте и в любви, а не эту, с растянутым ртом, насадившую себя на кол. Вернулась боль. Ромашка умерла, осталась только гадюка с порванным ртом, которую надо было давить, топтать, стараясь попасть каблуком в голову.

Он понял, что больше не поедет к Ирине Александровне.

Зудин вспомнил про Ольгу, и боль утихла, словно он принял лекарство. Он походил по

комнате, взял мобильник и нажал вызов. Ее голос оказался немного раздраженным. Ей не нравилось, что он пропадает, не звонит, потом звонит и хочет немедленно встретиться. Он сослался на неотложные дела, попросил прощения и уговорил ее. Ольга согласилась, но с одним условием — они могут встретиться у нее дома. И предупредила, чтобы он ни на что не рассчитывал.

Когда она открыла дверь, его тоска сразу рассеялась. Стекла очков смягчали сияние ее глаз. Она была в топе и домашних брюках. Они показались Зудину точь-в-точь такими же, как на Ромашке, когда он приехал к ней первый раз. Только на Ромашке были черные с маленькими ромашками, а на Ольге однотонные темно-синие, но также откровенно подчеркивающие ее безукоризненную статью. Лифчик и трусы выделялись сквозь мягкую ткань. Из-под топа выглядывал аккуратный пупок, похожий на утопленный в тело наперсток.

Храбрый Чарли облаял Зудина, как полагается настоящему псу, и не хотел пускаться в дом, но Зудин даже не взглянул на него.

— Я скучал по тебе, — он шагнул к Ольге, намереваясь взять ее за талию.

— Тихо! — она прижалась к стене, загородившись от него локтями, при этом едва не сбросив на пол натюрморт в раме, и показала пальцем на открытую дверь в комнату. — Я же предупреждала! У нас бабушка.

— Прости! — он театрально прижал руки к груди.

Ольга жила в небольшой и очень уютной двухкомнатной квартире. Она провела его в свою комнату, маленькую и опрятную, но не успел он сесть, как она спросила:

— Хочешь, я покормлю тебя?

Зудин не слышал, о чем она спросила, он разглядывал ее в упор. Ее тело как будто не знало о своей красоте, в ее позах не было гордости, все было просто и непринужденно. И безупречно.

— Есть будешь?

— Да.

— Тогда идем.

Она повернулась, роскошные ягодицы томно вздохнули. Ромашка таяла, как ускользящий в форточку дымок сигареты.

— Ольша, кто пришел? — донесся из другой комнаты старушечий голос.

— Это ко мне, бабушка!

— Кто пришел, тебя спрашивают!

— Это ко мне! — Ольга топнула ногой в тапке.

— Кто?

— Какая разница? — Ольга сделала нетерпеливый жест и повернулась к Зудину. — Иди на кухню. Я сейчас.

Кухня была тесной. Он сел за стол спиной к плите, и тут же пересел, чтобы лучше ее видеть. Зудину было слышно, как они разговаривали.

— Что такое, бабушка?

— Кто пришел, я спросила.

— Ну, что за дело? Это ко мне.

— Пусть зайдет сюда.

— Ты сейчас не в лучшем виде.

— Я на него буду смотреть, а не он на меня. Зови!

— Бабушка!

— Зови, я сказала. Я должна знать, с кем ты встречаешься. Ты еще девушка.

Она вернулась на кухню.

— Можно тебя попросить сделать одно одолжение?

Зудин улыбнулся и вылез из-за стола.

— Конечно. От бабушки у нас не должно быть секретов.

Бабушка полулежала в подушках на неразложенном диване. Из-под намотанного на голову полотенца торчали седые космы. Рядом на табуретке стояли пузырьки и упаковки с лекарствами.

— Стань поближе. Не бойся, не съем.

Он подошел к дивану. Она подняла на него маленькие старушечьи глаза.

— Больно красивый.

Зудин усмехнулся.

— Ольша!

— Что, бабушка?

— Что ж у вас, по-серьезному или так?

— Про такие вещи не спрашивают.

— И правда, чего я, дура старая, когда ты уже голый пупок ему показала, — старуха снова уставилась на него. — Что ж, молодой человек, сдастся мне, что ты не очень ей подходящий.

— Почему же?

— Больно весь из себя. Такие больше о себе думают, чем о жене и детях.

— Бабушка!

— Смотри, внучка, тебе жить.

— Пойдем, — Ольга потянула его из комнаты. — Бабушка, вечно ты со своей прямотой! Ну, кто тебя просит?

Старуха отвернулась к стене, махнув рукой.

Когда они вернулись на кухню, Ольга сказала:

— Извини. Она у нас, что думает, то и говорит. Восемьдесят лет. Первое будешь?

— Давай.

— Ее нельзя оставлять, потому что у нее давление. В любой момент может стать плохо.

— Понимаю.

Ольга хозяйничала у плиты, а он смотрел на нее и улыбался от удовольствия. Она поставила перед ним тарелку с супом, а себе — чашку кофе, и села.

— Их поколение смотрит на молодых людей только как на потенциальных мужей. Только брак. Все остальное грех, — сказала она.

— Ты тоже так считаешь?

— Для меня есть любовь и все остальное.

Он жевал хлеб и смотрел на нее, довольный, улыбающийся. Отрывал от ломтя по кусочку и отправлял в рот, роняя крошки в тарелку. Ольга тоже смотрела на него, земная и необыкновенно красивая.

— Суп ничего? — спросила она.

— Обалденный!

Он доел, отодвинул тарелку, и, дурачась, облизал ложку. Она тихо засмеялась, отнесла тарелку в мойку и вытерла стол.

— На второе котлеты с картошкой.

— Отлично. Только сначала дай руку.

— Зачем?

— Дай.

Он взял ее руку, потянул к себе, она села, он поцеловал ее руку, прижал к щеке, смотрел на нее и улыбался.

— Пусти, я второе положу.

— Подожди...

Зудин потянул ее к себе, поцеловал.

— От тебя супом пахнет.

— Это плохо?

— Нет...

Он снова поцеловал, с языком. У нее были робкие губы, которые только учились смелости.

— Давай на следующие выходные махнем в Питер? — сказал он.

— Нет. Не знаю. Ну... может быть...

— Олыша! — крикнула бабушка.

— Чего?

— Что-то тихо у вас стало. Поди сюда!

— Мы тихо разговариваем, чтобы тебя не беспокоить.

— Иди, говорю! Или ты уже голая?

В понедельник стало известно, что налоговая инспекция приостановила операции по счетам фирмы. Виноват был он — Зудин. Фирма не сдала в срок аудиторское заключение, а не сдала она его потому, что на прошлой неделе Зудин был занят не работой, а... известно чем.

Прежде чем прибегнуть к такой мере, налоговая должна была потребовать у фирмы отчетность. Но она этого не сделала. Зудин был уверен, что такому решению поспособствовали их давние конкуренты — компания «Южный Ветер». Но главная причина была в другом; Роман Зудин, генеральный директор и единственный учредитель в одном лице, забил на работу. А не за горами была зарплата.

Правда, вечером появилась хорошая новость. Позвонил Артур — издатель Гроссмана, и предложил встретиться и пообщаться на тему аренды складского помещения. Он сказал, что может организовать баню с отличной парной. Зудин с радостью согласился, и заметил, что со своей стороны, берется пригласить девушек. Артур сказал, что это неплохая мысль.

Вечером Зудин поехал к Ольге, они вышли погулять с Чарли. Сизые московские сумерки опустились на город. Было тепло, прямоугольные окна перемигивались друг с другом сквозь заигравшуюся с ветром листву. Ольга была в джинсах, белой футболке и джинсовой куртке.

— Как бабушка? — спросил Зудин.

Ольга взглянула на него, блеснув желтыми фонарями в стеклах очков.

— Не надо делать вид, как будто для тебя это важно.

— Для меня важно все, что касается тебя.

— Бабушка чувствует себя с переменным успехом, — фонари в очках потеплели.

Чарли рванулся на поводке и залаял.

— Помнишь, как он лаял на меня в марте? Как мы перепрыгивали здесь через лужи? Ты не хотела давать телефон.

улыбнулась и посмотрела на него, как на своего мужчину.

— Ты сегодня грустный, — сказала она.

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Налоговая взяла нас за горло.

— Что это значит?

— Налоговая приостановила операции по счетам фирмы. Мы не можем провести ни один платеж. На носу зарплата, а у меня счет заблокирован.

— Ужас. Почему это произошло?

— Конкуренты позаботились.

— Должен быть какой-нибудь выход, — тихо сказала она.

— Выход есть. И вообще, это далеко не конец. Просто, чтобы все разрулить, нужно время, а я не могу прийти к работягам и попросить их подождать пару недель. Или сказать прорабу, чтобы он им это передал.

— Две недели — не так уж много.

— Я знаю. У нас считается, что с наемными работниками это нормально. Но это же свинство. Зарплата — это святая святых. У них семьи. Я квартиру продам, но рабочим заплачу.

Ольга шла рядом и смотрела на него с удивлением.

— Ненавижу коммерсов, которые из-за копейки готовы удавить, а кинуть работягу на зарплату — в порядке вещей.

Он сказал это с ненавистью, выдвинув челюсть и оскалив рот. Она остановилась и взяла Чарли на руки.

— Может, и его придется продать, — Зудин кивнул на припаркованный неподалеку Рейндж Ровер. — Вот обанкрочусь, что ты будешь со мной делать? Останусь без всего, буду клерком в банке или таксистом на Жигулях. А? — он усмехнулся и взглянул на Ольгу.

— Думаешь, мне нужна твоя машина или фирма? — она прижала к себе Чарли. — Я еще недостаточно хорошо тебя узнала, но уверена, что ты не такой. Ты не сдашься просто так. Даже если не будет этой фирмы, ты создашь другую. Ты поднимешься, я уверена. И ты верь. Главное, чтобы ты верил. — Она запнулась. — Я не знаю, как тебя поддержать в такой ситуации... Просто я очень хочу, чтобы у тебя все устроилось.

Это было сказано по-детски вдохновенно, твердо и с дрожью в голосе. Она смутилась. Зудин остановился и обнял ее, с Чарли на руках, и стал целовать в губы, в лицо, в волосы.

— Хорошая моя, милая моя... Конечно не сдамся, конечно, все налажу, все будет хорошо. Спасибо тебе. Спасибо...

Чарли заскулил.

— Осторожно, — Ольга отстранилась, — чуть Чарлика не задушил.

На следующий день вечером она приехала к Зудину домой. Она позвонила и сказала, что стоит возле подъезда. Когда Зудин открыл дверь, он удивился, какое серьезное у нее было лицо. Ольга выглядела так, словно ехала на экзамен. Затемненные очки в толстой, давно вышедшей из моды, оправе, сдвинутые брови, на шее серо-лиловый шарф, как у взрослой женщины; твердая рука на ремне сумочки, как на ремне автомата.

— Проходи.

— Я ненадолго.

Она вошла и остановилась, смущенно оглядев его жилище.

— Да не стесняйся ты, пройди, посмотри как я живу, — улыбнулся Зудин.

Он был по пояс голый в джинсах с расстегнутой верхней пуговицей. Она сняла туфли и мягко прошла в большую комнату.

— Ну, как тебе мое жилище? — Зудин стал перед ней, надвинувшись на нее мускулистым туловищем, и продолжал улыбаться. Он был заинтригован, она приехала, даже не предупредив.

— Нормально. Только пыль везде, — Ольга наклонилась и провела по столику указательным пальцем. — Сразу видно, что здесь обитает холостяк.

Когда она наклонилась, Зудин едва удержался, чтобы не взять ее за обтянутый брюками зад. Почуял, что — нет, не время. Она показала палец с полоской пыли и вытерла его носовым платком.

— Женюсь и пыли — конец, — засмеялся Зудин.

— Вот для чего тебе нужна жена?

— Пойдем, я тебя чаем напою.

По пути на кухню он распахнул дверь в маленькую комнату.

— А это спальня! — и прыгнул как на волну, на широкую кровать, положил руки под голову и заулыбался, играя глазами, здоровый, рельефный, с волосатыми подмышками. — Хотела бы прилечь?

— Хотела бы, — вздохнула она и улыбнулась; она сказала это просто и честно, словно призналась, что любит конфеты, — Только не в этот раз.

Зудин не стал продолжать эту игру, видел, что признание вырвалось от неожиданности.

На кухне, пока он доставал кружки и ложки, Ольга положила на стол конверт.

— Что это? — спросил он, хотя сразу догадался.

— Пусть это не решит все твои проблемы, но надеюсь, компенсирует хоть малую часть, — она засопела, сняла очки и уставилась на него тревожными черными глазами.

— Что это? — тихо повторил Зудин.

— Пятьдесят тысяч. Мои. Не бойся, не мамины, не папины, мои кровные, сама накопила. Я когда-то недолго работала в Макдональдсе, еще родители давали на шмотки, что оставалось, откладывала. Так что могу ими распорядиться как захочу.

— Это... мне?

Ей было легче решиться на это, чем видеть сейчас его удивление.

— Оля, хорошая моя, — он взял конверт, но держал его в руке, не открывая. — Я тебе очень благодарен, но такая сумма вряд ли поможет. Только на зарплату нужен миллион, а зарплата — еще не все. Не стоит, честное слово... Спасибо, но не стоит. У меня есть деньги. Ведь это счета фирмы арестованы, а не мои собственные. — Зудин увидел ее глаза, губы, готовые задрожать. — Ладно, слушай, давай сделаем так. Я оставлю их у себя до времени, когда все разрешится. Думаю, максимум на неделю.

Он положил конверт и обнял Ольгу.

— Ты настоящий друг.

— Отвези меня домой, — пробормотала она.

В среду утром Зудин поехал смотреть помещение, которое предлагали его фирме под склад. Это был старый производственный корпус на территории завода на окраине Москвы. Завод уже давно ничего не производил. Зудина провели по корпусу, показали бумаги; в общем, если бы на переговорах цена осталась та же, которую просили вначале, это была бы выгодная сделка.

На обед он поехал в роскошный «Турандот», где должен был встретиться со своим дядей Алексеем Федоровичем, депутатом Московской городской Думы. Благодаря этому дяде развивался его бизнес. Когда Рома Зудин учился в школе, дядя Леша был прорабом на стройке, а теперь он сидел напротив него в дорогом костюме и накладывал ложечкой соус гран-виньер, манерно отставив пальчик. Зудин ненавидел в нем это пижонство, но терпеливо ждал, когда дядя соизволит закончить все приготовления к приему пищи. Алексей Федорович регулярно снабжал его заказами, получая за это десять процентов от прибыли.

Алексей Федорович, наконец, заговорил. Он поведал, что действительно, как и предполагал Зудин, за действиями налоговой инспекции стоит климат-компания «Южный Ветер». Но можно не беспокоиться, он переговорил с нужными людьми и счета в ближайшие дни будут разблокированы. Зудин поблагодарил заботливого родственника и сказал, что как только счета разблокируют, он выразит свою признательность в денежном эквиваленте.

Когда он приехал в баню, Артура и его компаньона еще не было. Зудин разделся, и банщик проводил его в комнату, где был накрыт стол. Зудин развалился на диване и отправил в рот пару виноградин. Стукнула входная дверь и через несколько минут в комнату вошел худошавый чернобородый мужчина лет сорока, обернутый по поясу простыней. На его волосатой груди висел массивный серебряный крест.

— Сергей, — он протянул руку, приветливо улыбнувшись.

— Роман.

— К сожалению, у Артура подскочило давление и ему пришлось поехать домой, а не в баню.

Сергей сел за стол напротив. Он сразу понравился Зудину. Добродушное русское лицо выдавало в нем человека, не склонного лукавить, и как-то сразу располагало налить по рюмочке.

— Пивка? — предложил Зудин.

— О, это потом, — Сергей улыбнулся, как бы извиняясь. — Пока паришься, спиртного — ни-ни. Вот после — другое дело.

Завязалась беседа. Сергей держался и говорил просто, улыбался и, на что обратил внимание Зудин, совсем не употреблял матерных слов. Зудин даже не сразу это заметил. В мужской компании принято свободно выражаться. Зудин и сам любил ввернуть перченное словцо. А Сергей говорил просто и в то же время без такой обычной для мужского разговора приправы. Причем в нем не было позерства, просто он обходился без этого, и все.

— Если желаете попариться, парилка готова, — сказал банщик, проснувшись в дверь.

Молча согласившись, они натянули войлочные шляпы и отправились в парную.

— Плаванием занимался? — Сергей почтительно кивнув на торс Зудина, когда они расположились на нижней полке..

— Да.

Сергей снова кивнул, как будто ожидал такой ответ.

После парилки Зудин вышел в раздевалку, позвонил знакомой проститутке Маше и сказал, что ждет ее с подругой через час.

Когда они снова сели за стол, Зудин сказал:

— Так как Артура нет, сегодня только попаримся, а о деле поговорим в другой раз?

— Почему же, Артур уполномочил меня. — Сергей махнул рукой, как будто речь шла о пустяке. — Да чего говорить-то? Корпус видел?

— Да.

— Предварительная цена устраивает?

— Да.

— Вот и поговорили, — Сергей опять улыбнулся. — Я скажу юристу, чтоб подготовил договор.

Зудин сдержанно улыбнулся и протянул руку. Они парились еще трижды, по-настоящему, с горячим паром и вениками, так, что когда выходили из парилки, у них перед глазами плыли круги, и, ныряя в бассейн, они чувствовали не обжигающий холод, а освежающую прохладу.

Они вернулись за стол, налили пива, чокнулись и сделали по несколько больших глотков.

— Теперь можно и по пьянствовать, — засмеялся Сергей, вытирая с усов пену.

Вскоре банщик принес горячий шашлык.

— А под шашлык пиво не солидно! — сказал Сергей.

Через полчаса они уже выпили полбутылки и съели по шампуру мяса.

— Хорошо! — Сергей не скрывал удовлетворения, сверкая из бороды веселой улыбкой.

— Скоро еще лучше будет, — кивнул Зудин, — сейчас приедут девочки...

— Какие девочки?

— Безотказные. — Зудин поднял глаза и увидел, что улыбка исчезла с лица Сергея.

— А может, ну их, девочек?

— Ты серьезно?

— Лучше выпьем.

— Одно другому не мешает.

Улыбка спряталась в бороде Сергея. Они как раз допили бутылку, когда приехали девушки. Сергей изменился, застолье больше не доставляло удовольствия. Его что-то беспокоило. Зудин открыл новую бутылку, они выпили.

Девушки появились уже раздетые, в одних простынях. Они вошли, шлепая тапками, поздоровались и сели за стол.

— Давайте знакомиться. Я Маша, а это Оксана, — сказала та, что была постарше.

Маше было лет тридцать; это была шатенка выше среднего, с короткими волосами и обычным русским красивым лицом. Обернутая вокруг ее тела простыня выдавала аппетитные выпуклости. На груди у нее была небольшая татуировка — ангелочек с крыльями. Маша смотрела на мужчин смело, зная, что платить ей будут не за скромность.

Оксана была гораздо моложе, лет двадцати. Стоило кому-то из мужчин перехватить

взгляд ее больших светлых глаз, как она тут же прятала их за черным, как вороново крыло, каре. Она была очень милой, ладной, стройной и бледной. У нее тоже были татуировки, надписи на английском на обоих предплечьях, смысл которых никого не интересовал.

Над столом поплыл аромат духов. Девушки были весьма достойные, но не из высшей лиги. В другой ситуации Зудин не обратил бы на них внимания, но сейчас, когда они сидели перед ним почти голые и горели желанием отдаться за определенное вознаграждение, он чувствовал, как внутри у него началось брожение, каким всякий раз сопровождалось предвкушение скорой близости.

Машу он знал давно, а Оксану видел впервые, поэтому она интересовала его в большей степени. До Ромашки и Ольги обеим было дальше чем до космоса, но и та и другая прекрасно подходили, чтобы снять напряжение.

А Сергей занимал себя тем, что разглядывал стол и закуски. Сидел и молчал, уставившись в мутное нефilterованное пиво, побалтывая его в бокале.

— Мальчишки, — улыбнулась Маша, — нам выпить хочется, поухаживаете?

— Что будете? — спросил Зудин.

— Я — виски.

— А мне вина, — сказала Оксана.

Зудин наполнил их бокалы и рюмку Сергея, который продолжал изучать остатки пива в своем бокале. Зудин взял рюмку, чокнулся сначала с Сергеем, потом с девушками. Когда выпили, Оксана сказала, обращаясь к Зудину:

— Что-то твой друг какой-то невеселый.

— А был веселый! — усмехнулся Зудин.

— Что не так?

Сергей молчал, явно стараясь не смотреть на девушек. Зудин пожал плечами.

— Может, дело в этом? — Маша кивнула на обручальное кольцо на его руке.

— Серега, ты — ни-ни? — спросил Зудин.

Сергей чуть склонил голову, как бы признав, что догадка оказалась верной.

— Да брось ты, — усмехнулся Зудин.

— Сереж, знаешь, когда мужчина проводит время с другой женщиной, он еще охотнее возвращается к своей. Такие встречи освежают чувства, полезно для супружеских отношений. — Маша ждала, когда он поднимет на нее глаза, но он предпочитал смотреть на стол. — Самые крепкие семьи те, где у мужа есть любовница или несчастные встречи на стороне. Это факт.

— А мне нравятся мужчины с бородой, — неожиданно сказала Оксана; она говорила с южно-русским акцентом, растягивая слова.

Сергей молчал, лицо его, красное от пара и водки, выдавало, что он напряжен.

— Ты ж мужик, — сказал Зудин.

— Сереж, может, у тебя давно не было другой женщины? — осторожно поинтересовалась Маша.

— У тебя вообще после свадьбы была женщина кроме жены? — как топором рубанула Оксана.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Сергей.

— Тебе трудно это переступить, — сказала Маша.

— Надо же когда-то начинать, — улыбнулась Оксана, но улыбка тут же слетела с ее лица.

— Начинать что? Изменять? — Сергей поднял на нее глаза. Это вырвалось у него резко, с сердцем. — Да кто вы такие, чтобы об этом говорить!

— Ну конечно, твоя жена лучше всех! — нервно отреагировала Оксана, Маша стукнула ее под столом по ноге.

— Лучше! В миллион раз лучше!

Зудин, чтобы разрядить обстановку, налил.

— Давай выпьем, — он подвинул Сергею рюмку.

— Погоди, — сказал Сергей, хоть и взял рюмку. — Я кое-что расскажу. Я давно коммерцией занимаюсь, с девяностых. Когда-то у меня было все, но потом в один момент я все потерял. Что было, продал, и еще остался должен. Я был в такой жопе, что не хотел жить. Друзья отвернулись, да какие друзья, так, собутыльники. Мать умерла, не могла видеть мои мытарства. Единственным человеком, который остался со мной, была жена. Как мы выкарабкивались из этой задницы, страшно вспоминать. Бандиты меня били у нее на глазах, говорили ей: «Если он не вернет деньги, придется нам с тебя взять, ты ведь ему жена». Два года прожили в Якутии на приисках. Я — в артели, она — в поселке в бараке с сортиром на улице, без горячей воды, без ванны, с соседкой алкашкой, которая у нее белье воровала. А могла бы вернуться к родителям в московскую квартиру, начать новую жизнь. Красивая, тогда еще совсем молодая, она бы легко нашла другого, получше меня. А она, — он на секунду запнулся, — прошла со мной все. Потом понемногу жизнь наладилась. Сейчас у нас двое ребят, все хорошо. Она по-прежнему меня любит, терпит мои пьянки, мой характер... Я не могу ее предать.

— Тебе же никто не говорит предавать, — сказала Маша.

— Если я изменю, я предам.

— Просто надо делать так, чтоб она не узнала.

— Измена — не предательство! — воскликнула Оксана, от выпитого вина ее щеки покраснелись.

— Это как раз самое настоящее предательство, неужели не понятно?

— Что ей будет плохого, если она не узнает? — Маша пожала плечами. — Будет так же тебя любить и все у вас будет хорошо.

Она взглянула на него с улыбкой, словно окутала доверием и покоем.

— А как же я? Я буду иметь кого-то на стороне, потом приходить домой и, как ни в чем не бывало ложиться с женой, обнимать ее. Со спокойной совестью. После той, да? Но должно же быть что-то святое, что не разменивается! Когда мы вместе, это только наше и ничье больше. И нисколько, ни капли этого не должно доставаться кому-то другому, — закончил он с жаром.

— Ни капли, — Оксана подавила смех.

— Да!

— Это же измена телом, а не душой! — сказала Маша, хотя этот разговор ей изрядно наскучил. — Душой же ты будешь с ней, будешь так же ее любить.

— Да не бывает так! Телом здесь, душой там. Это вы придумали, чтобы себя оправдать! — он, наконец, взглянул на нее, как будто полоснул чем-то острым.

— А оскорблять-то зачем? — Оксана уставилась на него округлившимися глазами.

Зудин подумал, что сейчас она ляпнет что-то насчет его жены, и Сергей разобьет об ее башку пустую бутылку. Зудин порадовался бы, если б этой молодой суке разбили голову. А Сергей нравился ему еще больше. Как будто сам он, заплутав, потерял веру, и вот случайный

попутчик показал, где дорога.

— Молчи, — Маша пнула ее под столом. — Может, о чем-нибудь другом поговорим?

Сергей выпил рюмку, вылез из-за стола и направился в раздевалку, по дороге натянув простыню до подмышек. Зудин пошел за ним.

— Извини, не думал, что для тебя это настолько серьезно.

Сергей сбросил простыню, стал одеваться.

— Ладно. Не первый раз... Поэтому боюсь напиваться. Прости, если испортил вечер. Не люблю, когда о моей жене говорят такие как эти, с нечистыми ртами, — пробормотал он.

Взъерошенный после бани, поджарый, жилистый, с пышной после мытья бородой, с отпечатком внутренней борьбы в глазах, он показался Зудину одновременно и жалким и сильным.

— Присылай людей с бумагами. Завтра же, — пробормотал Сергей, застегивая пуговицы.

Он ушел уставший, ссутулившийся, но светлый. Зудин почувствовал, что должен тоже уйти, как будто Сергей позвал его уйти вместе с ним. Даже легче стало от того, что есть такие люди. Однако, это было всего лишь ощущение.

Зудин вернулся к девушкам, которые, пока его не было, включили музыку, сел за стол и налил себе водки. Если б не Сергей, Зудин трахнул бы этих проституток и ни о чем не задумывался. Но теперь задумался, вернее, понял, что и ему следовало уйти. Было стыдно. Перед собой. Даже с точки зрения примитивной животной страсти лезть на этих шлюх после Ромашки было противно.

А что изменится, если я встану и уйду? — подумал он и сразу понял, что ему не дает уйти. Он хочет Оксану. Маша уже прочитана им от корки до корки, а Оксана — нет. Она не лучше Маши, даже хуже, просто не прочитана. Фактор новизны. Банально, но дело в этом.

А если на самом деле уйти? — подумал он и понял как нелегко это сделать. Он взглянул на Оксану. Она разглядывала что-то на своей руке, склонив голову. В ней не было ничего примечательного, абсолютно обыкновенная, единственное ее достоинство состояло в том, что в ней не было ничего резко отталкивающего. Уйти! Он уже намеревался встать из-за стола.

А как она кончает? — возникла предательская мысль. Как раздвигает ляжки, какое у нее там все? Он вспомнил Ромашку и испытал нечто вроде угрызений совести. Трахнуть эту посредственную шлюху, значит — опуститься, стать кем-то наподобие бича, которому плевать, с кем.

Он сидел, зажав в кулаке рюмку и опустив глаза, как недавно сидел Сергей, но, в отличие от Сергея, примирившись с тем, что недостойно. Он выпил.

— А чего только себе налил? Мы бы тоже выпили, — вздохнула Маша.

Зудин налил им водки.

— Мне вина, — сказала Оксана, но он словно не слышал ее.

— Извини, он твой друг, конечно, но такой противный, — продолжала она. — Типа его жена святая, а мы не смеем о ней говорить. Может, нам тоже досталось в жизни.

— Молчи ты, — толкнула ее Маша.

— Почему я должна молчать?

Зудину хотелось швырнуть в нее бутылкой. Он не знал, что его бесит сильнее, эта дура или его собственное безволие.

— Хватит уж болтать, — сказала Маша и взглянула на него, — Будем иметься-то?

Они перешли в комнату, где стояла большая постель. Белье было чистым, но застиранным, с дырками. Зудин сбросил с себя простыню и сел. Его желание словно мешками с песком было завалено плотным слоем тяжелых эмоций. Маша опустилась на колени и приступила к делу, привычно, механически, как работница на станке. Зудину показалось странным, что его организм реагирует на нее так же, как на Ромашку. Даже стыдно стало, от того что он довольствуется сексом со шлюхой после того волшебного счастья, в котором они купались с Ромашкой. Рука у Маши была холодной, как у покойницы, а голова двигалась так, как будто сосала заведенная кукла, а не живая женщина. Зудину хотелось ударить ее по шее, вырубить, чтоб она повалилась на пол, обливаясь кровью.

Оксана сняла с себя простыню, высыпала на кровать из сумочки тюбик со смазкой, презервативы, и села на пятки, выставив бритый лобок. Тела девушек казались Зудину безжизненными и кривыми как на полотнах Модильяни. Оксана гладила его по плечу и руке.

— Дай презерватив, — сказала ей Маша. — Ложись.

Она зубами вскрыла пачку, надела резинку на член, двумя пальчиками поправила кончик для отстойника. Оксана легла и развела ноги. Бритый лобок покрывали красные точки раздражения. Зудин снова вспомнил Ромашку, ее бархатную кожу, роскошные бедра, и как она красиво раздвигала их, сначала прижимая к груди и только после этого распахивая во всю ширь. Он вставил член в горячее, словно воспаленное влагалище Оксаны. Сучка даже не считала нужным подмахивать, просто лежала раздвинув худые ляжки, и получала удовольствие, а он работал, чесал ее тощую спину о раздолбанную кровать. Она закрыла глаза и стала постанывать. Это взбесило его. Маша гладила его по спине, сдержанно, как сестра.

Хотелось поступить с ними как с Ромашкой. Эта мысль обрадовала и наконец-то по-настоящему возбудила. Когда Оксана зажмурилась и заскулила, предчувствуя скорый оргазм, он выпрыгнул из нее, повернулся к Маше и молча, повелительными движениями рук поставил ее по-собачьи и, надавив на поясницу, вправил член ей в жопу и всунул до основания.

— А! — крикнула она, — Ты же знаешь, я так не люблю!

— Я плачу тебе, — сказал он и не узнал своего охрипшего голоса.

— Хоть бы презерватив поменял, — она попыталась вырваться, но он держал ее как клещами, насаживая на себя.

Маша застонала, уткнувшись в простыню. Он старался как можно быстрее довести себя до оргазма. Она закричала. Чувствуя, что вот-вот кончит, он вытащил из нее член, как из раны, и испытал удовлетворение, увидев дыру с красными неровными краями. Он сорвал презерватив и, схватив Оксану за шею, пригнул вниз и заткнул ей рот. Она пыталась вывернуться, но он держал ее, вколачивая ей в горло член.

— Что с тобой?! — закричала Маша.

Он отпустил Оксану, она давилась, скорчившись как зародыш на простыне. Маша лежала рядом с перекошенным от боли лицом. Оксана вытянула шею и шумно дышала, на ее разинутых губах дрожали тягучие капли мутной слизи. Она сделала судорожное движение, давящееся, отвратительное. Зудин вспомнил Ромашку.

Наконец-то они были похожи. Оксана приподнялась на локте, вытянув шею и открыв рот, как отравившаяся собака. Потом села и сидела какое-то время, странно двигая туловищем, как будто внутри у нее что-то ворочалось, выправлялось после болезненного вторжения.

На следующий день он пожалел о том, что было вчера. Вопреки его пренебрежению, дела на работе шли в гору. Можно было порадоваться, но воспоминание о проститутках омрачало эту радость. Он почему-то не мог не думать о них. Он не чувствовал вины или стыда или раскаяния, только отвращение, мучительное неотступающее отвращение. Он видел их и себя с ними и никак не мог отделаться от этих картин.

Когда-то в детстве, когда он играл с друзьями в овраге, он наткнулся на дохлую кошку, от которой воняло и у которой в пустых глазницах кишели черви. Потом он долго не мог отделаться от этой кошки с разинутой черной пастью и опарышами вместо глаз. Она стояла перед глазами, как будто это он убил ее. Сейчас с ним было нечто подобное.

Но ведь он же не обидел кого-то просто так. Они ведь шляхи и без сомнения их надо было поставить на место. Откуда же это душащее отвращение? Не надо было их звать. Или просто уйти потом с Сергеем. Но он знал, что если б это повторилось, он опять бы не ушел. Не такой он человек, чтобы отпустить бабу ни с чем.

Единственным спасением была Ольга. Она была бастионом, осажденным шляхами-кошками с червями вместо глаз. Только здесь он дышал горным воздухом и видел над собой чистое небо. Он был уверен, что как только сделает ее своей, ему больше никто не будет нужен.

Он приехал к ней в четверг утром. Она открыла дверь и смотрела на него совершенно детскими, распахнутыми настезь глазами. Она была в белой майке и домашних брюках. Темно-каштановые волосы омывали ее высокий лоб как волны с двух берегов. В эту минуту ее омытое утренней свежестью лицо казалось лицом ребенка, она бы вся казалась ребенком, если бы не кружева лифчика, проступившие через мягкую ткань майки, и если бы не мучительно женственные бедра в облегающих брюках.

— Проходи, — она открыла дверь в свою комнату.

С кухни доносились голоса родителей, из комнаты — бабушкин храп. Она закрыла за ним дверь. Он стал посреди комнаты, сияя от радости, впился в нее голубыми глазами-присосками.

— Оль, родители не будут беспокоиться, с кем ты закрылась в комнате?

— Не особо. Они знают, что я не закрылась, а просто прикрыла дверь. И потом, они немного в курсе о тебе. От бабушки.

Он поднял бровь и улыбнулся, но было не самое подходящее время развивать эту тему. Он положил на стол конверт.

— У меня хорошие новости, — сказал он.

Она вскинула на него глаза и выпрямилась. Он видел, как неподдельно она рада за него.

— Счета разблокировали.

— Поздравляю! Я очень рада.

— Ольга, меня переполняет чувство благодарности за то, что ты не осталась в стороне в такой непростой для меня момент.

— Не осталась в стороне — это громко сказано.

— Не громко, а как есть.

— Я рада это слышать. Но пятьдесят тысяч вряд ли бы что-то изменили.

— Разве дело в деньгах? Я нашел в тебе друга. Вот что главное. Когда идешь ко дну, люди предпочитают повернуться к тебе спиной. Мало таких, кто готов протянуть руку. Уж я это знаю, поверь.

Он крепко обнял ее, поцеловал, прижал к себе и зажмурился от удовольствия, чувствуя упершиеся в него два упругих холма. Она ответила на его поцелуй и отстранилась.

— Родители дома.

Он загадочно улыбнулся.

— У тебя есть загранпаспорт?

— Есть.

— Отлично! Он срочно нужен.

— Зачем?

— Мы летим на отдых.

— Какой отдых? — она опешила.

— Незабываемый.

— С ума сошел? У меня сессия!

— На праздники. Одиннадцатого ты будешь за партой.

— Куда? За границу?

— В Таиланд.

— Ты серьезно?

— Да.

— Это невозможно! — она опустила голову, он понял, что она расстроена тем, что не может принять его предложение.

— В этом нет ничего невозможного.

— Меня не отпустят. Ты еще с родителями не познакомился!

— Познакомимся прямо сейчас. Паспорт давай.

— В Таиланд! Я тебе говорю, меня не отпустят!

— А мы не скажем, куда. Скажем, что едем на выходные в Питер.

Она растерялась, села, не сводя с него глаз.

— Чего ты так смотришь?

— Я должна знать, куда ты меня везешь.

— В Саудовскую Аравию в рабство!

— Прекрати! — она вскочила, подошла к столу и достала загранпаспорт. — Меня не отпустят.

— Пойдем, познакомишь нас.

— Сейчас?

— Я думаю, это самый подходящий момент.

— Мы же не готовились.

— С оркестром и под Мендельсона?

Он взял у нее загранпаспорт, глянул на фотографию и улыбнулся.

— Ольга Геннадиевна Павлова. Ольга Павлова — звучит.

Он спрятал паспорт в карман и взял ее за руку, намереваясь выйти из комнаты. Она испугалась.

— Дай, я хотя бы переоденусь!

— Надеюсь, родители не в пижаме?

— Папа сейчас уже должен уйти, — пробормотала она.

— Превосходно. Бабушка спит, значит, никто не помешает.

— Дай, я хотя бы предупрежу их!

— Я сам их предупрежу! — она хотела вырваться, но он держал ее за руку.

Это претило всем ее правилам. Она должна была наотрез отказаться, но не могла. Он подавил ее волю и способность здраво рассуждать, мягко, обволакивающе накатило на нее своей уверенностью.

Она семенила, чтобы не наступить ему на пятки. Она чувствовала себя как на экзамене, было страшно и некуда было деваться.

Мама сидела за столом с бутербродом в руке, и что-то с набитым ртом говорила папе, который уже стоял, собираясь уходить. Зудину показалось забавным, что они тоже в очках. Они уставились на него, застыв от неожиданности. Он ступил в их небольшую кухню и стал перед ними, держа Ольгу за руку, которая не могла поднять красное от смущения лицо.

— Я извиняюсь, что беспокою вас в столь неподходящий момент, — сказал он, переводя свои голубые глаза с одного на другого. — Но я больше не хочу ждать, когда Ольга наберется смелости, чтобы представить меня своим родителям.

— Что? — пробормотала Ольга, не имевшая духу, чтобы возмутиться против такой вопиющей неправды.

Мама пыталась проглотить кусок, который был у нее во рту. Папа окаменел.

— Меня зовут Роман. Мы с Олей встречаемся, — он посмотрел на нее, но она не могла поднять голову. — Я пригласил Олю на выходные в Питер. Она очень хочет поехать, чтобы немного развеяться от экзаменов, но не может, пока вы не будете знать, с кем отпускаете дочь, — он не спрашивал у них разрешения, а ставил в известность.

Ее рука стала влажной. Мама, наконец, с усилием, от которого на ее глазах выступили слезы, проглотила свой кусок. Папа продолжал напряженно молчать. Не в силах справиться с растерянностью, он тратил силы на то, чтобы сохранить лицо главы семейства.

— Это вы... это же про вас говорила мама... то есть бабушка, — пробормотала мама, жестикулируя половиной бутерброда. — Нет, не про вас... тот был ненадежным... или как она сказала?

Папа ослабил галстук и опустился на табуретку. Ольге стало жаль родителей, они вдруг постарели, и было ужасно неловко перед ними, неловко за свое счастливое лицо, за нескромную одежду.

— Вот, Геннадий Петрович, и Светлана Владимировна, — тихо сказала Ольга.

— Да, — кивнула Светлана Владимировна, и, подперев щеку куском бутерброда, покачала головой.

— Тот самый, — сказал папа, вернув себе способность говорить. — Просто теща перепугала уверенность с самоуверенностью.

— Геннадий Петрович, Светлана Владимировна, было очень приятно с вами познакомиться. Надеюсь, в скором времени пообщаться с вами подольше и поближе.

— Да, надо же по-человечески... — Геннадий Петрович сделал жест над столом. — С коньячком, так сказать...

— Антон, я совершенно растерялась...

— Роман, мама! — Ольга топнула ножкой.

— Ой, простите, — Светлана Владимировна приложила лбом к бутерброду,

покрутила головой.

— Все нормально, — улыбнулся Зудин. — Не буду вас задерживать, всем на работу, и мне тоже. Кстати, я на машине, могу подбросить.

— Благодарю, я тоже на колесах, — Геннадий Петрович поспешно поднялся и протянул руку.

Они пожали руки, глянув друг другу в глаза.

— Всего доброго. Было очень приятно познакомиться, — сказал Зудин.

В последнюю секунду Геннадий Петрович постарался сжать его руку крепче. Их растерянность была смешной. Они так и не собрались с мыслями. Он произвел впечатление, это было бесспорно.

— Они же уезжают! Хотя бы паспорт у него спроси! — донеслось из кухни, когда они уже вышли.

— Ты с ума сошла!

Когда она закрыла дверь, он обнял ее и стал целовать. Она вдруг стала покорной, ее сильные плечи стали хрупкими в его руках.

— Тебе надо собраться, — он похлопал себя по карману, в котором лежал ее загранпаспорт. — Собирайся и жди моего звонка. Пойдем, закроешь за мной дверь.

В этот же день он отвез паспорта знакомому из МИДа, который за один день мог оформить визу куда угодно, и забронировал билеты в Эйр Эмирейтс.

В пятницу, когда он приехал за Ольгой, родители уже были начеку. Зудина пригласили на кухню и усадили пить чай. Светлана Владимировна была в строгом темно-синем платье, в бусах, и села напротив, положив ногу на ногу. Геннадий Петрович многозначительно сопел. Она стала расспрашивать, взяли ли они билеты обратно, в какой гостинице останутся. Зудину показалось, что ее очень волнует, как будет обстоять дело с местом для сна, будет ли двуспальная кровать или две односпальных. Было приятно оставить ее в этом тревожном неведении.

— Роман, дайте свой номер. Мало ли, — сказал Геннадий Петрович.

Хотя на улице было тепло, Ольга накинула ветровку. Пляжные вещи она положила на дно чемодана, сверху — кофту, брюки и шорты.

В дверь постучали, и появилась Светлана Владимировна.

— Оль, зачем тебе чемодан на три дня? Возьми спортивную сумку.

— Мама, мы еще не знаем, куда пойдем. Я не собираюсь в театр и в клуб идти в одном и том же, — сказала Ольга.

— Зачем ветровку-то надела? Тепло.

— Посмотри в окно. Тучи.

— Роман, а где ваши вещи?

— В машине.

Они вышли из комнаты. Она надела на плечо сумочку, он взял чемодан.

— Надо попрощаться с бабушкой, — сказала она и пошла в комнату, Зудин пошел за ней.

Бабушка спала, зияя беззубым ртом.

— Бабуль! — Ольга подошла к ней.

Бабушка с трудом подняла морщинистые веки.

— А?

— Мы с Романом уезжаем на выходные в Питер. Пока.

Бабка долго соображала.

— Чего ж натошак...

— Бабушка, уже вечер!

— А, ну... куда ж вы?

— В Питер!

— Куда?

— В Пи-тер. В Ленинград!

— А. Ну, если он там чего... сразу звони...

— Бабушка! — Ольга топнула ногой.

Напоследок старуха погрозила Зудину костлявым пальцем. Светлана Владимировна и Геннадий Петрович пошли их провожать, заодно взяли Чарли. Рейндж Ровер мигнул фарами, с приятным шипением поднял крышку багажника. Геннадий Петрович сдержанно крикнул. Зудин поставил чемодан и захлопнул багажник, словно щелкнул перед носом будущего тестя золотой зажигалкой.

— Где собираетесь оставить машину? — спросил Геннадий Петрович.

— В Домодедово на стоянке. Где же еще.

— Дорого.

— Не так уж. Не люблю такси, — улыбнулся Зудин.

Стали прощаться. Родители были больше взволнованы, чем счастливы. Светлана Владимировна стиснула Чарли, который рвался на землю.

— Да отпусти ты его! — Ольга чмокнула его в мокрый нос, стала целовать родителей.

Зудин пожал руку Геннадию Петровичу и кивнул Светлане Владимировне.

— Позвони перед вылетом и после посадки. Сразу же! — сказала Светлана Владимировна, когда они сели в машину.

Потом все было как в фильме. Аэропорт, полет в Дубаи, транзитная остановка, ужин в Старбаксе, и дальше в Бангкок. В самолете было прохладно. Ольга даже не поняла, откуда Зудин вытащил одеяло, не то, которое предлагала стюардесса, а свое, которое он предусмотрительно взял. Он укутал ее озябшие плечи.

— Откуда ты его взял? — воскликнула она.

Он только улыбнулся. Она положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Ей никогда не было так хорошо.

В Бангкоке в аэропорту было ужасно душно. Влажная одежда прилипла к телу. Ольге хотелось спать, она следовала за Зудиным, который держал ее за руку как ребенка. Потом был еще один перелет, короткий, не больше часа. Потом их вез таксист таец. Ольга ехала, положив голову Зудину на плечо. Таец был с немойтой головой, с короткими, будто свалявшимися волосами. Ей казалось, что от него дурно пахнет. Но вскоре в открытые окна автомобиля ворвались ароматы джунглей и развеяли неприятное ощущение.

Таец уехал, и они остались вдвоем перед покрытым сухими листьями небольшим домом, одна стена которого стояла на берегу, а противоположная — на сваях в воде. За домом ослепительно, до рези в глазах, синело море. Мелкие пенистые волны шелестели о берег. Они вошли в небольшую уютную комнату, Ольга разделась и упала на кровать. На большую двуспальную кровать.

Она проснулась с тяжелой головой, как это бывает, когда нарушается привычный режим, и конечно сказался перелет на другой конец света. Когда Ольга раздевалась, она была такой уставшей, что совершенно забыла о мужчине, пусть и не чужом, который был рядом. Она натянула простыню до подбородка и огляделась. Двери и окна были распахнуты, по комнате гулял морской ветерок, пропитанный незнакомой свежестью.

Было слышно, как совсем близко плещется море и шумят пальмы, словно вздыхают. А где же он? Она поглядела на себя под простыней. Выпуклый лобок, обтянутый мягкой голубой тканью, и холмы груди, поднявшиеся над линией живота и бедер. Ольга была уверена в своей внешности и все-таки волновалась. Она удивилась, что разделась до трусов, когда Роман был поблизости. Может, он уже всю ее видел? Где же он?

Ольга села. Постель была помята явно ей одной. Вторая подушка лежала ровно, гладкая как сугроб. Ольга взяла очки, встала, потянулась, надела шорты и повертелась перед зеркалом. Да, попа — что надо, с этим не поспоришь. Не очень большие круглые груди целили из зеркала как боеголовки. Она собрала волосы на затылке и сделала пару пружинистых танцевальных движений. Да, она не просто хороша, она очень хороша! Так от чего же тогда она волнуется?

Ольга подошла к зеркалу, сняла очки и тряхнула головой. Темно-каштановые локоны упали на лицо, рассыпались по плечам. Черные глаза смотрели иначе, со страстью. Она чуточку раскрыла губы и испугалась страстной дивы, которая смотрела на нее в зеркале. Сердце забило, и она отвернулась.

Ольга уже бывала там, где пальмы, море и песок, и ей это, конечно, нравилось, но не сводило с ума. Чудом было не то, что она видела, а то, как неожиданно здесь оказалась.

Ольга вышла на веранду, которая была чем-то вроде балкона без перил или широкого мостика в метре над водой. Справа возле стены была лестница. Рядом с дверью стояли два шезлонга. Вокруг было море, чудное, невозможно красивое для человека с севера. Вблизи оно было прозрачным, потом зеленело, вдали делалось голубым, и затем у горизонта синим, как бы постепенно становясь самим собой. Глазам Ольги предстала маленькая бухта, слева и справа в море уходили две каменистые гряды. Над крышей нависала пальма, словно тянулась к морю.

Из комнаты донеслись какие-то звуки. Она обернулась и увидела Зудина. Он был во всем белом, в майке и просторных штанах, и улыбался. Прядь смоляных волос упала на бровь, взгляд и улыбка были переполнены нежностью. Ольга тоже заулыбалась, счастливо, широко.

— Как спалось? — спросил он.

— Отлично, — сказала она, продолжая смотреть ему в глаза.

— Прекрасно. Как тебе наше бунгало?

— Это — бунгало? Я думала, бунгало это что-то наподобие шалаша. А это настоящий дом со всеми удобствами!

— Дом, шалаш — не важно. Главное, что на эти дни он наш. Ну что, пора завтракать.

— Дай мне чуточку времени, я еще не умывалась.

Зудин подошел, посмотрел на нее, потом на море. Ему безумно шли эти белые штаны, сидящие на бедрах, когда он стоял и смотрел вдаль, щурясь от солнца. Он не был загорелым, но и не был бледным, к его матовой, немного смуглой коже хорошо приставал загар.

— Умыться можно здесь, — он кивнул на море.

— Мне нужно переодеться, — пробормотала она, пряча лицо, еще не освободившееся от сна.

Зудин скрылся в прохладной тени бунгало, Ольга проводила его взглядом, с удовольствием отметив, как его плечи едва уместились в дверном проеме. Она достала купальник, разделась, посмотрела на себя в зеркало. Этот черный купальник она еще не надевала, он был очень открытым. Теперь он был как раз к месту. Она надела его, поправила резинки. Четыре черных треугольника, наполненных ее тяжелым как капли телом.

Ольга убрала волосы, надела солнцезащитные очки и спустилась по лестнице в море. Волна лизнула ее теплым языком. Ольга поплыла. Ощущение чуда вновь вернулось. Она чуть не завизжала от радости, как в детстве, когда они приезжали на море. Хотелось кричать, плескаться, беситься.

Ольга отплыла метров тридцать и встала на песчаное дно. Вода доходила до плеч. Она видела свои ноги с покрашенными ногтями, камешки, мелких рыбок. Вдали по синей глади скользили яхты. Она вернулась к бунгало и хотела повторить свой короткий заплыв, и вдруг услышала топот по дощатой веранде-мостику, и через секунду ее окатило каскадом брызг. Могучая спина вынырнула как субмарина и руки-лопасти взмыли над водой. Зудин стремительно удалялся, оставляя за собой бурлящие волны.

Ольга смотрела, как сверкают мускулистые лопатки, унося его вдаль. Он вернулся так же быстро, как удалился. Подплыл, поднялся из воды, как морское чудовище, фыркая и отряхивая воду с волос. Желание принадлежать ему и страх смешались в ней. Ольга тоже встала, расправив плечи, и выставив грудь, словно оружие, и смотрела на него сквозь темное стекло очков.

— Если бы мухи были такими же большими, как люди, я бы сказал, что ты самая прекрасная из них, — он сверкнул белозубой улыбкой и показал пальцем, что имеет в виду ее очки.

Ольга не знала, обидеться или нет.

— Ах ты, хам! — воскликнула она и рассмеялась.

Она взвизгнула и обрызгала его, стала брызгать еще и еще. Сначала Зудин закрывался, а потом тоже стал брызгать в ответ. Он окатывал ее потоками воды, поднимая их ладонями-веслами. И вдруг схватил ее, прижал к себе и поцеловал в соленое от воды лицо, в открывшиеся губы и она затихла, только прерывисто задыхалась. Она робко провела по его плечам и обхватила за шею.

Через пятнадцать минут они сидели за столом. Перед ними были тарелки с жареным мясом и салат.

— Что это за мясо? — спросила Ольга.

— Свинина. Самая обыкновенная.

— Ты сам готовил?

— Кухарки у нас нет. Попробуй салат, он с папайей.

Зудин выглядел очень счастливым, все время улыбался. Они ласкали друг друга глазами,

молодые, красивые, почти голые. Им было очень хорошо. Салат с папайей Ольге очень понравился. Мясо тоже было вкусным, хоть и без изысков.

После того, как они позавтракали, Зудин ждал, когда она первая встанет из-за стола. Ольга больше не стеснялась его взглядов, поднялась, показав сильные бедра. Он смотрел, смакуя удовольствие. Уходя, она обернулась. Взгляд Зудина блуждал по ней ниже спины. Ольга почти физически ощущала, как он тяжел, лишен мыслей; в нем было лишь что-то животное, подчиненное инстинкту.

В ней вспыхнуло дикое желание подействовать на него еще сильнее. Ольга почувствовала в себе смелость, у нее даже закололо в затылке мелкими иголками. Она сделала движение бедрами, дразня Зудина ягодицами, и увидела, как словно у животного, у него потемнели глаза.

Он догнал ее, подхватил на руки и закружил по комнате. Ольга взвизгнула, он опустил ее на кровать и, не отрываясь от ее глаз, склонился над ней и поцеловал. Она испугалась.

— Пожалуйста! — накрыла его чувственные губы ладонью. — Только не сейчас! Прощу тебя! Прости.

— Но целоваться-то можно?

Зудин уступил, замер, прижавшись к ней возбужденной плотью. Его зуд просачивался ей в мясо, как дурная кровь. Несмотря на мучительную остановку, им было хорошо.

Они оделись и пошли гулять. Они бродили по их маленькому пляжу, вокруг бунгало, под пальмами. Зудин взял Ольгу за руку, и полез на каменистую гряду. Она боялась оступиться и ушибить или ободрать коленку, сегодня она непременно должна обойтись без ссадин и синяков. Она умоляла остановиться, но он и слушать не хотел.

Ольга отказалась идти дальше. Зудин посадил ее на теплый камень и стал прыгать с уступа на уступ. Он терял равновесие и едва не падал, при этом хохотал, а она визжала и закрывала глаза руками. Зудин сказал, что не перестанет, пока она не пойдет дальше. Тогда Ольга попросила, чтобы он показал ей другую сторону гряды. Он спустился и взял ее за руку. Зудин вел Ольгу вверх, она едва поспевала прыгать с камня на камень.

По другую сторону было такое же море и пляж, только гораздо больше, и на нем было полно народу. На синем фоне пестрели разноцветные паруса виндсерферов. В прореженных джунглях виднелись живописные бунгало. Музыка и голоса звучали над пляжем.

— Пойдем обратно. Хочется думать, что на острове мы одни, — сказала Ольга.

Они вернулись на их маленький пляж.

— Тебе нравится наша халупа? — спросил Зудин.

— Да, мне нравится наша халупа и все, что вокруг нее, — улыбнулась она.

— Ты бы осталась здесь со мной навсегда? — он улыбался, но взгляд его был серьезен.

— Я не могу без родителей. И без бабушки.

— Мы бы их забрали к себе. И Чарлика.

Ольга улыбнулась, в ее молчании было согласие, и даже чуть заметно кивнула.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал Зудин. — Тут недалеко.

— Я не хочу туда, где люди.

— Там их мало.

Они сели на скутер и поехали по петляющей среди пальм дороге. Скутер тарахтел от натуги, но, в общем, неплохо справлялся. Автомобили обгоняли их и неслись навстречу. Ольга обхватила Зудина руками и прижалась к его широкой спине. Каким он казался большим и сильным в эту минуту! Ветер дул навстречу, набрасываясь порывами, но за

спиной Зудина было тепло и покойно.

Когда они приехали и сняли шлемы, Зудин повел ее по тропе. Им предстал небольшой и очень живописный водопад. Белые кипящие струи падали с выси, скрытой за брызгами и кронами деревьев. В воздухе дрожали мелкие капли, крупные стекали по камням и листьям. Было свежо и прохладно.

Зудин и Ольга поднялись на несколько камней с разных сторон водопада, и фотографировали друг друга. Он корчил рожи, вставал под струи, она смеялась и совала в водопад руки. Когда они спустились, Зудин попросил одного туриста сфотографировать их. Ольге было холодно, и она прижалась к Зудину.

Потом он увел ее за деревья и стал целовать. Зудин прижимал Ольгу к себе, проходил пальцами от затылка до бедер, отстранялся, чтобы посмотреть на нее, и снова прижимал к себе и целовал. Здесь в тени она стала красивой по-новому, вся влажная, в каплях воды. Мокрые волосы прилипли к лицу, губы вспухли от поцелуев. Ольга была измучена и счастлива, но еще не отпустила себя на свободу.

На обратном пути стало еще холоднее, так как они промокли, Ольга сильней прижималась к Зудину.

Они бросились в теплое море и не вылезали из него целый час, плавали, ныряли, играли в салки под водой. Разрешалось преследовать только под водой, и все время водил Зудин, и очень быстро ее догонял. Имея руки-весла, он был прирожденным пловцом. А потом они лежали на песке.

— Почему бы тебе не снять купальник? — спросил Зудин.

— Мне и так хорошо, — улыбнулась Ольга.

— Я забыл предупредить. На этом острове есть закон, который требует, чтобы девушка загорала без верхней части купальника.

— Кто его придумал?

— Губернатор острова.

— Передай ему, что он идиот, и я отказываюсь исполнять его законы.

— Тогда он рассердится и арестует тебя.

— Но ты же не дашь меня в обиду?

— Дам. Я и есть губернатор.

— Как глупо и смешно! — она захохотала.

Зудин сел на пятки и сказал:

— Как губернатор острова и как мужчина, которому ты вскружила голову, я прошу: сними, пожалуйста, верхнюю часть купальника.

Ольга перестала смеяться. Он ждал. На его губах блуждала улыбка, но глаза были серьезны. Она села и несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Хорошо, — сказала Ольга и расстегнула лифчик.

Ее вытянутые вперед груди озябли под его взглядом, смуглые соски встали. Ольга уже научилась выдерживать этот взгляд, направленный ниже уровня глаз. Она легла и замерла с величественным и напряженным видом, согнув ногу в колене и закрыв глаза. Ресницы дрожали, на щеках алел румянец, она чувствовала его взгляд.

Ольга вся была подчинена ожиданию. Зудин видел это и потому не спешил, хотя безумно хотел ускорить сближение. Он ждал, когда в ее женской природе проснется инстинкт и подскажет ей новые позы, а позы, в свою очередь, дадут ей новую красоту. Немного терпения и ей захочется раздвинуть колени и показать свой бутон. Ольга откроет

перед Зудиным свою тайну, а он ей — свою: великую тайну наслаждения.

Ольга как будто спала, только грудь выдавала взволнованное дыхание. Зудин лежал рядом и смотрел на нее. Он положил ладонь на ее плоский живот и стал гладить, медленно и нежно, словно мехом соболя, а не рукой. Она не открывала глаз, безмолвно принимая ласки. Едва ладонь опускалась ниже пупка, как поднятое колено прижималось к выпрямленной ноге. Тогда ладонь поднималась и дотрагивалась до сосков, и рука Ольги тут же делала движение, чтобы закрыть грудь. Зудин играл, пока не усыпил ее бдительность. Он положил руку ей между ног и сжал там, продавив запоздалое сопротивление бедер, и испытал кайф от своей дерзкой атаки.

Распахнув глаза, Ольга напряглась и подняла голову, но не издала ни звука. Зудин двигал пальцами и смотрел ей в глаза. Излом бровей сделал ее лицо сильным, как у ангела с мечом. Зудину понравился образ ангела, которого он взял между ног. Правда, получилось грубо. Зудин ошибся, когда решил, что почувствовал ее. Позже. Он убрал руку медленно — уползающей змеей. Поцеловал в губы, но без ответа. Положил руку на талию и прижался. Ольга закрыла глаза и опустила голову.

Зудин перевернулся на живот и тоже закрыл глаза, оставив руку на талии Ольги. Море подбиралось к ногам и шептало похотливые фразы, пальмы бормотали что-то неприличное, и солнце дышало на них жарким дыханием. Только белый песок был безразличен, равнодушно принимал следы, равнодушно наблюдал, как ветер поднимает песчинки и сравнивает их.

Ольга легла на живот, Зудин вернул руку ей на талию.

— Ужинать будем в ресторане, — сказал он. — Надеюсь, ты взяла с собой платье?

Он надел свои просторные штаны и цветастую гавайскую рубашку. Она — короткое белое платье с голубыми полосками, с открытыми плечами и грудью. Волосы как бы небрежно были схвачены в узел, казалось, стоит потрогать их и они рассыплются по спине. Лицо лишь слегка было тронуто косметикой, в ушах сверкали сережки. Женственные плечи стягивали бретельки платья и лифчика. Ольга редко надевала платья, предпочитая джинсы или брюки, поэтому ноги казались голыми до неприличия. Она была полна опьяняющей телесности, как взрослая роскошная женщина, и при этом ужасно стеснялась. Зудин загляделся; столько было нескромности в ее скромности.

Они снова мчались на скутере по убегающей в джунгли серой ленте. Ольга держалась, обняв Зудина и прижавшись к нему коленями, ей было не страшно. Ветер бился в гавайке и трепал подол платья.

Ресторан стоял на берегу в нескольких метрах от моря. Это была роскошная лачуга, утонувшая в прибрежной зелени. Веселые голоса звучали со всех сторон, нос щекотали незнакомые запахи. Зудин взял Ольгу за руку и повел узким проходом; она едва поспевала, шлепая в босоножках по доскам. Им приветливо улыбались татуированные голые до пояса тайцы.

Смуглая тайка проводила их к столику, который находился на высокой, открытой с трех сторон веранде. Боб Марли в своей шапке-растаманке смотрел со стены. Столик был высоко, с одной стороны была видна сцена, а с другой — море, бледно-голубое вблизи и ярко-синее вдали, и большие серые камни у берега. Остывающая глазунья стекала за горизонт. Казалось, будто облака плывут вдаль, а волны стремятся к берегу.

Они сели за столик. Зудин взял руку Ольги и прижался к ней щекой, их глаза встретились. Принесли вино, он наполнил бокалы и сказал:

— Такой как ты, нет на всем свете. Ты единственная и ты лучше всех!

Они чокнулись, и он выпил бокал до дна. Ольга была тронута.

— Спасибо, — пробормотала она.

На сцене появились музыканты: черный гитарист, белый барабанщик, басист, по-видимому, таец, и еще несколько человек, занятых на тамтаме и духовых, тоже тайцев.

— Hello! — поздоровался гитарист, и зазвучала музыка.

— Пойдем танцевать! — не дожидаясь ответа, Зудин взял Ольгу за руку и повел к сцене.

Музыканты играли бесподобно, рок-н-ролл, блюз, старую добрую американскую музыку. Живая музыка только началась, народ пребывал. Разные люди находились вокруг и все улыбались и казались приветливыми и беззаботными. Белые, черные, смуглые тела жались друг к другу, люди брались за руки. Смесь языков доносилась сквозь музыку, больше английского, но были и другие, местные, был и русский.

Мужчины тоже были разные, а девушки — в большинстве русские, их легко было узнать, они были красивы и раскрепощены. Их тела, соскучившиеся по горячим рукам, двигались ритмично и плавно, лица купались в лучах заходящего солнца, или склонялись, пряча глаза. Даже если они разговаривали по-английски, было легко узнать, что они русские. Красивые полуоткрытые тела, источающие аромат желаний, сочные голоса, томные интонации; в русской женщине — квинтэссенция женщины.

Будто кто-то похлопал в ладоши, задав такт, несколько аккордов на клавишных, и вот все захвачено ритмом, отмеряемым на ударных щетками. Басы поползли под ногами, заглядывая под юбки, вкрадчивый ритм завладел всем вплоть до сознания. Даже сердце стучало заодно с ним. «Melody» Роллинг Стоунз. Ольга была опьянена. Движение становилось всеобщим, музыка вводила в транс. Тела девушек стали влажными от мужских рук. Было тесно и душно, но тем удушьем, которое вводит в экстаз.

Зудин был сзади, Ольга жалась к нему всем телом, терлась об него спиной и бедрами. Он уперся ей в ягодицу, и почувствовал, как она прижалась еще сильнее.

Гитарист прикоснулся к микрофону губами. Бархатный до хрипоты голос не пел, а как будто рассказывал, бормоча в ухо, что сегодняшняя ночь станет волшебной, сегодня можно все... Гитара очнулась от дремоты, застонала, заголосила срывающимся голосом. Черные пальцы трепали струны, терли их о лады, извлекая из металла человеческие эмоции.

Тело Ольги стало горячим и отзывчивым на прикосновения. Зудин притянул ее за талию, прижался губами к шее чуть ниже уха. Она склонила голову, подставляя шею.

Натанцевавшись, они вернулись за столик. Ольга положила перед собой свои прекрасные длинные руки, и Зудин накрыл их большими ладонями. Они молчали, выравнивая дыхание, разговаривали глазами. Она улыбалась робко, уголками губ, а он широко, сверкая зубами.

Деревья, камни на берегу, запахи, кроваво-золотой закат — все было незнакомым и приветливым как новый друг, обнимающий за плечи. Солнце село, море простилось с ним, сверкнув на прощанье золотистой шкурой. Сумерки вышли из джунглей, распластались по берегу, взяв в заложники свет фонарей.

На столе стояла бутылка и бокалы с вином. Зудин и Ольга сделали по глотку.

— Как тебе здесь? — спросил он.

— Это рай, — прошептала она.

Принесли горячее. Они были голодны и приступили к еде с аппетитом. Ольга ела, опустив глаза, а Зудин не оставлял своего неотрывного внимания к ее юной

непосредственной красоте. Он смотрел на ее выставленное из-под стола круглое колено, полную голень и пальцы с покрашенными ногтями в босоножке.

— Давай, больше не будем пить? Эту бутылку допьем и все, — сказала она.

— Почему?

— Мне достаточно, а тебе еще ехать.

— На скутере-то? — усмехнулся он. — Хорошо. Больше не будем. А когда приедем, откроем еще бутылку.

Музыканты играли великолепно. Мотивы регги, музыки с других берегов, где тоже море и пальмы, очень подходили этому острову. Люди танцевали перед сценой, внизу на песке, на пляже; большими компаниями, парами и в одиночку, кто как. Повсюду были загорелые татуированные тела. Дух праздности и свободы царил на острове.

Они отъехали совсем немного, когда Зудин остановился на пустынной дороге посреди тьмы. Далеко за деревьями пробивался тусклый свет фонаря.

— Хочешь научиться ездить на скутере? — спросил Зудин.

— Не сейчас же.

— Это совсем просто!

— Ты шутишь?

— Как на велосипеде.

— Я пила!

— Чуть-чуть — не считается. Попробуй, ты удивишься, когда узнаешь, как это просто!

— Ладно, но только если ты будешь рядом, — согласилась она.

— Мы будем вместе.

Они поменялись местами. Зудин взял ее за талию.

— Это газ, это тормоз. Потихоньку прибавляй газ и отпускай тормоз. Давай.

Ольга попоставила ноги на подножку.

— Почему мы не падаем? — спросила она.

— Что значит: почему не падаем?

— Я убрала ноги, а мы стоим.

— Я-то не убрал, — он засмеялся. — Газу!

Она дала газ, и скутер резко взял с места.

— Ой!

— Не бойся!

Зудин рулил, придерживая руль левой рукой.

— Сбавь немножко!

Ольга резко сбавила газ; получилось, как будто нажала на тормоз. Скутер завилял на дороге, но Зудин выровнял ход.

— Мы едем! У тебя отлично получается! — кричал он.

— Я боюсь! — она взвизгнула.

— Не бойся! Ты молодец!

Впереди показалась машина. Ольга резко крутанула руль, и они съехали с дорожного полотна. Зудин увел скутер от столкновения с деревом, но плавно затормозить уже не мог. Скутер подпрыгнул на кочке и завалился на бок. Падая, Зудин схватил Ольгу в охапку, и она упала на него.

— Ай!

Он почувствовал, как она сжалась от страха. Он лежал на сухой земле, а она на нем,

сжавшись, как маленькая девочка.

— Ты цела?

— Да, — пробормотала она.

— Где больно?

— Нигде...

Зудин разомкнул объятия. Ольга поднялась, опираясь о землю. Он вскочил и стал осматривать ее всю, тиская плечи, руки, бока, ноги, задрал платье и смотрел на нее, как будто в потемках мог что-то увидеть. Была лишь небольшая ссадина на внутренней стороне правого колена.

— Я так испугалась, — Ольга положила голову ему на плечо.

— Все хорошо, хорошо, — Зудин погладил ее по спине. — Зачем ты так резко повернула?

— Она ехала прямо на нас...

Он засмеялся.

— Тебе показалось. Мы бы спокойно разъехались.

— Извини.

Глава XIX (окончание)

Они вернулись к своему бунгалу, когда ночь затопила все вокруг тьмой. Ночь была поэтична. В небе мерцали звезды-жемчужины, пальмы шуршали беспокойной листвой, и волны лизали песок как промежность.

Зудин поставил на стол бутылку, бокалы и зажег свечи. Чудесная прелюдия, начавшаяся с приглашения провести выходные на море, подходила к концу, и от того, что она получилась такой прекрасной, Ольга волновалась еще больше. В ее черных глазах, отражающих пламя, светилось признание. Сдержанная во всем и прежде всего в словах, воспитанная в строгом соблюдении приличий, мучительно уязвимая, сделанная вся из прекрасного, но очень тонкого стекла, она признавалась сейчас глазами в своем чувстве.

Они расположились за столом, сев с одной стороны и повернувшись друг к другу, так, чтобы стол не казался преградой. Они сидели, положив на стол локоть, Ольга — левый, Зудин правый. Сделав над собой усилие, она чуточку развела ноги, и испугалась, не слишком ли откровенно. Он смотрел ей в глаза, но, конечно, все видел и оценил.

Зудин улыбался. Поигрывал хвостом, словно тигр, здоровенный красивый кот, взявший в лапы молодую тигрицу, которая уже убрала в сторону хвост. Зудин видел, что происходит с Ольгой, и это придавало ему уверенности. Он знал, что делать. Он подвел ее к этому моменту, и финал обещал быть незабываемым. Любовь очаровательной девушки была у него в кармане.

Зудин взял бокал, Ольга взяла свой, он чокнулся с ней, и медленно, не сводя с нее глаз, поднес вино к губам. Кроваво-красная жидкость прокатилась по стенкам бокала и исчезла в глотке. Ольга сделала глоток, тронув бокал чувственными губами, и розовая капля скатилась по выпуклому стеклу. Их измученные ожиданием тела стали влажными под одеждой. Зудин перевел взгляд на ямочку у нее между ключицами.

— У тебя здесь капелька, — он показал на себе. — Вот-вот скатится.

Ольга подняла руку и дотронулась до верха груди, и замерла, увидев его взгляд. Ему не надо было ничего говорить, слова им вообще были не нужны.

Зудин наполнил свой бокал и долил — ее, придвинулся ближе и дотронулся до ее колена. У Ольги перехватило дыхание. Если б он что-то спросил, она бы не ответила, потому что хватило бы воздуха. Ее колени еще чуть раздвинулись, теперь конвульсивно. Она дышала, как будто только что поднималась по лестнице.

Они выпили. Ольга выпила жадно, словно в вине было единственное спасение, сжала губы.

— Иди ко мне... — прошептал Зудин, впившись глазами в ее влажные губы, и взял ее руку.

Ольга встала, хотела сесть ему на колени, но он вдруг поднялся и подхватил ее, и она обвила его шею руками. Зудин понес ее, глядя в черные остановившиеся глаза, вошел в комнату и опустил на кровать. Она вытянула руки вдоль тела, и согнула колени.

Он принес свечи и поставил на столик.

— Лучше в темноте, — попросила она.

— В темноте, это когда боятся смотреть друг на друга, а я хочу видеть тебя.

Ольга не могла унять дрожь, смотрела на Зудина, как на своего палача. Он раздевался и

тоже смотрел на нее. Прошелестела и упала к ногам рубашка, упали штаны, брякнув ремнем. Он показался ей еще больше и здоровее, с обведенной тенями мускулатурой, и тяжелыми как у кузнеца руками. Ольга взглянула на его узловатые гениталии, будто вытащенные из земли клубни с согнутым стеблем, и испугалась. Она конечно знала, как выглядит голый мужчина, но то, как было у Зудина, показалось ей если и подходящим мужчине, то только первобытному.

Издаലെка, откуда-то из-за скалистого гребня, за которым находился большой пляж, долетела тоскливая мелодия в стиле нью-эйдж.

Ольга смотрела на Зудина как на приближающуюся змею, испытывая страх цивилизованного человека перед чем-то первобытным. Раньше она думала, что это произойдет с ровесником, бледным и робким, кого она не будет бояться, и не будет хотеть. А Зудина она хотела и боялась. А еще она боялась боли; боялась, что сделает что-то не так в этот первый и самый важный раз. Вино было единственным ее союзником. Впервые она пожалела, что не выпила больше.

Зудин опустился на кровать, присев рядом с Ольгой, став на секунду античной скульптурой, и стал лапать ее через платье. Он словно мерил ее своими большими ладонями. Взял ее за грудь, и Ольга схватила его руки, не зная зачем, то ли чтоб оторвать от себя, то ли чтобы прижать изо всех сил, потому что от них исходил волшебный подчиняющий жар. Зудин поддел бретельки платья и лифчика и стянул их, опустив к покорным локтям, и оголил пухлые груди, прекрасные как у невольницы. Потрогал их. У Ольги встали соски. Ей хотелось стонать, но она стыдилась.

Словно большая пушистая кошка нежилась у нее на груди. Он наклонился и потрогал сосок языком. Ольга натянулась как струна и ослабла. Природа забродила в ней раскаленной лавой в поисках выхода. Его теплый рот взял другой сосок, подключился к другому оголенному концу, от которого ток пробивал через тело. Ногам хотелось то раздвинуться, то сжаться, руки то поднимались обнять его, то бессильно падали. Ольга не знала, что с ними делать.

Зудину уже хотелось задрать ей ноги и всунуть в нее, как в мясо свою пылающую головню. Но требовалось помедлить, добить долгим непрерывным удовольствием. Он поднял платье и стал гладить ее сильные стройные бедра, погладил ажурное белье, поцеловал ниже пупка. Ольга растерянно смотрела на его вытянутые губы, роняющие на нее прикосновения, которые тут же таяли.

Зудин стянул с нее трусы, как будто спустил флаг, почувствовал: сдалась. Ее выпуклый лобок был покрыт короткими шелковистыми волосами с ровно выбритым окаймлением. Он смотрел на ее крутые как холмы бедра, и ждал, что это лоно сбросит сейчас детскую скованность, она поднимет ноги, прижмет к груди колени и разведет их, подставив себя ему. Но вместо этого бедра сдвинулись, как новобранцы в первом бою.

Грубый штурм мог все испортить. Зудин вернулся к платью и потянул вверх, намекая, что самое время разоблачиться полностью. Ольга зашевелила попой, словно лежащий больной, который помогает сиделке переодевать его, пока не поняла, что это ужасно по-детски. Она рывком поднялась, сняла платье через голову, и стояла, покорная, уронившая ставшие чужими руки.

Зудин прошелся по ней глазами, глотками выпивая ее мраморное совершенство. Взял за бедра, повернул и посмотрел на нее сзади, большую, стройную, с волной черных волос до лопаток, с большими приподнятыми ягодицами и двумя впадинками над ними. Он встал и

прижался к ней. Первый раз, пройдя через сотни женских тел и душ, ощутил желание срастись с этим телом. Словно потеряв когда-то часть себя, вновь обрел ее, и ждал воссоединения.

Зудину хотелось, чтобы Ольга проснулась, взяла бы его, стала трогать, пусть неумело, но искренне. Зудину очень этого хотелось, но ее руки были как ветви ивы. Он заботливо положил ее на постель, лег рядом и стал целовать в губы, задыхаясь вместе с ней. У него прихлынула кровь, а у Ольги отхлынула, собралась внутри огромной дрожащей каплей. Они слышали, как стучат их сердца.

Они должны были сделать усилие, взяться за руки и взойти на вершину. Зудин ждал, что Ольга обнимет его за шею, обхватит ногами и прижмется всем телом. Но она лежала, жаждущая и ждущая, но безвольная как рабыня. Он просунул ладонь ей между ног. Она судорожно раздвинула их, но только чтобы впустить руку, но не его самого. Зудин стал мять ее между ног всей пятерней. Никакого ответного движения, только вздох, похожий на всхлип.

Ромашка бы сейчас прижала круглые коленки к груди, раздвинула бы пальчиками розовый бутон и позвала бы затуманенными глазами, и утянула бы на глубину... Почувствовать бы ее руку. Одно прикосновение! Зудин испугался. Понял, что хочет такую как Ромашка...

Он сел и не грубыми, но непреклонными руками раздвинул Ольге ноги. Они поддались принужденно, словно уступили насилию, и легли как-то по-лягушачьи. Еще не знали, как надо. Пугливое лоно задышалось. Надо было действовать без проволочек. Зудин лег на нее и стал толкаться в ее тело, как вскочивший на самку самец.

Помоги же, — хотелось крикнуть ей в ухо. Но Ольга просто ждала, покрытая потом, как перед медицинской процедурой, о которой только и думают, как бы поскорее через это пройти. Ромашку бы сюда! Наконец, Ольга вздрогнула. Зудин преодолел сопротивление тела. Она схватилась за него, как будто падала в бездну.

Зудин двигался ритмично, решив, что не стоит затягивать. А Ольга терпела. Никакого ответного движения. Хорошо было в ней, но не с ней. Он не мог ее простить или хотя бы сделать скидку на неопытность. Теперь он спешил. Ромашка засела в сознании как игла, пустила в вену разочарование. Зудин, конечно, взял свое, дернулся назад и скорчился над ней, как падший ангел, орошая девственный живот тяжелыми каплями. А потом упал, накрыв свое неплодное семя и ее чистую кровь.

Наконец Ольге стало хорошо. Позади были боль, его напряженная работа над ней, великая неразбериха чувств: желания, стыда, растерянности. Как же хорошо! Ольга держала его на себе, и ей не было тяжело, было приятно чувствовать на себе его тяжесть. Она была б согласна, если б оргазм был тем, что она переживала сейчас. Ольга чувствовала себя женщиной; ведь именно она насытила это могучее тело, затихшее на ней, как уснувший ребенок. Ее тело узнало власть женщины над мужчиной.

Ольга осторожно обняла его, провела по волосам, посмотрела на уставшее лицо и поцеловала в щеку. Ей захотелось ласкать его, но она не знала как. Зудин сполз с нее и лежал, не открывая глаз, оставив на ней руку. Ольге казалось странным, что она не находит выражения счастья на его лице, ведь сама она на седьмом небе. Она объяснила это тем, что он просто устал. Ольга стала целовать его в то, что было рядом, плечо, руку, шею. Теперь Зудин казался ей поистине прекрасным, физически совершенным. Все в нем казалось ей идеальным, и лицо, и руки, и то, что побывало в ней, поначалу представлявшееся корявым

стеблем с клубнями. Ольга узнала, что так и должно быть.

Они лежали долго, влажные, как будто срослись. Она гладила его нерешительной рукой, водила пальчиком по прохладной коже. Ей стало казаться, что всю ее покрывает зуд. Ольга сняла с себя его руку и пошла в душ. Она омывала себя, водила руками по внутренней стороне бедер, между ног, но боялась туда смотреть. Она боялась увидеть кровь. Ольга сказала себе: все, теперь она женщина, и эта ночь как можно скорее должна стать воспоминанием. Она подумала, что должна вернуться в комнату такой же, как ушла — без всего. Но все же обмотала полотенце по бедрам.

Зудин спал, раскидав длинные ноги и уронив с постели руку, посапывал как подросток. Ольга не решилась его будить. Подняла руку, накрыла всего одеялом, и легла рядом. Ей хотелось выйти на веранду, крикнуть от радости и прыгнуть в море, качаться на волнах и рассказывать звездам, как она счастлива. Но еще сильнее хотелось быть с ним.

Ольга проснулась от того, что ее тело беспардонно мяти, хватали за задницу, за грудь, лезли между ног. Со сна она не сразу сообразила, чьи это руки. Она хотела закричать, но рот оказался закрыт чьим-то ртом и чей-то язык сплетался с ее языком. Ольга открыла глаза и увидела синие дерзкие глаза Зудина. Она не могла ничего сделать. Было совсем светло.

Он навалился на нее, вдавив в постель, и раздвинул ей ноги. Она ощутила болезненное вторжение, правда, оказалось не так больно. Ей даже понравилось ощущение наполненности. Но хотелось, чтобы не такими грубыми были толчки. Рты слились в поцелуе, а глаза смотрели в глаза. Ольге стало хорошо. Между ног росло новое и необыкновенно приятное ощущение; ритмичные толчки разгоняли его по телу, и сердце стучало в одном ритме с толчками.

Толчки прекратились, стало пусто и холодно, Зудин приподнялся над ней, и Ольга почувствовала, как на живот пролилось что-то теплое. Это произошло неожиданно, и она снова оказалась растерянной и попросту неготовой. Зудин уронил голову ей на плечо, упал рядом и дышал, как ночью, как будто быстро бежал.

Ольга не знала, радоваться или огорчаться. Она ничего не знала, даже хотела заплакать. Потом Зудин встал, вышел на веранду, и она услышала плеск воды. Ольга полежала несколько минут и поднялась, обмотала себя полотенцем и открыла дверь на веранду. Она увидела, как он режет волну, взмахивая руками-веслами.

— Рома!

Зудин перестал грести и посмотрел на берег.

— Плыви ко мне! — крикнул он.

— Я боюсь!

— Плыви!

Ольга посмотрела по сторонам, скинула полотенце и сошла в воду голая. Они поплыли навстречу друг другу. Когда Зудин подплыл, они обнялись. Ей было трудно посмотреть ему в глаза. Он взял ее руку и повлек за собой.

Они загорали в шезлонгах, завтракали, сидели под пальмами, снова загорали. Потом подъехала машина и раздалась тайская речь.

— Кто это? — спросила Ольга.

— Маленький сюрприз, — улыбнулся Зудин.

Они увидели троих тайцев, двух женщин и мужчину, которые в нескольких метрах от бунгало устанавливали что-то наподобие шатра. Они закрепили четыре ширмы из белой материи, за которыми поставили два лежака и застелили их простынями.

Увидев хозяев, они приветливо заулыбались и поздоровались по-английски.

— Сейчас нам будут делать тайский массаж, — сказал Зудин.

— Надеюсь, это будет прилично?

— Все неприличное мы сделаем потом сами.

Они легли на живот, повернувшись друг к другу. Запахло чем-то незнакомым и очень приятным. Ольга улыбнулась и закрыла глаза. Зудин смотрел, как тайская женщина льет в руку масло и размазывает по ее матовой коже. Ольга развела блестящие от масла ноги. Зудин почувствовал, что хочет лечь на нее, облитую маслом, скользнуть руками по ее телу, засунуть в нее блестящие пальцы и гладить изнутри. Он почувствовал ногами прохладное масло, нежные руки заскользили по разгоряченной коже. Ощущение блаженства растеклось по всему телу, и он невольно закрыл глаза.

Пахло как в раю. Тайские руки обладали какой-то нежной силой; надавливая, вместо боли они оставляли ощущение невесомости и удовольствия. Разминалась каждая мышца, продавливалась, растиралась. Тело наполнялось сладкой ломотой и становилось обновленным.

После массажа Зудин и Ольга отдыхали, лежа в постели. Было непонятно, спишь ты или бодрствуешь, скорее, было какое-то пограничное состояние. Он повернулся к Ольге, ткнулся лицом в щеку, стал целовать. Его рука обхватила ее за талию, он задвигался и оказался над ней. Он взял ее за бедра и рванул на себя. Ольга вся сжалась, показалась испуганной, готовой вырваться и убежать. Зудин смял тяжелыми гусеницами ее проросшие из жертвенности и фантазий побеги.

Ольга с ужасом наблюдала, как на ее бедра надвигается танк с поднятой пушкой. Танк нырнул и погрузился в нее орудием. Она опять растерялась, опять мучительно переживала переплетающиеся секунды муки и наслаждения.

Зудин перевернул Ольгу. Как она похожа на Ромашку! Те же широкие, круглые ягодицы, та же талия, те же ямочки, та же сильная ровная спина. Только волосы другие, темные. Нет, куда ей до Ромашки! Ромашка прогибалась как дуга, выворачиваясь наизнанку, насаживалась на него, угадывая малейшее его желание. Как в танце. Зудин зажмурился, но подлог не получился.

Ему было мало ее целинной красоты. Он пил ее и все равно жаждал. Душный мрак тропической ночи отступил, стало свежо. Они вытянулись, выровняв себя после корчей, тела задышали. Они уснули, Ольга — с облегчением, Зудин — с тоской.

Возвращение было тяжелым, словно оба болели. Зудину хотелось побыть одному. А Ольга боялась остаться одной. Она успела прирасти к нему, как привитая ветка. Ей хотелось прилететь с ним в его московскую квартиру и остаться в ней, как в бунгало, где прошли эти ночи. В самолете он спал, а Ольга смотрела на его лицо и не могла отвести взгляд. Ее кровь наполнилась любовью как ядом.

Когда она смотрела на его лицо во время перелета, оно казалось прекрасным и безмятежным, но когда они покидали самолет, пока ждали багаж, на нем появилось сожаление и тревога. Его рука, которую она держала, стала безжизненной. Ольга спросила, как он себя чувствует, Зудин сказал, что болит голова. Она предложила таблетку спазмалгона, но он отказался, сказал, что таблетки ему не помогают.

Когда Зудин привез ее домой и довел до квартиры, Ольгу не так расстроило одиночество, в котором она осталась, как тоска, с какой он посмотрел на нее, расставаясь. Ольга обняла его и поцеловала, его губы ответили, но в глазах промелькнула льдинка. Ольга

взяла с него слово, что он позвонит, когда будет дома.

Ольга была лучшим, что предлагала Зудину судьба, но он не мог быть с ней. Он знал, что больше не встретит такую как она, и от этого было больно. Ольга была идеальна, просто он ее не хотел. Зудин понимал, что дело в нем, но не мог себя изменить. Они должны были расстаться, только не сразу, чтобы не было глупостей с ее стороны. Он звонил, жаловался, что полно работы и приходится засиживаться допоздна. Отчасти так и было.

В среду позвонил Сашка и спросил, как у Зудина обстоят дела с Ромашкой. Зудин сказал, что никак. Сашка попросил ее номер. Зудина подмывало узнать, зачем ему такая тварь. Он отправил номер в смс. Палец как коготь завис над телефоном, чтобы стереть ее номер. Зудин сжег мосты, знал, что никогда ни при каких обстоятельствах не позвонит. Даже для того, чтобы еще раз причинить боль. Чтобы не выдать, что помнит. И все же, все же...

Обе были прекрасны. Даже параметры у них был почти одни и те же. Ольга была стройнее и изящнее; Ромашка — дороднее, кровь с молоком, как крестьянская девка, разомлевшая от выпирающей наружу чувственности. А Ольга свою чувственность скрывала. Одна была открыта пороку и искала в нем счастье, другая сияла как снег на горной вершине. А Зудин одинаково не мог без красоты, без порока и без порока в красоте.

Сашка был смешон, раздавлен своей выросшей на нечистотах любовью, как лягушка трактором. Зудин посмеивался, представляя, каким будет их разговор. В любом случае, недолгим. Хотелось узнать, оправилась ли она. Наверняка еще нет, после этого долго приходят в себя. Рубец останется на всю жизнь, как бы она не сложилась.

Сашка позвонил на следующий день, и сказал, что Ромашка не захотела с ним говорить. А потом ему позвонила какая-то девушка, которая представилась ее подругой, и рассказала, что Настя наглоталась таблеток и ее еле спасли врачи, но она еще в больнице. Девушка назвала их подонками, и пожелала им как можно скорее попасть в ад.

Нельзя сказать, что бы Зудин обрадовался, скорее это было удовлетворение. Ему не нужна была смерть Ромашки, тогда бы совесть уколола его. Он хотел, чтоб она мучилась. Приятно было сознавать, что она страдает. Сашка влюбился и тоже страдает. Пусть страдают. Животные. Они это заслужили, она — тем, что порочна, он — тупостью.

Но почему страдает он, Зудин? Почему ему кажется, что он тоже раздавлен?

В четверг вечером приехала Ольга. Без звонка. Она была с распущенными волосами, без очков, в голубом в горошек платье, которое он подарил. Сумочка и куртка висели на сгибе руки. Волнующий аромат наполнил прихожую. Когда Ольга увидела его изможденное лицо, то сразу поверила, что это из-за работы. Зудин встретил ее в брюках и светлой рубашке, расстегнутой донизу, еще не переодевшись после работы. В его руке был бокал с коньяком.

Он невнятно пробормотал извинения, утонув в ее красоте, на этот раз дерзкой как у Ромашки. Сильные ноги в босоножках на каблуке, волнующаяся под бирюзой грудь и черные глаза, словно голые без очков, очаровали его. Зудин разглядывал ее, улыбаясь. Не дожидаясь приглашения, Ольга прошла в спальню, покачивая бедрами, и села на неубранную постель, играя раскрепощенную девицу, которая сама пришла к мужчине.

— Где очки? — поинтересовался он, поводя бокалом с коньяком.

— Я надела линзы, — ответила она недовольным тоном и спросила, — Что ты пьешь,

коньяк? Налей и мне.

Зудин вышел на кухню и вернулся с коньяком. Когда он вошел, она сидела, положив ногу на ногу, до самых трусов демонстрируя загорелые бедра. Они сделали по глотку. Ольга поднялась и, преодолевая сковывавший ее и потому такой очаровательный стыд, взяла у него бокал и поставила на столик, и свой тоже. Она поцеловала Зудина, обняла и потянула на постель. Они упали и утонули лицами в ее шелковистых каштановых волосах.

Зудин хотел жгуче, как до их первого раза, но боялся ее неумелости, которая отталкивала его как стена. Он развалился на постели в распахнутой рубашке, маня расслабленной мускулатурой. Задрав платье, она села на постели на пятки и развела колени. Зудин уставился на ее роскошные бедра, на полоску белья, которое она демонстрировала. Ольга была напряжена, он видел, с какими усилиями дается ей роль.

Он расстегнул молнию. Подняв глаза, она встретила его взгляд. Она еще не научилась видеть в мужчинах очевидное. Зудин уронил голову на подушку и умоляюще сдвинул брови. Она легла рядом, потрогала его через брюки, погладила его живот, грудь, и все смотрела ему в глаза, как в синюю даль. Ее теплые руки были полны нежности, Зудину было очень приятно. Они поцеловались, он закрыл глаза.

— Ты очень устал, бедненький, — прошептала Ольга. — Я хочу, чтобы ты отдохнул и набрался сил. Тебе надо хорошенько выспаться. Отдыхай, а я пока что-нибудь приготовлю.

Это была не та забота, которую он ждал. Зудин хотел, чтобы Ольга превратилась в бесстыжую суку, а не мамочку. Разозлившись, он опрокинул ее на спину и, не снимая с нее трусов, а только оттянув, трахнул ее как куклу, кончил на платье и отвалился, сделав вид, будто уснул. Ольга снова не успела ничего понять, а только смотрела, не мигая в его сосредоточенные глаза, пока он удовлетворял себя с ней.

Проснувшись утром, он увидел ее детское личико. Ольга сопела как ребенок, положив руки под голову. Она спала в платье, в котором пришла, голые коленки были плотно сжаты. Она укрыла Зудина, а сама постеснялась залезть к нему под одеяло и озябла.

Неудовлетворенность вернулась, как голодная собака, которой нужна кость. Зудин начал лапать ее сонное тело. Она сжалась и хрипло выдохнула, едва открыв глаза:

— Что ты делаешь?..

Он запустил руки ей в трусы, и все повторилось по вчерашнему сценарию. Зудин видел, что она любит, но не принимал любви, когда она — терпение и жертва. Он понимал, что для настоящей страсти Ольгу надо воспитать, а для этого нужно время и желание с его стороны.

Когда они сели в машину, Зудин взглянул на ее потерянное лицо, в котором неизвестно чего было больше, радости или сожаления.

— Оль, почему ты такая невеселая? — он улыбнулся, как будто все было хорошо.

— Ты выглядишь таким же вымотанным, как вчера, как будто не спал, — в глазах Ольги было истинное участие. — Все из-за работы, из-за твоей проклятой работы...

Зудин подумал, что, может, не стоит с ней расставаться. Второго такого ангела ему не встретить. Он же может на ней жениться и жить прежней жизнью, а ее потихоньку посвящать в секреты разврата. Он смотрел на ее лицо, на линию груди, на голые коленки, и думал, как здорово иметь от нее детей; несколько не хуже чем от Ромашки. Так и жить: учить ее похоти, ходить по бабам, и растить детей. А когда Ольга превратится в такую, как Ромашка, другие бабы станут не нужны.

Как отвратительно, как глупо иметь подобные иллюзии, тем более для такого умного человека, — подумал Зудин.

Когда они прощались, Зудин пообещал, что завтра повезет ее знакомить со своей матерью. Но вечером позвонил и сказал, что мать приболела, и знакомство откладывается. Ольга расстроилась, он понял это по голосу. На самом деле Лариса Федоровна не заболела, и поехал он к ней не один. Из Костромы приехала ее сестра Надежда Федоровна с дочерью Натальей. Он встретил их на Ярославском вокзале и повез на дачу.

Надежда Федоровна и мать были сестры-близнецы, при этом совершенно разные. Лариса Федоровна никогда не была замужем, но никогда не была одинока, а Надежда Федоровна всю жизнь прожила с одним мужем, который пять лет назад умер от рака, и она вдовела тихо как семидесятилетняя старуха.

Лариса Федоровна всегда хорошо выглядела, умела держать себя и не любила когда не умели держать себя другие. Она считала сестру недалекой простушкой, даже удивлялась, что они, родные сестры, такие разные, и подсмеивалась над ней, при этом во всем проявляла о ней покровительственную заботу. У обеих было по единственному ребенку. Лариса Федоровна была рада, что ее племянница красивее и умнее своей матери. Наталье исполнилось двадцать девять, она была не замужем.

Наталья запрыгнула на переднее сиденье и развалилась, выставив худые колени. Надежда Федоровна пыталась забраться в Рейндж Ровер, делая это так, словно лезла в нору.

— Мама! — воскликнула Наталья с раздражением.

— Сейчас, сейчас... — бормотала Надежда Федоровна.

Зудин помогал ей. Наконец, она уселась и шумно заерзала.

— Эти новые машины такие неудобные.

— Тебе только на «Запорожце» ездить, — сказала Наталья.

Всю дорогу Зудин и Наталья оживленно болтали. Надежда Федоровна пыталась участвовать в разговоре, но вскоре замолчала. Зудин бесцеремонно разглядывал двоюродную сестру. Он смотрел на ее подвижные чувственные губы, и думал: у нее, должно быть, вместительная глотка; вот бы увидеть, как она берет в рот. Сто процентов, что она орет, когда кончает.

Наталья была похожа на мать, но, благодаря уму и умению держаться больше походила на тетку. Она была высокой и худой. Ее худоба была неестественна, выстрадана, что выдавало ее изможденное лицо. Зудин не любил тощих. Худоба делала ее изящной, грациозной, но лишала женственности и сексуальности. Она была бы куда более привлекательной, если б нарастила на свои острые углы хороший слой мяса.

Этот изъян сглаживала большая грудь, на фоне ее худобы казавшаяся просто огромной. Красивое лицо портил четко очерченный контур черепа, особенно когда она улыбалась, а она делала это во весь рот, по-американски. Сияние зубов казалось еще ослепительнее от ярко рыжего, почти красного цвета волос. Наталья как будто боролась со своей славянской природой, давшей ей основу подлинно женственной красоты, стремилась оставить себе лишь кости и жилы. Она была загорелой, словно только что приехала с Красного моря, но вблизи было заметно, что загар имеет неестественный оттенок.

— Ходишь в солярий?

— Не вылезая из него, — сказала она, растягивая слова.

Подкачанные губы портили ее лицо сильнее худобы, придавали ему приторное порнографическое выражение. Наталья плавилась в его бесцеремонных взглядах как мороженое в микроволновке. На ней была черная блузка, черные облегающие брюки и черные туфли на каблуке. Вблизи было заметно, что вещи поношены, носы у туфель сбиты. Зудин купил ей эти вещи, когда они приезжали в прошлом году.

Наталья получила хорошее образование, безупречно знала английский, проработала несколько лет в школе и ушла перебиваться частными уроками, надеясь устроить личную жизнь за счет привлекательной внешности. Она не рассказывала об этом, все было видно и так, как было видно, что расчет этот вряд ли сбудется. Расчет на чувственную любовь только манит сладкими конфетами, в итоге же как правило дает горькие.

— Я покурю? — она достала тонкую сигарету.

— Нет, — сказал он с улыбкой.

Наталья посмотрела на него, поняла, что он не шутит, и убрала сигарету.

Лариса Федоровна встретила их возле дома. Она была накрашена, в прическе, в сережках и в новой зеленой кофте. Она смотрела, как сестра выкарабкивается из машины, даже не помышляя помочь ей. Она обняла племянницу, подскочившую к ней на длинных ногах, и заключила в объятия сестру, когда та, наконец, вылезла. Зудин занялся багажом.

Надежда Федоровна была грузней сестры и выглядела старше на пять, если не на все десять лет. Они расцеловались. Жидкие локоны Надежды Федоровны, выкрашенные в ужасный сизый цвет, почтительно склонились перед сверкающими бублями Ларисы Федоровны.

— Здравствуй сестричка, здравствуй родная, — бормотала Надежда Федоровна.

Лариса Федоровна приветствовала ее родственными объятиями. Зудин понес сумки на второй этаж. Следом пошла Наталья. Войдя в комнату и поставив сумки, он повернулся и всю ее оглядел.

— Прекрасно выглядишь! — сказал он, хотя думал несколько по-другому.

Она засияла, подалась вперед, словно хотела положить ему на ладони свою тяжелую грудь. Ее таз был широк, как у всех женщин в их роду, но из-за худобы, когда она сводила колени, ее бедра складывались в треугольник. В этот треугольник мог свободно пройти его кулак. Уютная славянская женственность была выскоблена из этого остова. В этом было какое-то извращение, именно оно и возбуждало Зудина.

Небольшая комната была уютна и очень нравилась Наталье. Она всегда занимала ее, когда приезжала к тете Ларисе. Пахло деревом и лаком. Из-за низкого потолка комната была похожа на шкатулку. У стены стоял старый короткий диван с круглыми подлокотниками и высокой вертикальной спинкой, которая сверху служила как полка. Возле окна стоял дамский столик с большим зеркалом, напротив дивана книжный шкаф; уже никто не помнил, когда его открывали последний раз. На стене висела репродукция Брюллова с восточной девушкой, срывающей виноградную гроздь.

Наталья раскрыла окно, и ворвавшийся ветер подхватил легкие тюлевые шторы. Она повернулась и вздохнула, их глаза встретились. Это было похоже на встречу влюбленных из романа, от чего Зудину стало противно.

— Тебе, наверное, надо переодеться, — сказал он. — Спускайся, стол уже накрыт.

— Я не голодна, — ей хотелось продлить этот момент.

— У нас этот номер не пройдет. Пока ты здесь, ты будешь есть, как следует. Тебе надо поправиться.

— Ах ты, хам! Ты же сказал, что я хорошо выгляжу!

— А можешь еще лучше. Повернись-ка!

Она встала боком, выпятив грудь, довольная, что он рассматривает ее. Вытянутый подбородок, длинная шея и полная грудь образовывали очень соблазнительную линию.

— Когда ты идешь, ты не падаешь вперед? — спросил он.

— Почему я должна падать?

— Грудь — единственное, что осталось в тебе увесистого. Должен быть противовес. Все нормально, но задница плоская, как будто по ней лопатой шлепнули.

— Что? — она понимала, что он говорит с юмором, но все-таки обиделась. — Ты хочешь, чтобы у меня был целлюлит?

— Мужчины любят, когда жопа как кочка. Как у негритянок, — улыбнулся он.

Зудин видел, что она действительно может быть красивой. Дело было не только в излишней худобе. Ей не хватало естественности, она могла бы быть по-настоящему красивой русской женщиной, если бы не зацкливалась на внешности и не гналась за извращенной модой. Чрезмерная худоба очень вредила, уже можно было заметить признаки увядания, которое коснулось ее раньше времени. Он видел, что она ужасно переживает из-за этого и из-за того, что еще не устроена, и ему стало жаль ее.

Может, его замечание подействовало, а может, Наталья действительно проголодалась, но за столом она ела с аппетитом. Лариса Федоровна приготовила утку в духовке, и четыре салата. Все было очень вкусно. Все пили коньяк, Наталья — белое вино. Лариса Федоровна вышла из-за стола и вернулась с высокой коробкой, обвязанной красной лентой.

— Надя, прими это от нас в честь дня рождения, — она остановилась перед сестрой и ждала, когда та встанет.

Надежда Федоровна, растрогалась, чувствуя, что в коробке что-то дорогое, и улыбалась, продолжая сидеть.

— Мама, возьми коробку! — скомандовала Наталья.

Надежда Федоровна поднялась и протянула к коробке красные руки.

— А тебя ждет сюрприз, — сказала Лариса Федоровна Наталье. — Так захотел Ромаша.

Надежда Федоровна поворачивалась, не зная, куда поставить коробку.

— Поставь на стул, — сказала Наталья.

Надежда Федоровна, как дрессированная, поставила коробку на стул, и смотрела на нее.

— Ну, чего же, развязывай, — сказала Лариса Федоровна.

Надежда Федоровна принялась развязывать ленту, пытаясь пальцами ослабить узел. У нее не получалось. Наталья с ненавистью смотрела на мать. Зудин провел ножом по ленте и открыл коробку. Все увидели аккуратно составленный ослепительно белый сервиз.

— Дорогой ведь, наверно, — пробормотала Надежда Федоровна и полезла целовать сестру. Потом она расцеловала племянника и, закрывая коробку, обратилась к дочери. — Наташ, давай, неси уж. Правда, наш подарок не сравнить с вашим, простите.

— Сама неси.

Наталье было стыдно. Бедность была мучительна для нее.

— Да разве ж в этом дело! — сказала Лариса Федоровна.

Надежда Федоровна ушла в комнату и вернулась с картонной коробкой.

— И тебя с прошедшим, дорогая сестричка, — промямлила она, сунув коробку сестре.

Они снова расцеловались. Лариса Федоровна достала из коробки вазу и на стол упала маленькая бумажка. Это был ценник — четыреста рублей.

— Дура, — прошептала Наталья.

Через минуту вновь стало весело. Выпили. Неуклюжую вазу из мутно-розового стекла наполнили водой и опустили в нее цветы.

Зудин и Наталья пошли гулять. День был солнечный, но не жаркий. Он накинул легкую куртку, а она свитер, он очень шел к ней, коричневый, мягко облегающий ее грудь, и дешевый, что сразу заметил Зудин. Они шли по дорожке вдоль забора коттеджного поселка. Он засунул пальцы в тесные карманы джинсов, она сложила руки под грудью. Ее спина гнулась под тяжестью груди.

Наталья пошла в тех же туфлях, в которых приехала. Зудин чувствовал, что она бы с удовольствием надела кеды, но у нее их не было, или не было приличных. Она была расстроена. Они шли и молчали.

— Наташка, да не расстраивайся, — сказал он, наконец. — Мы же свои.

— Эта уродская ваза оказалась единственным, что мы могли себе позволить, и что хоть как-то могло сгодиться как подарок. Я сказала ей: «Мама, не забудь выбросить ценник!» — она готова была заплакать.

— Да перестань. Главное, вы приехали и мы очень рады. Я очень ждал, когда вы приедете.

Он взял ее руку, и они продолжали идти так.

— Правда, ты рад? — спросила она.

— Конечно!

Ее глаза заблестели.

— Нищета унижительна, — вырвалось у нее, как рыдание.

— Нищета не вечна, жизнь наладится. Если тебе нужны деньги, скажи.

— Я хочу иметь свои, а не выпрашивать подачки.

— Что ты сделала, чтобы иметь деньги? Бросила работу. Твой дядька предлагал вам устроить вас в Москве. Вы что ему сказали? Что вы лучше будете бедными, но честными.

— Это мама ему так сказала.

— А я, думаешь, откуда взял свой Рейндж Ровер? Благодаря ему. Он подсказал, чем заниматься, помог открыть фирму, помогает и сейчас.

— Вы всегда нормально жили. Твоя мать всегда умела устроиться. А моя... как кухарка. Хочу быть как твоя. Я всегда брала с нее пример.

— Моя мать просто умеет вертеть мужчинами и пользуется этим.

— Все. Не хочу больше об этом говорить. Давай о чем-нибудь другом, — она тряхнула его руку.

— О чем?

— Ну, сделай мне еще комплимент! — Наталья попыталась рассмеяться, но ее лицо, изможденное как у узника, не засмеялось.

Они перешли дорогу, и пошли по лугу между молодыми березками. Недалеко впереди был большой пруд. На берегу сидел мужик с удочкой. Наталья подошла к молодой березке и провела по мелкой светло-зеленой листве, потом повернулась к нему и, шурясь от солнца, сказала:

— Скажи что-нибудь.

Зудин знал, что не должен это говорить, но ему очень хотелось это сказать; чувствовал, что где-то глубоко-глубоко она ждет именно этих слов.

— Я хочу тебя, — произнес он как признание.

Наталья испугалась и растаяла, утонула в запретных и потому еще более сладостных словах.

— Ты же мой брат.

— Двоюродный.

— Все равно.

— Ну и что!

Она опустила голову, стыдилась и улыбалась от удовольствия.

— Ты же тоже хочешь!

— Нам нельзя.

— Все цари и короли женились на двоюродных сестрах.

— А потом у них рождались уроды.

— Уроды от этого не рождаются. И потом, мы же не будем жениться.

— А что мы будем?

— Дадим друг другу по кусочку себя и будем счастливы. Хоть какое-то время.

— Один день?

— Зависит от нас. Но даже если день, пусть он будет.

Ее податливость возбудила его еще сильнее, кровь застучала в висках. Наталья сдалась; он видел, что она ждет, каким будет его первый шаг.

— Как бы ты хотела?

— Прямо сейчас?

Они стояли в нескольких шагах друг от друга. Их тела были напряжены, только казались расслабленными. Ее ожидание было требовательным. Зудин раскрыл ее как раковину, и теперь нельзя было останавливаться, чтобы она не захлопнулась.

— Да.

— Нет!

Но ее горящие глаза говорили об обратном. Наталья смотрела на него, будто тянула к себе взглядом.

— Ты не представляешь, как я тебя хочу, — прошептал он.

— Знаю.

— Не знаешь, ты не мужчина.

— Женщины знают мужчин, а мужчины женщин — нет.

Он расстегнул молнию и вытащил член.

— Ого, — улыбнулась она. — Это и есть мой подарок?

— Прости... Ты заставила меня обо всем забыть.

Наталья посмотрела по сторонам, на мужика с удочкой, который сидел к ним боком.

— Тебя не смущает, что мы здесь не одни?

— Нет.

Она подошла, еще раз посмотрела по сторонам, и взяла его рукой. Член дрогнул, почувствовав ее пальцы, стал твердым и побагровел, возбуждение было очень сильным. Зудин смотрел в ее коричневое лицо, красивые глаза, в которых больше не осталось ни стыда, ни неловкости, и неестественно большие, будто надутые губы. Наталья поболтала его набухшим членом.

— Красавец. Точная твоя копия, — и засмеялась.

Глава XXI (окончание)

Когда они вернулись домой, он с порога бросил:

— Нам надо ненадолго уехать.

— Ромаша, ты же выпил! — испугалась Лариса Федоровна.

— Я вызвал такси.

Они поехали в Дмитров в торговый центр Дмитровский, и Зудин платил за все, что она выбирала. Наталья забавляла его. Даже если бы она выиграла миллион евро, она не выглядела бы такой счастливой. Она бросалась на ровные ряды вешалок, как на врага, и сражалась с ними, перебирая нетерпеливыми пальцами. Она спешила, словно боялась, что он передумает.

Зудин наблюдал за ней с улыбкой, даже порекомендовал пару вещей. Наталья набирала ворох тряпок и устремлялась в примерочную. Он чуть отдергивал штору и смотрел. Она раздевалась до белья и не замечала, что ее пересушенный зад разочаровывает его. В эту минуту ей было не до него. А он продолжал свои наблюдения, выискивая на ее остовах съедобные кусочки. Зудин решил, что недостаток мяса можно компенсировать с ее стороны отсутствием комплексов и тормозов.

Когда после примерки Наталья хотела надеть свою старую одежду, он сказал:

— Надень джинсы и толстовку, а это сложи в пакет. Оно больше не понадобится тебе.

— Да, ты прав. Спасибо, — она посмотрела на него с благодарностью.

Из летней коллекции она нашла все, о чем мечтала. Вообще не было только одной вещи — лифчика с узким объемом груди и большими чашками. Они обошли все бутики белья. Зудин устал таскаться за ней с пакетами.

Наталья протрезвела.

— Рома, милый, прости! Ты столько для меня сделал!.. — она обняла его и заплакала. — Я жадная сука...

— Все нормально, не беспокойся, — он поставил пакеты и впервые дотронулся до нее как брат, погладил по волосам.

Зудин потратил довольно много, но чувства родственной жалости и предвкушения подогревали его. И потом, ведь это был не только подарок, но и аванс.

Когда они вернулись, сестры по-прежнему сидели за столом. Наверное, все это время они предавались воспоминаниям. Их взрослые дети прошли на второй этаж с ворохом пакетов.

— Ого! — воскликнула Лариса Федоровна.

Надежда Федоровна ничего не сказала.

— Наташ, а ну-ка иди, покажись! — крикнула Лариса Федоровна.

— Сейчас!

Зудин распалился, ожидая ее безотлагательной благодарности. Бросил пакеты на пол. Наталья еще не перевела дух, только села на диван, а он уже расстегивал джинсы, стоя перед ней.

— Ты с ума сошел! — воскликнула она.

Он знал, что она не откажет, и от этого хотел еще сильнее. Кровь бросилась ей в лицо. Снизу доносились голоса матерей.

— Не сейчас же! — ее отчаяние было уже не следствием страха, а следствием борьбы страха с желанием.

— Именно сейчас!

— Хоть дверь закрой!

— Так мы услышим, если они пойдут наверх.

Наталья съехала со спинки дивана и ждала, расставив ноги, обтянутые новыми джинсами. Он стащил с себя джинсы и трусы; поднявшийся член выпрыгнул, приветствуя новую знакомую.

— Нас же ждут, — прошептала она.

Наталья уставилась на его загнутый кверху член. Зудин приблизился, спутанный джинсами, стал коленями на диван и принялся мять ее грудь. Она взяла в рот. Надутые губы елозили по члену как спасательный круг. Зудин подумал, что такие губы только для этого и годятся. Он почувствовал, что скоро кончит, и придвинулся. Она подняла глаза и стала драть, направив член себе в рот. Когда он кончал, она смотрела ему в глаза.

— Оближи.

Она проделала это старательно, постепенно приходя в себя. Лизала головку, впитывая все до последней капли.

— Ну, где вы! — крикнула Лариса Федоровна.

Они улыбались, как удачливые воры. Наталья прижала к лицу его член и закрыла от удовольствия глаза.

...Похоть схлынула, и Зудин увидел перед собой обтянутый кожей череп с жидкими красными космами, два жирных нароста на чахлой груди. И еще отчетливо увидел, что лицо Натальи похоже на лицо его тетки, на лицо его матери. Ощущения отступили, и пришло четкое осознание того, что они сделали. Зудин почувствовал, что эта минута должна покоробить его и отрезвить, и тогда он откажется от продолжения, отстанет от этого тощего уродливого существа и сделает шаг назад, может, даже начнет удаляться по воздуху, словно нет вокруг ни стен, ни потолка.

Целую минуту он удивительным образом верил в реальность такой спасительной левитации. Да, просто взял и полетел отсюда, от нее. Только надо решиться. Сделать в себе шаг. Он выпрямился. И даже не ощущал спущенных штанов. Не чувствовал прохлады в члене, на котором еще не высохла ее слюна. Не хватило всего секунды, чтобы оттолкнуться, как для прыжка с трамплина, только вверх.

Минута истекла. Тихо вернулась похоть, как будто и не исчезала. Зудин увидел, что перед ним не уродина, а двоюродная сестра — его Наташка, и, несмотря на то, что она слишком тощая, ему хорошо с ней. Нет! Да! Он спокойно это принял, и ему стало хорошо, он почувствовал, что скоро вернется эрекция.

— Ну, где вы, Наташа, Рома!

Зудин стоял на том же месте и приводил себя в порядок. Наталья очнулась, вскочила с дивана и принялась искать сумочку.

— Идем! — крикнула она не своим, забитым в глотку голосом.

Он тихо засмеялся. Она достала зеркальце, стала вытирать рот, щеки.

Наталья устроила им настоящий показ мод, ходила по гостиной, виляя мосластым задом, поворачивалась, и все время улыбалась своими надутыми блестящими губами. Ей очень хотелось, чтобы они видели, какая она женственная, красивая, сексуальная. А со стороны казалось, что она просто очень рада. А довольный Зудин сидел за столом, кивал и

улыбался.

Его комната тоже была на втором этаже. Это была летняя комната, с огромными во всю стену окнами, только одна стена была глухой. Он лежал, выжидая время, чтобы пойти к ней. Внизу раздавались какие-то звуки, двигались стулья, хлопала дверь, слышались голоса, мать выходила курить, и в открытое окно тянуло дымком сигареты.

Какая свежая и славная ночь, — думалось ему. Ему было хорошо, но досадно, что их матери внизу никак не улягутся и приходится ждать, когда, наконец, можно будет прокрасться к недоеденному пирогу. Зудин услышал скрип половиц и легкие шаги. Он оторвал голову от подушки и увидел худую фигуру в светлой майке и трусиках.

Молча, стесняясь своей смелости, Наташка скользнула под одеяло и прижалась к нему, стала шарить по нему руками, тыкаться губами в его лицо. Их схлестнувшиеся страсти мешали сделать что-то конкретное, сплели их в клубок. Наконец она повернулась спиной, он потянул ее на себя.

Даже в темноте можно было разглядеть ее позвоночник и ребра. Мошонка ныла от шлепков по костистому тазу. Разложенный диван заскрипел. Наталья больше не могла себя контролировать и из ее глотки стали вылетать звуки. Зудин бросил ей подушку. Она вцепилась в нее зубами и тихонько постанывала. Ее свело судорогой, она застонала, и он рукой зажал ей рот. Они затихли. Он гладил ее, а она рыдала в сладких судорогах, сдерживая голос.

В окно потянуло дымком, Зудин подумал, что мать могла их услышать, но сейчас ему было все равно.

Когда Зудин проснулся и увидел ее, словно вымазанную глиной, ему стало противно. Захотелось, чтобы произошло что-нибудь из ряда вон выходящее, что повергло бы ее в шок. Вот бы все подпрыгнуло как на вулкане, и их вот так в постели увидели бы их матери. Это здорово бы его повеселило. Зудин тряхнул ее за плечо. Наталья проснулась, увидела его и вскочила. Ее копченое лицо, словно натянутое на чужой череп, с вывернутыми губами, в обрамлении клокастых волос, делало ее похожей на труп.

Зудина передернуло. Она шарила по постели в поисках белья, в котором пришла, тощая, с болтающимися как мешки, грудями, с кустиком рыжих волос между ног. Когда она исчезла, Зудин готов был думать о чем угодно, только не о ней. Он чувствовал себя кем-то вроде того князя, которого обманула шамаханская царица.

Но когда они спустились к завтраку, все изменилось. Наталья снова была яркой, сексуальной и уверенной в себе. Когда Зудин встретился глазами с матерью, ее взгляд сказал, что она обо всем знает. Лариса Федоровна оживленно разговаривала, было видно, что этот факт не произвел на нее особого впечатления.

Когда Зудин вез Наталью и Надежду Федоровну на вокзал, они непринужденно болтали, смеялись, и ничего не понимающая Надежда Федоровна смеялась с ними. Он смотрел на двоюродную сестру и видел в ней жеманную сучку, которую новое барахло превратило в сексбомбу. Его опять тянуло на ее кости, словно не было сегодняшнего отвратительного утра. Ему было на все наплевать.

Это приторное как разлагающийся труп желание породило мысль, которую Зудин тут же озвучил.

— Наташ, почему бы тебе не пожить какое-то время в Москве? — сказал он. — Все равно ты пока не работаешь.

Она уставилась на него, немая от неожиданности.

— Какое-то время можно пожить у меня. Найдем тебе работу. С твоим английским это будет не трудно. И жениха тебе найдем! — он засмеялся, и она тоже засмеялась.

— Не знаю... — пробормотала Наталья.

— Решено. Перебирайся в Москву. Хватит киснуть в своей Костроме.

Когда они шли по перрону, и Надежда Федоровна отстала, Наталья спросила:

— Ты серьезно хочешь, чтобы я переехала к тебе?

— Конечно. Будем трахаться каждый день.

Наталья заулыбалась, как сообщница.

— Мы же не можем вести себя как муж и жена.

— Для других. А друг для друга можем. Потом выдадим тебя замуж и будем трахаться как любовники.

— А лучше, если муж будет не против!

Когда они прощались, она поцеловала его в засос. Надежда Федоровна захлопала глазами, но видимо, решила, что ей показалось, и ничего не сказала.

Когда Зудин ехал домой, у него было прекрасное настроение, хотя он знал, что завтра будет по-другому. Похотливой сестренки хватит на пару недель. Потом она опостылеет, и он избавится от нее. Вернется голод. Только теперь он знал, что этот голод не утолить. Он надеялся утолить его с Ромашкой, потом с Ольгой, с каждой новой женщиной, которая раздвигала перед ним ляжки, он стремился утолить этот голод. Теперь он знал, что будет голодным всегда. Но сейчас он был сыт и потому доволен. Зудин чувствовал, что эта радость так же низка, как была бы низка радость Шуры Балаганова, когда он украл кошелек, если бы он не попался.

На следующий день Зудин поехал к Ольге. Он все решил, был настроен твердо и готов пройти неприятный момент объяснений. Но когда она открыла дверь, и он увидел ее с полными любви глазами, в распущенных волосах, такую прекрасную, какой только может быть земная женщина, ему стало больно.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Нет, — струсил он. — Может, пройдемся?

— Я как раз собиралась погулять с Чарли.

Ольга взяла Чарли на руки, и он сердито твякнул на Зудина, как будто понял его намерения. В лифте она встала рядом и коснулась Зудина, благоухающая, плодородная как долина с холмами и ложбинами, устремленная к нему телом и душой, вся полная им, как в божественный момент зачатия. Она была в голубых джинсах и белом свитере. Он провел взором по линиям ее тела, и почувствовал, что его гнет и ломает изнутри как наркомана.

Они вышли на улицу, Ольга отпустила Чарли, взяла Зудина за руку и пошла рядом, привычно касаясь его, как жена. Ветер трепал верхушки деревьев, балагурил, смеялся, зная не хотел о терзаниях Зудина. В песочнице возились дети, их голоса напоминали воркованье голубей. Зудин остановился и повернулся к Ольге. Отчаяние охватило его.

— Мы должны расстаться, — сказал он, и его лицо дрогнуло, как будто он порезался.

— Что? — спросила она.

— Мы должны расстаться. Мы не можем быть вместе.

Ее лицо тоже дрогнуло, но она совладала с собой.

— Почему? — спросила Ольга, изо всех сил выдерживая ровный голос.

— Потому что я не могу дать тебе то, чего ты заслуживаешь. Я видел много женщин, но такой как ты среди них не было, и все они не стоят тебя одной. — Тяжело, с усилием Зудин выдавливал из себя слова, чувствуя озноб, словно совлек с себя последнюю одежду и остался голый. — А я... За то время, пока мы были вместе, у меня было столько баб, что я даже не помню их количества.

Ее лицо мгновенно потемнело, она отшатнулась, но продолжала смотреть ему в лицо.

— Я не могу по-другому. Я так привык. Ты и они — это рай и ад. Я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Я такой. Сначала я хотел быть только с тобой, потом хотел быть с тобой и жить, как жил до тебя, но в конце концов понял, что ничего не получится. С тобой так нельзя. Все, что я говорил о тебе — правда. Я любил тебя. И люблю. Но не могу себя изменить. У тебя все будет хорошо. Ты будешь счастлива. Спасибо тебе за все. А я... не стою тебя! Прощай! — крикнул он, повернулся и зашагал по траве к машине.

Это было первое потрясение за ее девятнадцать лет. Ольга успела срастись с этим человеком всем своим существом, и теперь так неожиданно, привыкнув к своей счастливой любви, получила удар. Она еще не осознала, что произошло, но уже ощущала боль. Она смотрела Зудину вслед, через поднимающееся из груди рыдание силясь понять, что же произошло. У ее ног верный Чарли замер в тревожной позе и тоже смотрел ему вслед.

Зудин дал себе слово не думать о бабах. Хотя бы несколько дней. Уйти в работу, благо, дел накопилось достаточно. Но егохватило только на два дня. На третий с утра — это был

четверг, — дали о себе знать назойливые позы. А когда после обеда в кабинет зашла их бухгалтер Маргарита Львовна, у которой грудь была пятого размера, он уже не мог думать ни о чем другом.

Хотелось женщину. Не какую-то определенную, женщин Зудин сейчас ненавидел, всех, от Ольги до матери. А просто хотелось, зудело. Он не мог думать о делах, мысленно послал их к черту. Он остался после работы, когда все ушли, кроме прораба Гамова, который возился с чертежами. Зудин заперся в кабинете, сел за компьютер и открыл порносайт.

Один за другим открывались ролики, заманивая блестящими в смазке округлостями. Он выбирал те, которые заводили. Возбуждение нарастало. Сначала Зудин просто поддался желанию посмотреть, но возбуждись, почувствовал потребность в разрядке. Он закрывал ролик, едва открыв, если картинка не цепляла. Воображение не давало задержаться на чем-то одном, мчалось на стремлении ощущать еще острее. Какой бы заманчивой ни казалась фантазия, став картинкой, она тут же блекла и вместо нее появлялась новая. Чехарда иллюзий, превращающихся в зрительное воплощение, не прекращалась.

Остановить ее можно было единственным способом — разрядиться, но сделать это сию минуту было нельзя. Казалось, вот следующая картинка будет лучше, следующая окажется тем, чего ждешь. Это заставляло притормаживать, длить предвкушение. Зудин потерял счет времени.

Чтобы размять затекшую шею, он покрутил головой, и увидел себя в стеклянной дверце шкафа. Съехавший на край кресла, с согнутой спиной и вытянутой вперед головой, как у черепахи, он показался себе ужасным. Но больше всего поразило лицо, словно каменное, с глубокими бороздами возле сжатого рта, сдвинутыми бровями, под которыми застыли напряженные глаза. Как будто он решал изнурительную задачу, которую никак не мог решить, и не мог бросить. Поражало несоответствие того, чем он жил в эту минуту выражению лица, поистине стоическому.

Стало больно от осознания своего порока, с которым неожиданно оказался лицом к лицу. Его же считали красивым, и Зудин сам считал себя таким. А сейчас, когда то, что завладело им в последнее время, сбросило покровы и предстало таким, какое есть, он, словно уронил маску и увидел свое подлинное лицо.

Это открытие потрясло Зудина, но повернуть его оно уже не могло, над ним властвовала другая сила. Чтобы успокоиться, надо было остановиться. А рука на мышке все щелкала, щелкала.

Усилием воли Зудин заставил двигаться другую руку быстрее, чтобы получить горькое, на какое-то время спасительное облегчение. Он проглотил секунды животного удовольствия и затих, почувствовал, как мучительно неудобна его поза, как затекла спина. Он выпрямился и незамазанной рукой стал открывать ящики, чтобы взять салфетки и вытереть себя. И держал взгляд, чтобы не увидеть себя снова в стекле.

Зудин вышел в туалет, привел себя в порядок, умылся и, когда взглянул в зеркало, ему пришла мысль, что это благородное породистое лицо было бы достойно великого спортсмена, прославившего страну, или актера, играющего с проникновенностью Баниониса, или государственного деятеля, стоящего на трибуне. А вместо этого оно всего лишь маска, отражающаяся в стекле, за которой скрывается уродство порока. Дрогнув подбородок. Зудин зарыдал бы, если б не отвернулся от зеркала.

Возвращаясь в кабинет, он увидел Гамова, углубившегося в чертежи. В открытую дверь была видна массивная фигура, склонившаяся над столом. Он был сосредоточен и не сразу

увидел шефа. Гамов был здоровый и высоченный мужик, на фоне которого даже Зудин со своим стодевяностосантиметровым ростом выглядел довольно щуплым. Гамов был под два метра, имел очень широкие квадратные плечи и большие руки, как у рабочего. Его лицо было словно высеченным из гранита и казалось бы грубым, если бы не добрый взгляд и мягкая успокаивающая мимика.

Он как-то с трудом оторвался от своего занятия и посмотрел на Зудина.

— Иди уж, завтра доделаешь, — сказал Зудин.

Гамов оживился, уронил на ватман из большой руки карандаш.

— На новогиреевском объекте кончились двухсотые воздухопроводы, вот прикидываю, чтобы заменить на стопятидесятые.

— Иди, тебя дома ждут. — Зудин хотел выйти, но взгляд его почему то зацепился за могучую фигуру прораба. — Слушай, Евгений Константиныч, ты со своей женой живешь всю жизнь с одной?

Гамов поправил очки.

— Да.

— Как женился и до упора? До сегодня?

— В общем-то да.

— И ни разу не изменял?

Монументальное лицо Гамова пришло в движение, он снова поправил очки.

— Что-то было, но давно, поначалу и так, ничего особенного, даже не вспоминается.

— А сейчас? Не хочется иногда? — Зудин подмигнул.

Гамов заскрипел стулом и задвигал губами, словно ребенок, которому предложили конфету.

— Ты ж мужик. Здоровый такой и еще не старый, — продолжал Зудин.

— Бывает что-то... Зайдет Маргарита Львовна, наклонится над столом, — Гамов сложил руки в чашу размером с вымя. — А так, чтобы... Нет.

— Всю жизнь с одной?

— Не совсем всю. Было ж у меня до свадьбы. Но можно сказать и так.

Зудин был искренне удивлен. Ему это казалось тоскливым как тюрьма.

— Я бы повесился от тоски.

— Наоборот. Когда возвращаюсь домой, подойду к двери, у меня в груди все... — он ручищами изобразил душевную радость. — Меня ждут, дочки, жена... ужин на стол ставит...

— Но — с одной. Всю жизнь! — вырвалось у Зудина.

Квадратные плечи Гамова поднялись и опустились.

— Ну и что. А чего искать? Чего пробовать? У всех все одно и то же. Поперек ни у кого нет. — Гамов развел руками с совершенно серьезным лицом, предлагая принять это как факт.

Зудин посмотрел на него, нагромождение гранитных глыб, смирившееся с уделом человеческого бытия, и захохотал, во всю глотку, сведя к шутке весь разговор, и с хохотом вышел. Но в коридоре его смех иссяк, оставив горечь от того, что он так далек от этого заурядного прораба и никогда не сможет подняться на его высоту.

Выходные Зудин решил провести дома. Он должен был побыть один и во всем разобраться, и понять, как жить дальше. Разные мысли одолевали его. Он пытался заставить себя что-то решить. Ходил по квартире и размышлял, говорил себе, что должен измениться, потому что далее так продолжаться не может, но не мог обозначить себе четкого правила. Он напрягался, пытаясь выработать какую-нибудь установку, но мысли сбивались, он уставал.

И тут другие мысли, которые приходили в голову независимо от его воли, напоминали о лучших днях, проведенных с Ромашкой, о Наталье. Зудин бросался в мечты, представлял, как она переедет к нему, рисовал ее в воображении, ее губы... Но образ Ольги вставал над успокаивающими фантазиями и разбивал их как молот. Как можно променять эту... дрожащую тварь на Ольгу — идеал его искушенных представлений о Женщине, спрашивал себя Зудин и мгновенно трезвел от этого вопроса.

Он не мог ни работать, ни отвлечься на что-нибудь. Зудин повторял себе, что на самом деле все нормально, просто он немного запутался в бабах, устал от них; но жизнь-то его не изменилась: он здоров, богат и ничто не угрожает его благополучию. В чем собственно проблема? Да ни в чем. Ничто не угрожает... ничто... Разве ничто грызет его изнутри?!

Он не может полюбить и быть счастливым! Вот в чем его проблема!

Тяжелое как каток, осознание краха овладело им. Оказывается, он неспособен просто жить, как любой другой человек, которому дано в десять раз меньше, чем ему; который способен любить какую-нибудь простушку без фигуры с примитивной неразвитой душой. А он держал в руках Идеал, и уже стал любим им, но сам оказался не готов любить. Он сделал открытие, что нельзя всю жизнь валяться в грязи, а потом в один прекрасный момент лечь на белоснежную постель и не замарать ее.

Зудина охватило отчаяние. Он выбежал из квартиры, сел в машину и понесся на бешеной скорости по МКАДу, открыл все окна и заорал. Во всю силу легких. Поверил, что готов разбиться ко всем чертям. Но мышечная память не подводила. Рука твердо направляла машину. Визжали тормоза, водители орали вслед, но он не слышал их.

Зудин гонял, пока не почувствовал себя вымотанным. Приехал домой, упал на кровать, надеясь уснуть, но сон не приходил. Вновь стали одолевать мысли. Он пошел на кухню, достал коньяк, нарезку. Наливал стакан доверху и пил большими глотками. Пил, пока не выпил бутылку, пошатываясь, вернулся в комнату и повалился на кровать. Болезненное забытие придавило его как тяжелое одеяло.

Утром беспрерывно звонил телефон. Мать, с работы. Зудин не мог разговаривать, притворялся, что все хорошо и закруглял разговор. Телефон продолжал звонить, он швырнул его об стену. Дорогой аппарат разлетелся на части.

Зудин лег под одеяло и постарался ни о чем не думать. Покой продолжался недолго. Молодой организм не мог бездействовать. Кровь прихлынула вниз живота, стало тепло, в паху заскребло беспокойными ноготками. Он повернулся, словно хотел разогнать плохой сон, но это было куда сильнее, чем сон. Улыбающиеся женщины показывали себя со всех сторон, сменяя друг друга, как кадры киноплёнки.

Привиделась Ольга, подставляющая себя как кошка. Зудин стал развивать тему. Ольга,

похотливая как Ромашка; лезет к нему в штаны, достает член... двигает по всей его длине красивой рукой... Он оттянул трусы и принялся дергать свою воспаленную плоть. Кидать куски бешеной псине. Ольга открывает рот, у нее вздутые губы... как у Наташки...

Стоп! Ольга не превратится в Наташку, даже в фантазиях. Это не срабатывает. Он это уже проходил. Зудин вскочил и заходил по квартире с загнутым до пупа членом, беспорядочно задвигался, словно сорвал кольцо с гранаты и не знал, куда ее бросить. А если сопротивляться? Хотя бы попробовать! Не накормить голодного зверя! Нет, накормить. Зверь на какое-то время уляжется и будет спокойней. Так будет лучше им обоим. Нет! Сделать усилие! Зверь проснется и потребует своего. Зудин быстро оделся и вышел на улицу.

Он не заметил соседку, которая поздоровалась с ним. Запрыгнул в Рейндж Ровер и погнал. Гонял по Москве, не выбирая направления, лишь бы ехать, двигаться. Никого не видеть и не слышать. На третьем транспортном кольце попал в пробку. Справа мигала поворотником красная мазда-трешка, симпатичная блондинка просила пустить в его ряд. Он притормозил, она повернулась, и он прочел по губам «спасибо». Милые такие пухлые губки.

К черту! Убраться куда-нибудь, где нет ни одной бабы! Зудин свернул на Волгоградку, доехал до Кузьминок, бросил машину и пошел в парк. Он выбирал глухие углы, чтобы вокруг никого не было. Уложенные плиткой дорожки, клумбы, фонтаны — все, что было сделано рукой человека, отвращало. Казалось, все, что связано с человеком, заражено пороком. Хотелось девственной неоскверненной природы.

Люди были везде, и больше женщин, чем мужчин. Словно агенты скрытого наблюдения, вели за ним слежку. Зудин свернул с дорожки и пошел в лес. Бродил, уперев глаза в землю, словно посох; смотрел вверх, завидуя беспечности птиц. Пока не встретил упавшее дерево, и сел на него. Комары налетели на него со всех сторон. Зудин сорвал ветку, чтобы отмахиваться.

Но мысли были назойливей, чем комары. Была бы здесь Ромашка, ей и комары не помеха. Встала бы к дереву и сняла джинсы. Этого он и хотел. Назойливые комары мешали грешить со своими мыслями. Наташка приедет и успокоит его. На какое-то время, пока он не захочет чего-нибудь новенького.

Зудин попробовал представить у дерева Ольгу. Вот она стягивает джинсы, наклоняется и прогибает спину. Да, она обалденная. Но почему у нее такое недоуменное лицо, как будто он вынуждает ее делать что-то не свойственное женщине. Так не заводит. А Наташка заводит. Грязная сука с отвисшими сиськами, с натертыми губами, которые никогда не закрываются, — заводит. Он застонал от отчаяния.

Деревья, немые свидетели его терзаний, жалели его, тянулись листвой, словно хотели погладить. Зудин поднялся и пошел бродить под ветвями, понуривший голову заплутавший блудник.

Так прошел день. Зудин устал и хотел пить. Пора было возвращаться. Он пошел наугад, не выбирая направления. Вышел на Кузьминскую улицу и направился к Заречью, где оставил Рейндж Ровер. К счастью, в машине оказалась вода. Зудин долго пил большими глотками. Потом чистился. Приводил в порядок брюки и обувь. Он всегда возил в машине белую рубашку, на случай, если вдруг будет важная встреча, а он не успеет заехать домой переодеться. Он снял футболку, обтерся ей, и надел рубашку.

Невдалеке за деревьями была церковь. Зудин подумал о церкви, только когда увидел ее. Он удивился, что эта мысль не пришла ему в голову раньше. Он почувствовал себя, как тонущий в океане, который неожиданно встретил доску. Он смотрел на белеющую за ветвями церковную стену, и ему хотелось заплакать. Так в далеком детстве, потерпев какую-то обиду, он бежал к матери, убежищу и защите от всех несчастий. Он плакал, а мать гладила его по голове, и утешала, говорила, что все будет хорошо. Обида проходила, он успокаивался, и все действительно становилось хорошо. Зудин почувствовал, что за церковной оградой его ждет избавление. Он закрыл машину и зашагал к церкви.

Зудин тихонько затворил за собой дверь и остановился. В церкви было пусто и тихо. В отдалении старуха в платке тушила свечи перед иконами. У стены темной статуей замер мужчина, склонив голову. Старуха увидела Зудина и поплыла к нему, перебирая ногами, как старенькая балерина.

— Храм закрыт, — сказала она и уставилась на него маленькими тусклыми глазками.

Зудин чуть не крикнул: «Не гоните меня!»

— Мне надо поговорить со священником. Очень надо, — сказал он.

— Может завтра?

— Я хотел бы сегодня.

Старушка вздохнула.

— Идите к алтарю и ждите. Сейчас выйдет.

Если б она не показала рукой, Зудин бы не понял, где это — алтарь. Он пошел вперед и остановился перед солеей. Он не видел, где дверь, и не понимал, откуда должен появиться священник. Все казалось бутафорским, как в старом дешевом театре, святые — с календаря. В церковь он не ходил, о Боге не думал, ему это было не нужно. Зудин поглядел вокруг. Старуха вернулась к своему занятию.

Он постоял, увидел себя со стороны и почувствовал стыд. Он, успешный, сильный, умеющий взять от жизни свое, и вдруг тут, со склоненной головой, как какой-нибудь неудачник. Зудин посмотрел на мужика у стены. Тот поклонился и направился к выходу, так и не распрямив до конца спину. Кроткий, жалкий. Зудин испугался, решив, что и он теперь такой.

Есть ли здесь что-нибудь, к чему обращаются эти ничтожные люди, которые являются сюда, рисуют в воздухе крест, словно магический знак, и склоняют головы... перед чем? Кому они возносят молитвы, пустоте? Зудину захотелось развернуться и уйти, не поднимая головы от стыда перед старухой, которая, поди, знает, что и этого обманули, как и всех, и посмеется над ним.

Допустим, он выйдет. Но что его ждет снаружи? Женщины, женщины, проклятое отродье; молодые и не очень, красивые и не очень, выстроились кольцом перед церковной оградой, ждут, как вампиры, чтобы наброситься, запрокинуть ему голову и вцепиться в лицо когтями, и пихать ему в горло ляжки, груди, жопы, влагалища, набить его своим вонючим мясом по самую глотку.

Нет уж. Лучше постоять здесь. Хоть какое-то время. Пусть смешной в собственных

глазах, и в глазах старухи, которая конечно в курсе, что все здесь обман. Скорей всего... Но может, все-таки не совсем? Может, есть здесь что-то, что может дать хоть чуточку избавления?

Послышался шорох, он поднял голову и увидел темноволосого мужчину с бородой в черном облачении с крестом на груди.

— Мне нужно поговорить со священником, — глухо сказал Зудин, стараясь не встретиться с ним глазами.

— Уже поздно. Можно перенести это на завтра? — спросил священник, голос у него был уставший.

— Прошу вас. Я готов компенсировать... — Зудин понял, что сказал не то. — Простите...

— С вами что-то случилось?

Зудин склонил голову.

— Я... больше не могу так жить!

— Что же случилось?

— Не знаю, как это выразить. Дело в женщинах... Беспорядочные связи и тому подобное. Вот, довели меня до того, что я больше не могу так...

— Вы сами себя довели, — сказал священник, но в его тоне не было ноток обвинения.

Зудин кивнул, не поднимая головы. Черная прядь упала на бровь. Он быстро поднял руку и тщательно пригладил прядь к волосам.

— Да, вы правы. Но я жил, как все. Не задумывался. Мне казалось, что это нормально. Впрочем, я не оправдываться пришел. Я пришел сказать, что больше так не могу... и попросить помощи. А как надо — не знаю!

Священник молчал. Зудин стоял, опустив голову, ему казалось, что на него направлены глаза судьбы.

— Верите ли вы в Бога? — спросил священник. — Если вы пришли сюда, значит, наверное, верите?

Лицо Зудина сморщилось, как будто ему задали очень страшный вопрос.

— Не знаю... — он развел руками. — Не знаю. Может быть... Наверное.

— Что вы хотите здесь получить? За чем вы пришли?

Лицо Зудина сморщилось еще сильнее.

— Мне нужна помощь.

Священник вздохнул.

— Видите ли, мы здесь верим, что Бог есть. Он дал нам некое представление об истине. Если вы не верите в это, то я не знаю, как вам помочь.

— Похоже, вы просто выпроваживаете меня.

— Совсем нет. Но, посудите сами, что толку, если я буду вам говорить, что отчаяние, в котором вы находитесь, это прямое следствие вашей греховной жизни, если вы сами не считаете это грехом?

Зудин молчал.

— Вы мучаетесь, но как мы вам поможем? Здесь нет психологических приемов, чтобы снять боль и научить, как продолжать прежнюю жизнь и не мучиться.

— Вы правы, — выдавил из себя Зудин. — Я не готов сказать, что верю в то, во что верите вы. Но я готов попытаться. Можете помочь хотя бы в этом?

— Скажу сразу, это не так-то просто. Это не — съел таблетку и почувствовал

облегчение. Это процесс длительного выздоровления, на который, возможно, понадобятся годы. Длительного и мучительного. Порой вам будет еще хуже.

— Куда уж хуже.

— Поверьте, есть куда. Но подумайте, если в вас есть хоть капля надежды на то, что во вселенной существует некая сила, которая призывает над вами, подумайте, если эта сила дала вам такое страдание, то, наверняка не для того, чтобы погубить, а для того, чтобы помочь вам понять, что с вами происходит, где вы находитесь. Чтобы вы осознали это и попытались изменить свою жизнь.

Священник стоял на солее, поэтому казался выше Зудина, хотя на самом деле был ниже. Но от этого, пусть незначительного возвышения, от черного полотна рясы, словно проросшего через пол, и от статичности его фигуры, — двигались лишь пальцы его согнутой в локте руки, и то едва, — исходил дух чего-то необычного, давящего.

— Что мне делать? С чего начать?

— Вы женаты?

— Нет.

— Вам надо порвать все ваши связи. Как хотите, но это надо прекратить. Нельзя бороться с пороком и одновременно принимать в нем участие. И конечно необходимо молиться.

— Я не умею, никогда этого не делал.

— Молитесь своими словами, как умеете. Как будто разговариваете с отцом, вспомните, как в детстве, когда разговаривали с отцом, и верили, что он может все на свете.

— У меня не было отца.

— А теперь будете знать, что он у вас есть. И всегда был. Только гораздо могущественней, чем тот, который дал вам тело. И гораздо более любящий. Только будьте искренни, потому что он видит вашу душу.

— Да. Хорошо. Я попытаюсь, — пробормотал Зудин.

— Приходите к нам. Приходите завтра, я смогу посвятить вам больше времени. И обязательно приходите на службу.

Священник двинулся, дав понять, что разговор подошел к концу. Зудин медлил прощаться, боялся, что не спросил чего-то важного. Он отступил, священник шагнул вперед и сошел с солеи. Зудину хотелось поблагодарить его, но он не знал, как. Он чувствовал, что рукопожатие неуместно.

— Спасибо, — пробормотал он и немного склонил голову.

Священник поднял руку и произвел в воздухе какое-то движение, непонятное для Зудина, но направленное на него, и пошел к выходу. Зудин повернулся к алтарю и поднял руку, чтобы перекреститься, и вдруг понял, что не знает, как это делать. Он же никогда не верил. Он произвел перед лицом неловкое движение, наподобие дирижерского, и опустил руку.

Зудин спорхнул со ступеней, не чувствуя собственного веса. Он не знал, что с ним произошло, но испытывал колоссальное облегчение. Священник сказал, что не дает таблеток, которые снимают боль, а Зудин как раз так себя чувствовал. Боли, терзаний не было, как будто он принял обезболивающее. Жажда жизни, силы вернулись к нему, как будто их принес налетевший ветер. Он побежал к машине, чувствуя желание закричать от радости.

Зудин сел в Рейндж Ровер и поехал к Ольге. Он знал, что не время возвращаться, что

надо подождать, может достаточно продолжительный срок. Зудин не переживал, что она успеет встретить другого, был уверен, что никто не займет его место в ее сердце. Сейчас ему просто хотелось проехать мимо. Взглянуть на ее окна, на дворик, где они гуляли с Чарликом. Что за чудесный пес! Зудин бы расцеловал его, если б увидел в эту минуту.

Он опустил стекло, чтобы ветер обдувал лицо. Как же хорошо! Зудин не думал о призрающей силе, о вере, о том, что надо молиться. Он просто радовался, что боль ушла и что, оказывается, жизнь можно круто изменить к лучшему. Все просто, надо только перестать трахаться со всеми подряд и жить по любви.

Москва казалась ему приветливой, кусты и газоны ухоженными, парочки мечтательно тихими. А говорят, чудес не бывает, подумал Зудин, всего час назад ему не хотелось жить, и вот радость плещется из него через край.

На улице Юности Зудин попал в пробку. Вечернее небо казалось очень близким, повисшим на верхушках деревьев. Слева тянулся Кусковский парк. Убегающие в глубину парка дорожки звали пройти, подышать свежестью. Зудин подумал, что хорошо было бы послушать соловьев. Там, среди молчаливых деревьев в сгущающихся сумерках можно почувствовать, какой бесстрастной бывает жизнь.

Там гуляют парни и девушки, голоса их звучат как ручьи, то и дело нарушая тишину всплесками смеха. Так же хорошо побродить в одиночестве, ни о чем не думать, а просто дышать запахами весны и слушать птиц. Он мог бы приехать сюда с матерью и погулять с ней, наслаждаясь приветливым покоем старого парка.

Машины толклись, как скотина, которую гонят на убой, подталкивая друг друга светом фар. А тротуары были пустынные, звали прогуляться пешком. На остановке стояла девушка. Зудин не сразу ее заметил. На ней было очень короткое платье, расстегнутая кофта, высокие гольфы и туфли на каблуке. Она была бы похожа на проститутку, если бы стояла ближе к проезжей части.

Ее нога немного согнулась в колене. Наверное, неумышленно. Легкое движение молодых стройных бедер. Но его глаз заметил это. Взгляд остановился на обтянутых черными гольфами аппетитных ножках; как же восхитительно сияла белизной полоска голого тела между платьем и гольфами... Нырнуть бы под платье и увидеть ее там.

Девушка улыбнулась. У нее была стрижка каре и круглое смазливое личико. В общем, она выглядела довольно безвкусно, но аппетитно. Она снова сделала движение бедрами, согнула другую ногу. Конечно же, неумышленно. Интересно, как она кончает, подумал Зудин. Как будто глотнул отравляющего газа. Предательская слабость охватила его, парализовала, убила всякую мысль о сопротивлении.

Да какой к черту Бог, осенило его, если б Он существовал, разве б Он это допустил? После всего, что он, Зудин, пережил! Священник и старуха превратились в оседлых лицедеев, обложивших данью доверчивых простаков. И как он повелся? Он, умный, образованный, современный, добровольно хотел отдать себя этим обманщикам и лицемерам, которые набивают мощну за счет дураков. Но, довольно. Зудин как будто встряхнулся, сбросил с себя слюнявое умиротворение. Если Бог есть, пусть пеняет на себя, ведь Он создал нас такими. А он, Зудин, не собирается расплачиваться за Его ошибки. Таков этот мир — неважно, созданный кем-то, или сформировавшийся сам по себе, это не меняет его сущности: мужчины и женщины не могут друг без друга. Это как голод. Да, тот же голод. Чтобы утолить его, надо что-нибудь съесть. Вот все и поедают друг друга. Как кому нравится, как кого возбуждает. И он, Зудин, будет наверху этой пищевой цепочки.

От молодых бедер исходил вкусный аромат.

— Автобуса долго не будет, — сказал Зудин.

— Я знаю, — улыбнулась девушка.

Рейндж Ровер немного продвинулся вперед.

— Чего же ты ждешь?

— Своего парня, — она пожала плечами.

— Должно быть наоборот.

— Я уже давно жду, — ее коленки снова нетерпеливо задвигались; она, словно изо всех сил сдерживала в себе нетерпение.

— Может, покатаемся? — он кивнул на соседнее сиденье.

Девушка видела его, как в клипе, в полутьме, мужественного и чувственного, с прядью волос, упавшей на бровь, взявшего ее своим голосом, как рукой. Она покрутила головой, но заулыбалась еще шире. Зудин продвинулся немного и поравнялся с ней.

— Так и будешь стоять? А если он не придет?

Она сжала кулачки.

— Давай, покатаемся. Обещаю вернуть тебя на это же место. Или куда скажешь.

Она продолжала улыбаться, а Рейндж Ровер постепенно удалялся.

— Он не придет, а ты так и будешь стоять, а потом пойдешь домой. Скучно же! — Зудин сделал музыку громче.

— Вас, наверное, дома жена ждет, — сказала девушка.

— Не слышу!

— Вас дома жена ждет?

— Чего?

Она подошла к машине и наклонилась, чтобы видеть его лицо. Зудин улыбался и двигал бровью. Девочка была совсем юной. Она отвела от лица темное каре.

— Мне немного страшно садиться в машину к незнакомому мужчине.

— Да брось! Я добрый! Обещаю, что все будет хорошо. Со мной ты в безопасности. — Он проехал еще один метр.

— А вы где живете?

— Там. Поехали!

Сзади начали сигналить.

— Поехали, а то меня сейчас вместе с машиной на газон переставят!

Девушка засмеялась и посмотрела на машины, сгрудившиеся позади Рейндж Ровера.

— Сейчас появится твой парень, и мы точно никуда не поедem!

Она оглянулась, взялась за ручку и оказалась в салоне, громко хлопнув дверью.

— Простите! — она вжалась в кресло.

— Все нормально! — Зудин тронулся. — Меня Роман зовут, а тебя?

— Даша.

Она была невысокой. Он оглядел ее, задержав взгляд на ляжках, они оказались действительно хороши. Груды были маленькие, а ляжки полненькие, круглые, как раз какие ему нравились. Даша сдвинула коленки и, взявшись за край платья, потянула его вниз. Он видел, что она ужасно трусит и волнуется под его плотоядным взглядом.

— Даша, ты очень красивая, — сказал Зудин.

— Спасибо! — она заулыбалась широко, глупо.

Она глядела, как щенок, который ждет, что с ним будут играть.

— Ты долго стояла на остановке?

— Полчаса.

— Ого! И стояла бы еще?

— Не знаю. Не хочется домой.

— Часто он так с тобой поступает?

— Не часто, но бывает.

— Он тебя не любит. Я бы ему морду набил.

— Он хороший, просто у него есть один минус. Он очень любит свою машину.

— Больше, чем тебя? Какая у него машина?

— Жига девяносто девятая. Ей уже двадцать лет. Он купил ее за десять тысяч, и постоянно делает. Она постоянно ломается, а он ее постоянно делает. А потом мы катаемся.

Зудин захохотал.

— Сколько ему лет?

— Двадцать один.

— А тебе?

— Семнадцать.

— Ты любишь его?

Даша посмотрела вперед и пожала плечами.

— Не знаю. Нет, наверно.

— Почему не бросишь его?

Она вздохнула.

— Не знаю. Брошу, когда встречу другого, кого полюблю.

— Вы как встречаетесь, ходите, взявшись за ручки, или по-взрослому?

— Что вы имеете в виду?

— Вы занимаетесь сексом?

— О таких вещах не спрашивают.

— Ты несовершеннолетняя. Может, ты девочка.

— Нет, конечно!

— То есть вы занимаетесь сексом?

— Да, — выдавила она.

— Тебе это нравится?

— А кому не нравится? Я не буду отвечать на такие вопросы.

— Да ладно тебе! — он рассмеялся. — Хорошо, давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Мне нравится эта музыка, можно сделать громче?

Зудин сделал громче, прибавил низов. Даша расслабилась, перестала держать колени вместе. Она была похожа на мальчишку. На ее милом личике появилась улыбка. Ее рука лежала на подлокотнике, он заметил, что у нее обгрызенные ногти. Но это не оттолкнуло его.

— Тебе нравится эта музыка? — спросил Зудин. — Но она не современная, даже я намного моложе ее.

— Ну и что! Она красивая.

— А что ты чувствуешь, какое впечатление она на тебя производит?

Даша пожала плечами, села прямей и посмотрела на него.

— Ну, не знаю... Мне кажется, она подходит для этого момента.

— Ты понимаешь слова?

— Нет.

— Она романтичная?

Даша задумалась.

— Ночь. За окном идет дождь. Дождь успокаивает, — заговорил он, как будто рассказывал сказку.

— Даже гром не страшный, гром тоже успокаивает... — сказала она.

— Как будто ты в нежных объятиях. Тебе хорошо в этих объятиях, — продолжал

Зудин. — Нет ничего, кроме успокаивающего дождя и объятий. Тебе очень хорошо, ты чувствуешь желание... Закрываешь глаза, и тебе кажется...

Даша посмотрела на него.

— Классно рассказываете...

— Романтично?

— Да.

— На самом деле, это песня про серийного убийцу.

— Правда? — испугалась она.

— Я сам удивился, когда вслушался в слова. Но — да.

— Никогда бы не подумала.

— Это очень известная вещь.

— Да?

— Doors, Джим Моррисон.

— Не слышала.

— Американская рок-звезда шестидесятых, поэт, бунтарь, кумир молодежи. Входит в так называемый клуб двадцать семь.

— Какой клуб?

— Двадцать семь. В этом клубе те, кто умер в двадцать семь лет.

— Мне понравилась мелодия, а на того, кто ее сочинил, мне поспать, — сказала Даша.

Зудин засмеялся.

— Тебе не жалко его?

— Не-а. — Она смотрела на него совершенно серьезно, а он хохотал от ее детской непосредственности.

— Хочешь, поедem в ночной клуб? — спросил он.

— Парк Авеню Диско. Только там пускают малолеток. Но я не хочу никуда ехать.

— Не хочешь кататься? А что бы вы делали с твоим парнем, если бы он пришел?

— Я хотела погулять. Просто побродить по парку.

— По какому?

— По этому, — она кивнула на деревья, тянувшиеся за окном. — А он не хотел. Он только и знает, что копать в своей раздолбанной Жиге или гонять на ней.

— Зато сегодня ты покатаешься на настоящей машине. — Он поставил на нейтралку и газанул. Рейндж Ровер рыкнул, словно потревоженный тигр.

— Честно говоря, я не очень хочу кататься, — сказала Даша. — Я бы хотела просто погулять. Я так давно не гуляла. Живу рядом с парком, а уже забыла, когда была здесь последний раз.

— Хорошо, давай погуляем. Я — за. Что, бросаем машину и идем гулять?

— Да.

Девочка, девочка, что же ты делаешь.

Глава XXIV (окончание)

Оранжевая улица была уже рядом. Зудин повернул налево и вскоре остановился. Они вышли из машины. Свет фонарей мерцал на мокром асфальте. В кустах ветвей густела тьма, в глубине среди черных стволов гасли сизые клочки ушедшего дня.

Даша закурила, зажигалка освятила ее челку и вытянутые губы. Они пошли по Оранжевой. Зудин не сводил глаз со своей юной спутницы. Она смотрела вперед, напряженно вытянув шею, словно собиралась запеть, взяв высокую ноту. Она делала частые затажки, чтобы скрыть волнение.

— Ты любишь гулять? — спросила она; потратив на «ты» остатки смелости.

— Я давно не гулял с девушкой в парке, поэтому мне будет приятно побродить здесь в твоём обществе. Почему ты на меня так смотришь?

— Ты такой... большой и красивый, — она не могла скрыть восхищения, как ребенок.

Из тьмы выскочил припозднившийся бегун и исчез, оставив звук затихающих, плотно сцепляющихся с асфальтом шагов. Редкие парочки плавали в вечерней дымке, как в эфире.

— Неужели ты ни разу не гуляла здесь со своим парнем?

— Пару раз, когда начинали встречаться. Давно это было.

Зудин усмехнулся.

— Когда давно?

— Прошлым летом.

— Наверное, некоторые лавочки навевают приятные воспоминания. Где вы целовались...

— Только я не помню, где они.

— Не любишь ты его, — Зудин театрально вздохнул.

— Любила бы, если б заслуживал, — Даша произнесла это по-взрослому, как будто устала жить с нелюбимым мужем.

— Почему не заслуживает? Что не так?

— Мне нужно внимание, я хочу видеть, что я для него на первом месте.

— Может, он тебя не устраивает?

— Я знаю, что есть лучше. Только для меня это не главное.

— Он у тебя первый?

— Да.

— А если бы ты встретила другого, кто оказался бы намного лучше, и ты понравилась бы ему? Что тогда?

Даша выкинула сигарету.

— Если бы полюбила, то бросила бы его.

— Ты рассуждаешь, как взрослая женщина.

— Это комплимент?

— Ты мне нравишься.

— Ты мне тоже....

Они свернули и пошли вдоль ограды усадьбы. Зудин следил за Дашей, видел, что и она наблюдает за ним боковым зрением. Ее высокие каблукы цокали по асфальту. Она запахнула кофту.

— Тебе холодно?

— Нет! — сказала она резко.

Они помолчали.

— Хочешь полюбить по-настоящему?

— Каждая хочет, — Даша вздохнула.

— Но не каждой встречается принц на белом коне.

— Я верю, что мне встретится.

— Если так думаешь, значит, уже готова бросить своего парня.

— Если он не изменится. Но я очень хочу, чтобы он изменился. Честно — хочу!

От этого «хочу» и движения ее бедер у него засвербило в животе.

— Классная ты девчонка.

— Чем я классная?

— Всем.

— Да нет, я обыкновенная.

Они повернули, чтобы обойти пруд. На скамейках у пруда сидели парочки, шелестели голоса.

— Может, посидим? — спросила она.

— Я как раз хотел предложить тебе присесть. Только здесь все занято.

Она снова закурила.

— Что-нибудь найдем. Хоть пень.

Зудин почувствовал, что она хочет. Было бы странно, если б он не пробудил в ней желание, красивый, веселый, на дорогой машине; осталось только подготовить момент. Как покорно она идет в темноту. Нет сомнений, она только этого и ждет. Только бы не спугнуть!

— Мне кажется, ты замерзла, — он взял ее руку, действительно холодную, и почувствовал, как сам взволнован близостью решительного момента.

— Нет. — Даша мягко высвободила руку, отразив пробную атаку.

Зудин чуть не сгреб ее в охапку, чтобы заткнуть ей рот языком и отнести в ближайшие кусты. Они свернули направо, пошли по тротуару без фонарей; по левую руку был небольшой заросший пруд.

— Вон скамейка, — сказал он с радостным возбуждением, чрезмерным для такой новости, и показал на другой берег пруда.

В темноте скамейки было не видно, Зудин просто знал, что она там есть. Даша ступила на траву и ее нога подкосилась. Он поймал ее, схватив за руку.

— Я даже тропинки не вижу, — пробормотала она. — Ой!

Зудин подхватил ее, легко, как невесту, но она не склонила голову ему на плечо, смотрела испуганно.

— Тропинка есть, но ее почти не видно. Я тебя донесу.

Пока Зудин нес ее, она слушала, как он дышал, и как шуршала трава под его ногами. Ему было легко, он сжимал ее бедра и талию и наслаждался ощущениями, которые дарило ее теплое тело. Он опустился на скамью, посадив Дашу себе на колени, и оставил руку на талии. Зудину показалось странным, что она не прижимается к нему и не обнимает его за шею. Он взял ее маленькую руку в свою и мягко сжал ее.

— Не надо, — прошептала она.

Даша хотела отнять свою руку, но он не отпускал; она чувствовала, как дрожат его пальцы.

— Ты такой сильный, — пробормотала она.

— А ты такая классная, — прошептал Зудин.

Он уже впился бы в ее пухлые губы, если бы был уверен, что момент наступил. Но она еще была зажата.

— Комары, — она выдернула руку из его ладони, и шлепнула себя по ноге.

Зудину показалось, что звук был такой, словно шлепок пришелся по полной ляжке, поднятой и отведенной в сторону. Зудин посмотрел на ее коленки и ему почудилось, что они чуточку разведены.

Они смотрели друг на друга сквозь темноту и слушали дыхание, он — ее, она — его, дыхания хищника и добычи. Зудин был опьянен желанием. Он поднял руку и провел по ее губам.

— Не надо, — прошептала она и спрятала лицо.

Он повернул ее лицо к себе и поцеловал. Ее губы не ответили.

— Не бойся, глупенькая... — он чуть не подавился своим шепотом.

Ее робость умиляла, лишала его остатков терпения. Все стыд, глупый ненужный стыд. Зудин решил, что должен помочь ей справиться с ним. Он знал, как это делается, надо только приласкать ее, так потрогать, чтобы она размякла и дала сок, как взрослая женщина.

Зудин прижал ее к себе и поцеловал, пытаясь проникнуть языком в рот, а другой рукой шарил по телу, лихорадочно, словно торопился. Он был так возбужден, что ему показалось, будто он забыл, как это делается; на что нажимать, чтобы баба скорее возбудилась.

Зудин попытался затиснуть пальцы ей между ног, но она сжала их со всей силы. Тогда он стал мять ее грудь и сделал больно ее маленькой груди. Даша стала брыкаться, без крика и слов, только яростно выдыхая. Зудин растерялся. Она вырвалась и соскочила на землю.

— Я не хочу этого, — пробормотала она и задохнулась от слов.

Даша стояла растрепанная, платье задралось и ноги были видны до трусов. Даже в темноте Зудин отчетливо видел их притягивающие линии. Она стояла, немного расставив ноги, чтобы не потерять равновесие. А в сознании Зудина мелькнуло: «Наконец-то она их раздвинула».

— Почему? — воскликнул он.

— Я не собиралась... С чего... вы взяли?

— А для чего ты сюда пошла?

— Погулять. Я же сказала, что давно не гуляла в парке.

— С незнакомым мужиком! В парке! Ночью! Просто погулять?

— А что здесь такого?

Зудин потерял самообладание. Больше всего выводила из себя ее искренность.

— Ты совсем дура или прикидываешься? Ты не знаешь, что мужики вроде меня не выгуливают девочек просто так? Ты думала, я пойду с тобой в эти кусты, чтобы вешать лапшу тебе на уши? А потом покатаю на крутой тачке и провожу домой. Просто так?

Дашу сковал ужас. Она смотрела на него, закипающего, сжатого, как перед прыжком, и боялась что-то сказать. А он уже не мог сдерживаться.

— Нет, детка, я не из тех, кого может провести такая как ты. Сама сюда заманила — теперь обслуживай!

Резко, чуть привстав, Зудин схватил ее за локоть и швырнул на скамью. Упругое тело и округлые ляжки, которые задрались от жесткого приземления на скамью, окончательно затуманили ему разум. Он вскочил и уставился на нее. Даша схватилась, закрываясь как

голая, одной рукой за грудь, другой — между ног. Из горла у нее вырвалось нечто среднее между писком и стоном. Она сжала колени, но не могла спрятать от его глаз обтянутые гольфами бедра.

Зудин вдруг понял, что соблазнять больше не нужно, а можно просто взять. От того, что она была в полной его власти, он испытал новое необыкновенно сильное возбуждение. Зудин принялся стягивать с нее трусы, упиваясь видом ее ног в черных гольфах, которые покачивались от его толчков. Страх сделал ее тело безвольным и податливым.

— Пожалуйста, не надо... — выдавила из себя Даша.

Зудин расстегнул брюки, опустился на колени и стал заталкивать в нее член. Почувствовав, что попал, он задержался, теряя от наслаждения рассудок. Даша застонала от боли. Он ударил ее. Она замерла, как овца, которой перерезают горло. Зудин не мог кончить, коленям было больно от стояния на земле. Он поднялся, придерживая брюки.

— Соси, — прохрипел он чужим, утробным голосом.

Он хотел кончить, как можно быстрее, как — не имело значения. Даша сползла со скамьи на колени и прижала к груди руки.

— Отпустите меня. Пожалуйста! — выговорила она тихо и ровно.

Зудин не слышал ее, он перестал реагировать на слова, словно оглох. Он стал онанировать, двигая рукой как можно быстрее, задержался как эмбрион, схватил ее под голову и заткнул ей рот. Словно боялся замарать и траву, и старую скамейку, и заплеванную землю перед скамейкой. Девушка оказалась единственным подходящим для этого местом. Он держал ее за голову и жалил в рот, выпячивая по-осиному брюхо.

А потом отшатнулся. В ужасе. Страсть отхлынула, оставив его один на один с тем, что он сделал. Даша корчилась рвотными спазмами. Он уже видел нечто похожее...

Послышались голоса. Зудин присел, как от выстрела, не успев застегнуть ширинку. Стал из зверя зверьком, почуявшим хищника. Посмотрел на нее, метнулся, снова прислушался. Голоса слышались явно. Бежать! Исчезнуть! Не было этого с ним! Зудин схватил ее за кофту и прохрипел в лицо:

— Только расскажи про меня — убью! — сорвавшись на фальцет.

И бросился в кусты, но через несколько шагов остановился и заставил себя думать, присев и лихорадочно соображая. У нее же телефон, менты быстро его найдут. Она все расскажет. Выход один. У него есть еще несколько минут. Зудин вытянул шею, как сурикат, пытаясь разглядеть ее в темноте. Вон она, то светлое пятно — это она.

Потеряв его, Даша лежала на земле, почти без сознания. Первое, что она услышала, был писк комара, он пищал возле уха, потом сел на щеку. Она услышала голоса. Во рту стоял привкус рвоты. Резкий спазм сломал ее пополам. Она села, опираясь на руки и стараясь отдышаться. Она огляделась и подумала, что надо отползти к деревьям, чтобы ее не увидели, собраться с силами и потом выбраться.

Она услышала торопливые шаги и перед ней снова возникла белая рубашка, и появились горящие как у психа глаза. Она вскрикнула. Зудин схватил ее за горло, и сильно, но как-то нелепо сжал пальцы, как будто они мешали один другому. Он сжимал изо всей силы и смотрел в ее округлившиеся глаза, ненавидя их за то, что они живые. Она схватила его за руки, но бессильно, как будто упрашивала, не надеясь. Не способная даже царапать обгрызенными ногтями.

Даша не шевелилась. Снова раздались голоса и смех. Зудин прынул в сторону и бросился туда, где темней, подгоняемый голосами как колоколом. Огромный, напоминающий дикого

человека, бежал он по парку большими скачками, скорчив спину, словно в него целились, подбадриваемый ночной свежестью, сторонясь дорожек и лавочек. Им полностью овладел страх, панический, как перед диким животным.

Какие-то секунды Даша провела в невесомости, захлебнувшись неведением, тут она или уже там, за чертой. Она схватилась за горло и жадно дышала. Из оцепенения ее вывели голоса. Она хотела закричать, но не было сил.

Зудин вынырнул из кустов, прислушался, огляделся, высунув из листвы голову, как рептилия. По улице Юности носились машины, мирно, привычно. Он отключил сигнализацию, рванулся к Рейндж Роверу, завел, крутанул руль и выехал на дорогу. Он твердил себе, что не надо спешить, надо успокоиться и вести себя, как ни в чем не бывало, а сам давил на газ и летел, летел черным вороном в мириады огней.

Он заехал в бар, выпил за стойкой пять по сто водки и заел лимоном. Мысль о еде вызывала отвращение, как женщины. Зудин вышел на улицу и понял, что ничего не исправить. Хотелось побежать к матери, уткнуться ей в живот и зарыдать, почувствовать на себе ее руки. Тяжелое отчаяние охватило его, легло в животе камнем, и даже водка не могла его растворить.

Подъезжая к дому, Зудин увидел возле дороги кусок металлической трубы. Он бросил трубу в машину и повернул в ближайший двор. Выйдя из Рейндж Ровера, он посмотрел на его черный, поблескивающий металл. Он поднял трубу и ударил не очень сильно, как бы взяв пробу. Звук от удара прынул ввысь и в стороны — во дворы. Зудин стал бить, нанося удар за ударом, распаяясь, обходя вокруг машины и методично не пропуская ни одного ровного места на кузове, ни одного стекла, ни одного агрегата.

В домах начал загораться свет, послышались голоса. Зудин ударил последний раз, вложив в него остаток сил, и бросил трубу. Рейндж Ровер стоял изуродованный, сверкая вмятинами и разбитыми краями, но по-прежнему покорный, готовый унести своего хозяина в ночную Москву, беззаботную, счастливую.

Зудин почувствовал, что обессилел и побрел к дому, мелькая рубашкой между деревьев, как будто выбросив белый флаг.

Прошло четыре дня. На Ленинградском проспекте кипела жизнь. Сквозь закрытые окна в квартиру доносились звуки улицы; проносились машины, стучал по рельсам трамвай, где-то за домами на стройке забивали сваи. Время от времени слышались голоса людей; кто-то кричал на ребенка или заливисто хохотала девушка. Город жил своей жизнью. А в квартире было тихо и покойно, даже пылинки не двигались.

Зазвонил телефон. Гудки прервались, прозвучал щелчок, за ним шум и, наконец, голос.

— Рома, возьми трубку! Прошу тебя! Ты же знаешь, что я не перестану звонить, пока не услышу тебя, или не увижу. — Ольга вздохнула, как обиженный ребенок. — Я много думала после нашей последней встречи. Знаешь, я бы не звонила, если б ты просто, как говорится, послал меня и уехал. Но было же по-другому. Ты признался, что любишь. Поэтому я не перестану звонить. Что у тебя были другие, это понятно. Как я могла думать, что такой мужчина может гулять с глупенькой девочкой за руку и не иметь кого-то на стороне! Такого не бывает. Тем более, в наше время. Я их тебе прощаю. Потому, что ты сам не смог так продолжать. Не смог, потому что полюбил. Знаешь, я не столько словам поверила сколько твоим глазам. У тебя никогда не было таких глаз. Страдающих. Поэтому, я предлагаю... Нет, я настаиваю — начать все сначала. Мы начнем сначала, потому что любим, а если любим, то должны бороться за нашу любовь. Это не из книжек, я это только теперь поняла. Я знаю, мы можем быть счастливы. Я сильная. Я все смогу, если буду знать, что нужна тебе. Ты и сам знаешь, что нужна, просто ты как... как во мгле, знаешь, что есть дорога, но не можешь на нее выйти... Я не очень тебе понравилась. Но это же просто от неопытности. Я всему научусь, дай только чуточку времени, и тебе не нужна будет никакая другая. Вот увидишь! Учиться-то я умею. — Она помолчала и закончила, голос ее сорвался. — Я люблю тебя и верю в наше счастье!

Роман Зудин сидел в своем кресле, уронив подбородок на грудь, с большим бурым пятном на белой рубашке, почерневший и уже источающий зловоние. На полу возле кресла лежал пистолет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net